

ЭКСИД

КУЛЛ И ПУТЬ МРАКА

САГА О КУЛЛЕ

КУЛЛ
И ТРОН
БАЛУЗИИ 1

КУЛЛ
И ЗМЕИНОЕ
КОРОЛЕВСТВО 2

КУЛЛ
И КЛИНКИ
ЛЕМУРИИ 3

КУЛЛ
И БРАТСТВО
МЕЧА 4

КУЛЛ
И ДЫХАНИЕ
СМЕРТИ 5

КУЛЛ
И ВОИНЫ
ВЕЧНОСТИ 6

КУЛЛ
И ПУТЬ
МРАКА 7

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ !

Наш мир стремительно меняется:
приходят и уходят правительства,
наступают кризисы, создаются и
распадаются издательства –
но герои любимых сериалов
всегда с Вами!

Теперь книги о **Конане-варваре**, короле
Кулле и **Рыжей Соне** будет выпускать
издательство "**Северо-Запад Пресс**".
Вас ждут встречи с новыми романами
Майкла Мэнсона, Олафа Локнита,
Мориса Делеза, Кристофера Гранта,
Натали О'Найт, и многих других,
кто писал о хайборийском мире!
В ближайших томах Вы увидите
переработанную и дополненную карту
Хайбории, которую давно ждали наши
читатели, новые выпуски
"**Путеводителя**" и материалы ведущих
специалистов по Хайбории. Со
следующего тома мы начинаем
публиковать новости "**Виртуального**
Конан-клуба" – самую свежую
информацию о новинках в сети
Интернет, на сайтах, посвященных
Вашим любимым героям.
С 2000 года "**Северо-Запад Пресс**"
открывает собственную страницу в
Интернете, где Вы сможете узнать все
новости и планы издательства, – надеемся,
Вы станете ее частыми гостями!

Сменяются века и тысячелетия...

HYBORIA FOREVER !

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 90

*Серия основана в 1997 году.
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.*

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее
части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 90 Кулл и путь мрака: Роман и повести.— СПб.,
«Северо-Запад Пресс», 2000.— 416с.

ISBN 5-93698-003-0

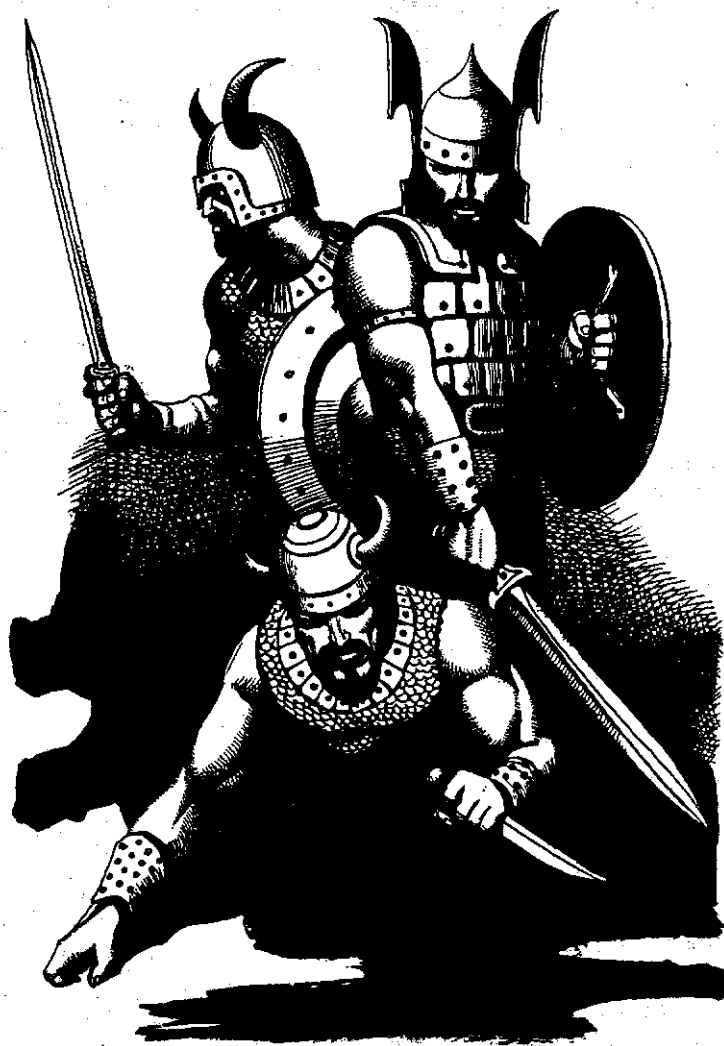
К 8200000000

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Ken Kelly, обложка, 1991
© Д. Вяземский, серийное
оформление, 1999
© С.Шикин, оборот, 1997
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 1999

ISBN 5-93698-003-0

Не хорошо начиналось это утро. Мрачная тишина царила под тяжелыми каменными сводами королевского дворца: не слышно было бряцания доспехов сменявшихся караульных, привычной перебранки служанок, шарканья ног многочисленной челяди, звона посуды — всех этих знакомых звуков обычной утренней суеты. Казалось, даже весело щебетавшие за окнами птицы теперь испуганно притихли, словно в ожидании надвигающейся грозы.

Главный Советник, старик Ту, втянув голову в плечи, покрытые темно-синим тяжелым плащом с златотканым гербом Валузии, понуро стоял перед своим властителем — королем Куллоом, чей разъяренный взгляд не предвещал ничего хорошего. Атлант не произнес ни слова, но это зловещее молчание тяготило сановного вельможу куда больше, чем самая беспощадная отповедь.

— И опять никаких следов, — тяжело вздохнув, негромко произнес Ту. В выцветших от старости

глазах царедворца мелькнула тень надежды, когда он взглянул на стоящего рядом Келкора. Главный советник, казалось, ожидал найти у командира Алых Стражей поддержку и защиту от королевского гнева. Но загорелое лицо лемурийца оставалось бесстрастным, и старик уныло продолжил: — Ни одной, даже малейшей зацепки.

— Ну в этом-то я не сомневаюсь, — язвительно заметил Кулл. Он нарушил наконец тягостное молчание, но продолжал сверлить старика горящим яростным взором. — Зачем мерзавцам оставлять хоть какой-то след? Чтобы в страхе потом дожидаться, когда мы схватим их за шиворот? Не для того они затеяли свою гнусную игру!

— Да, мой господин, — покорно кивнул советник. — Но мы прочесали все вокруг, простукали каждый камень в кладке стен и пола, допросили...

— Знаю, знаю: всех допросили, всех расспросили, — с нескрываемой досадой махнул рукой король. — И как всегда, никто ничего не видел и не слышал.

Кулл и сам не мог понять, почему сегодня утром его гнев обрушился именно на Главного советника, а, скажем, не на застывшего в своих алых доспехах Келкора, непосредственно отвечающего за покой и безопасность в королевских владениях. Видимо, атлант в глубине души продолжал полагаться на мудрость и проницательность старика Ту гораздо в большей степени, чем сам себе готов был признать. Короля не покидала уверенность, что опытный в интригах старый вельможа, хорошо поразмыслив, мог бы если

уж и не разрешить хитроумную головоломку, подброшенную неведомыми врагами, то хотя бы определить, в каком направлении следует искать разгадку.

...Странные дела стали происходить с некоторых пор за древними стенами прекрасного дворца правителей Валузии. Началось все с того, что королю на завтрак подкинули дохлую ящерицу. Сняв крышку с серебряной чаши для фруктов и увидев там окоченевшую рептилию со свернутой набок шеей, атлант мгновенно понял, что это не просто чья-то нелепая шутка или глупая выходка. Против него вновь назревал заговор.

Король не почувствовал ни тени страха или гнева, но ощутил лишь привычную готовность быть каждое мгновение начеку, чтобы не оказаться застигнутым врасплох. Тотчас были предприняты все подобающие в таких случаях меры предосторожности, на которые заговорщики, впрочем, не обратили ни малейшего внимания, совершив следующий, куда более серьезный и подлый шаг.

Через два дня после обнаружения трупа ящерицы Кулл мрачно стоял над распростертым на полу бездыханным телом одного из Алых Стражей, которому кто-то безжалостно сломал шею. И снова никаких намеков на то, где искать убийцу.

Не оставили злодеи следов и еще через несколько суток, когда смена караула обнаружила своих товарищей, лежавших с неестественно вывернутыми головами, прямо у окованных медью дверей королевских покоев. Кулл, всегда спавший

очень чутко, в ту ночь не слышал ни малейшего шороха или подозрительного звука. Он терялся в догадках, как могло произойти подобное, — ведь неподалеку в коридоре несли караул и другие воины, которые абсолютно ничего не заметили, — но ответа найти не мог.

Почему же перебили стражу, но не тронули самого короля? Почему никто ничего не видел и не слышал? Как могли заговорщики справиться голыми руками с вооруженными до зубов и закаленными в боях Алыми Стражами — на трупах не нашли ни колотых, не режущих ран, а для того чтобы свернуть человеку шею, как известно, не нужно никакого оружия...

Все эти дни Кулл был вне себя от душившего его бессильного гнева, и когда нынешним утром на пороге его покоев появился Ту, сообщивший, что этой ночью неизвестные злоумышленники опрокинули и разбили в каменное крошево топазовый трон, один из символов королевской власти в Валузии, атлант смерил старого советника таким испепеляющим взглядом, что тот невольно попятился.

— Что происходит? — в бешенстве выкрикнул Кулл, со звоном вытащив меч из ножен. — Кто все это вытворяет? Я даже не знаю, с кем мы имеем дело — люди это или какие-нибудь твари? А может быть, демоны или призраки? Тебе хоть что-нибудь удалось понять, Ту?

Но советник лишь молча покачал головой, еще раз бросив красноречивый взгляд на командира Алых Стражей.

— Мы в три раза усилили все посты и караулы, — неохотно произнес Келкор, глядя куда-то в сторону. — Ни одна живая душа не могла незамеченной пройти ни по одному из коридоров и галерей дворца. И хотя я не верю, что призрак может свернуть шею сильному воину, но все же начинаю думать, что без колдовства здесь не обошлось.

— Но кто бы они ни были, что им надо? — Недоумение и ярость исказили суровые черты атланта. — Ведь меня же они не тронули! Может быть, опять хотят свести короля с ума? Но такие попытки уже предпринимались, и, по-моему, все мои враги имели случай убедиться в совершенной бесполезности подобных действий.

— Я думаю, нас пока просто запугивают, — подал голос Брул Копьебой, стоявший у окна и осматривавший цепким взглядом каждый кустик обширного королевского сада. — И предупреждают о предстоящем нападении.

Это и так все понимали, но ни одного из присутствующих не оставляло гнетущее ощущение нависшей над ними неведомой и непредсказуемой опасности. Каждый из них был готов к схватке, но никто не знал, с каким противником теперь придется иметь дело и какое оружие необходимо применить. Неизвестность и неопределенность — с этими малоприятными вещами люди меньше всего любят сталкиваться. Когда видишь перед собой превосходящие силы врага, то скорее тебя захлестнет здоровая злость, чем постыдный страх, — если ты, конечно, не новичок в воинском деле и

не трус. Но когда невозможно даже понять, с кем имеешь дело, то вместо злости, удесятеляющей силы, возникает слепая ярость, лишь затуманивающая разум и мешающая принимать правильные решения.

Вздыхнув, Кулл опустился в кресло и забарабанил пальцами по резному подлокотнику.

— Ладно,— сказал он наконец.— Сейчас мы все разойдемся по дворцу, и каждый лично еще раз все внимательно проверит. Ту, вызови сюда своих согладатаев и колдунов и побеседуй с ними.

— Ваше Величество, я бы хотел сначала распорядиться насчет...— Советник замялся, явно опасаясь вновь вызвать своими словами вспышку королевского гнева.— Насчет трона.

Кулл нахмурился и до боли стиснул зубы.

— Да,— мрачно произнес он.— Распорядись. И побыстрее.

* * *

Тщательные поиски опять ничего не дали. Пытаясь проследить предполагаемый путь заговорщиков из самых нижних, подземных помещений, атлант все больше и больше осознавал, что имеет дело с необычным противником. Незамеченной во дворец не могла проскочить даже мышь. Повсюду, в пределах видимости друг от друга, стояли усиленные караулы Алой Стражи; в тех местах, где предположительно могли находиться неизвестные подземные ходы, денно и ночно дежурили целые отряды воинов. Бесконечные лабиринты дворцовых переходов были буквально заполнены

вооруженными латниками, чей грозный вид мог бы повергнуть в трепет любого, осмелившегося посягнуть на жизнь короля Валузии.

Так было с того самого дня, когда в первый раз обнаружили убитого Алого Стража, однако это не спасло караульных, охранявших королевские покои. Неведомый враг неведь как подкрался к ним и в полной тишине переломал им шеи.

Сомнений не оставалось — в заговоре принимал участие тот, кого хорошо знают во дворце и беспрепятственно пропускают повсюду. Разве придет в голову, например, кому-нибудь из Алых Стражей задержать проходящего мимо него Келкора, своего собственного командира? Или советника Ту, в чьей преданности Куллу не сомневается, пожалуй, ни один подданный Валузии? Или пикта Брула, который является личным другом короля?

Кулл внезапно остановился и, нахмурившись, покачал головой.

«Валка! Что за мысли мне лезут в голову? — с досадой подумал он.— Неужели я уже начал подозревать в измене самых близких и преданных мне людей? Нет, так нельзя, это враги нарочно сбивают меня с толку, и я не должен поддаваться на их уловки!»

Король сделал несколько шагов вперед, но вновь остановился. А может быть, неведомые противники принимают облик кого-нибудь из тех, кто хорошо известен и челяди, и стражам, и вельможам королевского двора? Может быть, даже самого Кулла? Так поступали владеющие древней

магией змеелюди, но теперь с ними как будто покончено... Неужели эти злобные твари снова подняли головы?

Увидев идущего ему навстречу Келкора, атлант напрягся и крепко сжал рукоять меча. Машинально приняв боевую стойку — правая нога слегка согнута в колене, торс немного развернут в противоположную от противника сторону, — король вдруг заметил, что и командир Алых Стражей положил ладонь на рукоять клинка, настороженно глядя на Кулла. Они оба застыли, молча сверля друг друга глазами, но не делая ни единого движения.

Так продолжалось, кажется, целую вечность, пока Келкор наконец не опустил руку. Облегченно вздохнув, атлант загнал свой клинок поплотнее в ножны.

— Что, старый рубака, ты тоже вспомнил об этих тварях — змеелюдях? — невесело усмехнулся король. — Значит, нам пришлось в голову одно и то же.

— Боюсь, что не нам одним, — промолвил в ответ лемуриец. — Совсем недавно в одном из переходов мы точно так же столкнулись с Брулом, и каждый из нас уже готов был обнажить меч.

— Да, скверные дела, — покачал головой Кулл. — По-видимому, нам придется носить при себе какой-нибудь знак, чтобы не случалось подобных недоразумений.

— Не думаю, что это стоящая затея, — задумчиво произнес командир Алых Стражей. — Коварство змеелюдей так велико, что никакой знак тут

не поможет. Лучше выманить их из норы и заставить вступить в открытый бой.

— Разумеется, — пожал плечами король. — Да только тебе не хуже моего известно, что эти твари избегают честной схватки и предпочитают отсиживаться за спинами обманутых ими глупцов.

Лемуриец помолчал, затем, оглядевшись по сторонам, вплотную приблизился к Кулла.

— У меня есть один план, — тихо прошептал он. — Думаю, стоит попробовать.

* * *

В неясном свете мерцающих светильников лица двух Алых Стражей, замерших у дверей королевских покоев, казались застывшими масками. Перевалило уже далеко за полночь, и все звуки во дворце давно стихли, лишь легкое потрескивание пламени нарушало гнетущую тревожную тишину.

Шагах в двадцати от караульных, у противоположной стены, стоял рослый воин, также облаченный в алые доспехи. Его серо-стальные глаза неотрывно смотрели в сторону двери, ведущей в королевскую опочивальню, а крепкая загорелая ладонь уверенно лежала на рукояти длинного меча. Время тянулось бесконечно медленно, но на мужественном спокойном лице стража не было заметно ни тени усталости или нетерпения. Встретившись глазами с одним из часовых, он едва заметно улыбнулся ему уголками губ.

Внезапно что-то заставило могучего воина насторожиться. В глубине коридора послышался

легкий шорох, и гигант резко обернулся в ту сторону. Звук стих, но он продолжал настороженно вглядываться в тускло освещенное пространство, пытаясь определить, откуда мог исходить загадочный шум. По всему коридору были расставлены Алые Стражи, и загорелый рослый боец мог видеть лица тех, что стояли у противоположной стены. Все они бесстрастно смотрели прямо перед собой и, по-видимому, не слышали никакого шороха. Страж с серо-стальными глазами — а это был не кто иной, как сам король Кулл — уже решил, что неясный шорох ему всего лишь почудился, но тут его чуткий натренированный слух вновь уловил все тот же приглушенный звук.

Атлант напрягся, до боли в глазах всматриваясь в пространство коридора, но по-прежнему так ничего и не разглядел. Он с трудом сдерживался, чтобы не броситься в ту сторону, но продолжал стоять неподвижно, затаив дыхание. Вскоре к шороху прибавился и новый звук — Кулл отчетливо уловил какое-то тихое постукивание, на этот раз достаточно различимое, потому что Алый Страж, застывший наискосок от короля, тревожно посмотрел сначала в конец коридора, затем себе под ноги и, наконец, на Кулла.

Глазами показав ему направление, откуда исходили странные звуки, атлант перевел взгляд на двери королевских покоев, чтобы убедиться, что там все в порядке, и на мгновение замер, пораженный увиденным.

Прямо с потолка, зацепившись невероятно длинным хвостом за каменное изваяние древнего

божества над самыми головами караульных, свисало странное человекоподобное существо, поросшее короткой темной шерстью. Качнувшись в сторону одного из стражей, оно протянуло к нему косматые руки с огромными мощными пальцами, намереваясь схватить часового за шею.

— Брул! — громовым голосом крикнул король. — Берегись!

В то же мгновение облаченный в доспехи Алого Стража пикт отскочил от стены и, выхватив меч, резко вскинул клинок, попав прямо в глаз отвратительному существу. Полузверь-получеловек взвыл от боли и попытался перебраться повыше, но в это время Келкор, тоже стоявший у дверей под видом часового, стремительным движением отсек неведомой твари хвост, и она с глухим стоном рухнула на каменные плиты пола.

Тут же вскочив на ноги, человек-обезьяна одним прыжком перескочил поверх склонившегося над ним Брула и что есть силы помчался по коридору. Атлант, к этому времени подбежавший почти к самым дверям покоев, бросился вдогонку и едва не настиг мохнатую тварь, но звероподобное существо вдруг резко развернулось, высоко подпрыгнуло и перелетело через голову ошеломленного короля.

Кулл в ярости зарычал и, повернувшись, вновь устремился за косматым противником, а тот, кубарем прокатившись по полу, метнулся под ноги бежавшему навстречу Копьебою и сбил пикта с такой силой, что он врезался в древнюю кладку стены.

Наперерез твари бросился Келкор, но обезьяночеловек, ловко вскочив, высоко подпрыгнул и ударил обеими ногами в грудь лемурийца. Командир Алых Стражей, гремя доспехами, тяжело рухнул на каменные плиты. Мохнатое существо вновь бросилось наутек, но его уже поджидали Алые Стражи, окружая незваного гостя плотным кольцом. Ошеломленный пришелец резко остановился и оглянулся. Увидев совсем близко от себя разъяренного Кулла, высоко занесшего над головой обнаженный клинок, он скорчил омерзительную рожу и вдруг пронзительно и визгливо расхохотался.

— Ах ты, тварь! — в бешенстве крикнул атлант, ткнув развеселившегося противника мечом в грудь. — Сейчас ты лишишься своей поганой башки, но сначала ответишь, кто тебя подослал!

Но обезьяночеловек, невзирая на то, что вся физиономия его была залита кровью, а вместо левого глаза зияла страшная рана, продолжал так оглушительно хохотать, что у столпившихся вокруг него людей кровь застывала в жилах от этих мерзких звуков.

— А ну заткнись! — грубо рявкнул пикт, в свою очередь приставив острый клинок к косматой груди врага. — Иначе выколю тебе и второй глаз!

Визгливый смех внезапно оборвался. Зловеще сверкнув единственным глазом, странное существо резким движением рук вдруг отбросило от себя оба меча и вновь подпрыгнуло, мгновенно оказавшись на широких плечах Кулла. Не успел ат-

лант сообразить, что же произошло, как обезьяночеловек, сильно оттолкнувшись от него, стремительно перелетел к противоположной стене и ухватился за каменную маску древнего божества высоко над головами людей. Посмотрев вниз и зверски оскалив зубы, существо в один миг перенеслось на другой выступ барельефа, расположенный еще выше.

— Уйдет! — выдохнул Брул и, не раздумывая, метнул в человека-обезьяну свой меч.

Бросок пикта был точен. Копьебой четко рассчитал, хотя на это у него была лишь доля мгновения, где окажется косматая тварь после следующего прыжка. Клинок вонзился в спину удирающего врага в тот момент, когда тот перелетал на резную балку свода. Коротко взвизгнув, существо рухнуло вниз.

Окруженный плотной толпой воинов, загадочный прыгун неподвижно лежал на холодном каменном полу, злобно сверкая единственным глазом. Из рта его вялыми толчками вытекала кровь — начиналась агония, — но страшное черное око все так же горело неукротимой ненавистью. Человек-обезьяна силился что-то сказать, и Кулл наклонился поближе к умирающему противнику, надеясь, что последние слова загадочного монстра помогут разгадать тайну его появления во дворце.

— *Тра катриам хе но!* — свистящим шепотом отчетливо произнес поверженный враг и вдруг, вскинув обе руки, крепко вцепился огромными когтистыми лапами в шею короля.

Хватка противника оказалась железной, и атлант от неожиданности едва не выронил клинок, но в последнее мгновение успел вонзить его в горло обезьяночеловека. Фонтаном брызнула кровь, сверкающий злобой глаз мохнатого существа закатился и остекленел, однако мощные руки продолжали сжимать шею атланта так, что Куллу пришлось приложить немало усилий, чтобы освободиться от страшной хватки мертвеца.

Выпрямившись, король быстро обвел взглядом воинов, стоявших вокруг него с обнаженными мечами.

— У него есть сообщник! Он к нам не один пожаловал! — тяжело дыша, воскликнул он. — Когда я стоял на посту, то слышал странные звуки, доносившиеся откуда-то из глубины коридора. Я уверен: таким образом второй мерзавец отвлекал внимание стражей, чтобы они не видели того, что должно было произойти у дверей опочивальни. Келкор! — атлант повернулся к командиру Алых Стражей. — Пусть твои воины прочешут все коридоры, внимательно осматривая потолки и стены. Эти твари, оказывается, передвигаются поверху!

Коротко кивнув, лемуриец направился с несколькими Алыми Стражами в один конец коридора, остальные воины, подчиняясь жесту командира, двинулись в противоположную сторону. У дверей королевских покоев остались только Кулл и пикт. Они вновь склонились над трупом обезьяночеловека, лежавшим на каменных плитах в луже густой темной крови. Лицо мертвеца каза-

лось вполне человеческим, но крайне неприятным, уродливым и заросшим почти по самые глаза короткой темной шерстью. Тело имело пропорции скорее человека, а не зверя, но чрезвычайно длинные мохнатые руки выдавали принадлежность странного существа к обезьяньему племени.

Король и Копьебой переглянулись, затем одновременно посмотрели наверх, где все еще сиrotливо висел намотанный на каменную голову древней статуи длинный гибкий хвост. Подняв клинок, Кулл дотянулся острием до покрытого шерстью хвоста и, прижав его к стене, сдернул вниз. С отвращением взяв добычу в руки, атлант принялся внимательно рассматривать ее.

— Ну и ну! — задумчиво произнес он. — Только этого еще не хватало! Откуда же взялись эти косматые твари? И что им понадобилось во дворце?

— Думаю, им нужен ты, Кулл, — вздохнул пикт. — В тот раз, когда обезьянолюди переломали шеи караульным у дверей королевских покоев, они подбирались именно к тебе. Но по каким-то причинам не сумели осуществить задуманное. Видимо, они преисполнены жгучей ненависти к владыке Валузии. Да и уничтоженный ими топазовый трон свидетельствует об этом.

— Но за что? — недоуменно пожал плечами король. — Я никогда не встречался раньше с обезьянолюдьми и до сегодняшнего дня даже понятия не имел, что таковые существуют. Что же могло послужить причиной для их ненависти?

— Не будем сейчас гадать, Кулл, — покачал головой Копьебой. — Думаю, мы еще не раз столк-

немся лицом к лицу с мохнатыми тварями. Тогда все и узнаем.

Говоря это, Брул и не подозревал, насколько он окажется прав — с обезьянолюдьми жителям Валузии придется столкнуться в самое ближайшее время, но о масштабах этого столкновения ни пикт, ни атлант, стоя над коченеющим трупом врага, сейчас даже еще и не догадывались.

* * *

Едва только первые лучи солнца осветили пурпурные башни и высокие хрустальные шпили древней столицы, как вдали, у самого горизонта, поплыли вверх огромные клубы черного дыма. Дозорные забили тревогу, в королевский дворец помчались гонцы, а полоса бушующего огня стремительно приближалась. Горели южные области Валузии; сотни беженцев, в панике покинув родные дома и не успев даже прихватить самые необходимые вещи, толпами устремились к надежным крепостным стенам Хрустального города.

Поднявшись на возвышающуюся над столицей Башню Великолепия, Кулл окинул мрачным взглядом горизонт. Картина открылась ужасающая. Там, вдалеке, где за цепью лесистых холмов и скалистых гор еще вчера расстилались плодородные поля и обширные луга, теперь вздымалась стена пламени и черного дыма. Дома в окрестных селениях пылали яркими факелами. За одно утро цветущий край превратился в покинутое людьми пожарище. Что за дикари могли додуматься до этого? По отрывочным донесениям

король и его советники догадались, что здесь не обошлось без косматых тварей — их видели в лесах незадолго до начала пожаров. Судя по всему, именно эти монстры послужили причиной обрушившейся на Валузию катастрофы.

Да, обезьянолюди оказались неоправданно жестокими и безжалостными... Куллу стало ясно, что война с ними будет продолжаться до последней капли крови последнего валузийца... Король стиснул зубы и повернулся к стоявшему рядом Келкору.

— Кажется, сюда скачет гонец из южного гарнизона, — негромко заметил командир Алых Стражей, указывая на маленькое облачко пыли, стремительно приближавшееся к Хрустальному городу. — Думаю, нет смысла ждать его здесь. Надо срочно выступать в поход.

Зоркий глаз атланта различил в облачке крохотную черную точку — одинокого всадника, летевшего во весь опор в столицу, чтобы сообщить о случившемся... Король молча отвернулся и начал неторопливо спускаться.

Над городом взревели трубы — далеко окрест разнесся сигнал сбора.

И вот уже на мощенную светлым камнем площадь перед Башней Великолепия выехали первые ряды прославленной тяжелой конницы Валузии, за ними следовала легкая кавалерия варваров-наемников. Закончив построение, войска боевым маршем двинулись по центральным улицам к Южным воротам города, провожаемые встревоженными взглядами горожан.

Вскочив на коней, король и командир Алых Стражей встали во главе войска. К стенам столицы со всех сторон стягивались окрестные гарнизоны, и вскоре основной состав валузийской армии двинулся на юг, навстречу катящемуся по стране огневому валу.

Подлетевший к Куллу на взмыленном жеребце гонец, задыхаясь, рассказал, что произошло на юге. Слова его повторяли донесения предыдущих гонцов — и даже более того. На юге волосатые твари совсем распоясались.

Перед самым рассветом на южную пограничную заставу напало бесчисленное полчище обезьяноподобных людей, проявивших невиданную ловкость и крайнюю жестокость. Они вскарабкались по высоким крепостным стенам в считанные мгновения, цепляясь длинными хвостами за выступы и друг за друга. Переломав шеи часовым на стенах и страже у ворот, мохнатые твари лавиной обрушились на защитников цитадели. Затем они открыли окованные полосами железа створки ворот, и на узкие мощеные улицы крепости неудержимо хлынула орда мохнатых тварей.

Гарнизон яростно оборонялся, но враги наступали, почти не неся потерь. Обезьянолюди, благодаря своей нечеловеческой ловкости, умудрялись невредимыми отскочить в сторону, увернувшись и от летящей стрелы, и от брошенного копья, и от занесенного меча валузийских воинов.

— Южная застава пала? — мрачно спросил Кулл.

Гонец тяжело вздохнул и опустил голову.

— Командир гарнизона приказал мне срочно отправляться в столицу и сообщить о нападении и о том, что Валузии угрожает страшная опасность, — с трудом проговорил он. — Когда я выехал из крепости, она еще сражалась, но... Не знаю, мой король... Я мчался, как птица, но за моей спиной все время бушевало пламя, а в ноздри бил запах гари... Весь юг охвачен огнем. Они жгут поля, деревни, леса... Они хотят уничтожить всю страну.

Кулл сжал поводья так, что побелели костяшки пальцев. Серые глаза сверкнули холодной решимостью. Коленом он тронул коня, посылая гнедого вперед.

— Надо спешить, — коротко сказал король ехавшему рядом Келкору.

— Если мы успеем раньше проклятых обезьян добраться до Трименских холмов, то у нас будет небольшое преимущество, — отозвался командир Алых Стражей. — По крайней мере появится возможность увидеть сверху, сколько их и как они вооружены.

— Они вообще не вооружены! — воскликнул гонец, перебивая лемурийца. — Обезьянолюди действуют голыми руками! Но твари так сильны, что им и не требуется никакого оружия — они ломают человеку шею, как сухую травинку. Эти обезьянолюди необычайно ловкие и совершенно бесстрашные. Сражаться с ними очень трудно, потому что их приемы не знакомы никому из людей. И действуют они удивительно слаженно, как хо-

рошо обученная армия. А сколько их — не сосчитать! Когда они ворвались в крепость, казалось, что по улицам разлилась темная река из мохнатых тел...

— Понятно,— кивнул Кулл.— Вперед!

Всадники выехали на широкую равнину и устремились к высоким холмам, обрамлявшим ее с юга. Завеса черного дыма неуклонно двигалась им навстречу, а вскоре стали попадаться и первые беженцы. С перекошенными от ужаса лицами, падая и плача, они спешили в сторону столицы, неся на руках или таща за собой ревущих детей. Рассказы их были сбивчивыми и путанными, но Кулл и не стал терять время на расспросы. Все было ясно и так — на страну напали враги, и король обязан защитить и свои владения, и своих подданных.

До холмов огонь еще не дошел, и войско Валузии расположилось у подножия ближайших из них. По ту сторону неистовствовала дикая и злобная полузвериная орда. Времени на размышление не оставалось, и Келкор отправил вперед разведчиков, которые, вернувшись, доложили, что из-за густой завесы дыма численность армии противника определить невозможно, но находится она совсем близко — сразу за холмами. Схватка, в которой решится судьба Валузии, приближалась.

Валузийская конница, оцетинившись длинными пиками, вновь двинулась вперед. Поднявшись на вершину холма, Кулл увидел длинную полосу огня, за которой смутно вырисовывались очертания беснующихся обезьянолюдей. Огненная заве-

са простиралась так далеко и на восток, и на запад, что взять в кольцо неприятеля не представлялось возможным. Так же нельзя было и броситься в лобовую атаку — испугавшись языков пламени, кони встали бы на дыбы, сбрасывая седоков, и исход сражения был бы предрешен.

— Не вижу другого выхода, как только ударить с тыла,— негромко сказал командир Алых Стражей.— До чего же хитры и изобретательны эти твари! Пустить впереди себя огонь! И сами ведь его не боятся — идут сразу за ним по выжженной земле!

— Да, надо зайти противнику в тыл,— согласился король.— Вот только обходить полосу огня придется слишком долго. Вот что, Келкор, мы разделимся на две части и двинемся в разные стороны. Старайся укрываться за холмами и деревьями, чтобы они не разгадали нашего маневра. Здесь мы оставим тяжелую кавалерию, на случай, если хвостатые перескочат через огонь и ринутся прямо сюда.

Армия разделилась на три части. Келкор с Алыми Стражами поскакал направо, а Кулл с легкой кавалерией наемников-варваров — налево. Полоса дыма и пламени казалась бесконечной, и оба отряда, петляя вдоль холмов, все больше и больше отдалялись друг от друга. Воины, оставшиеся на центральной позиции, заняли оборону и приготовились к бою.

Подъезжая к цепи скалистых гор, тянувшихся как продолжение линии холмов, Кулл внутренне напрягся, зная, что здесь его может подстергать

ловушка, устроенная обезьянолюдьми. Но выбора все равно не было, и он только сильнее прищиприл своего гнедого. У подножия последнего холма, вплотную подходившего к скалам, он остановился, и вновь послал разведчиков на ближайшую вершину.

Оглядев местность, Кулл нахмурился. Если попробовать именно здесь зайти врагам в тыл, то придется продвигаться прямо через скалистые горы, но на это уйдет слишком много времени. Однако и нельзя было допустить, чтобы обезьянолюди навязали валузийцам бой у подножия скал — это означало бы верную гибель отряду Кулла. Хвостатые хлынут с гор, как лавина, вмиг уничтожив целую армию. Необходимо было найти более выгодную позицию. Атлант еще раз огляделся и, тронув поводья коня, быстро двинулся к ближайшей скале. Внезапно какой-то шум и горные крики заставили его резко обернуться.

— Они уже здесь! — раздался громкий вопль откуда-то сверху, и король узнал голос одного из своих разведчиков. — Тревога!

Жестом приказав воинам следовать за ним, Кулл взлетел по каменистой горной тропке на почти плоскую вершину и увидел то, что происходило на холме. Один из разведчиков лежал мертвый в густой траве рядом со своим убитым конем, а другой еще продолжал яростно отбиваться от наседавших на него со всех сторон длинноруких обезьянолюдей. Воины Кулла вскинули луки, но пустить стрелу никто не решался: слишком велика была опасность попасть в своего. Наконец и

второго разведчика стащили с лошади, и сразу несколько косматых тварей, навалившись на него, буквально разорвали беднягу на куски.

И тут град стрел обрушился на врага. Воя и визжа, мохнатые существа бешено заметались, но на землю рухнул только один из них — стрела вонзилась ему в горло; остальные же, стремительно прыгая в разные стороны, быстро исчезли за огромными валунами и уступами скал. Велев командиру и нескольким воинам двигаться за ним наверх, король отправил остальных наемников по другой тропе, ведущей к каменистому плато неподалеку, чтобы занять там боевую позицию.

Поднявшись со своим небольшим отрядом на высокую скалистую площадку почти у самой горной вершины, Кулл окинул взглядом холмы и полосу огня, которая здесь кончалась — путь ей преграждали бесплодные утесы. Орда косматых тварей явно находилась поблизости, но атлант, как ни всматривался, так и не заметил ни малейшего движения среди огромных валунов и скалистых уступов. Он взглянул на острую зубчатую вершину горы и решил, что обезьянолюдям, при их ловкости, не составит никакого труда в считанные мгновения достичь ее. В таком случае положение валузийского войска становилось крайне уязвимым: если враги обрушатся на них сверху, то воинам Кулла негде будет даже развернуться.

И все же оставалась надежда, что валузийцы опередили противника.

Дальше ехать верхом становилось все труднее, и король приказал всадникам спешиться. Оста-

вив коней на площадке за уступом скалы под присмотром нескольких воинов, отряд стал продвигаться наверх пешком.

Остановившись у следующего выступа, там, где тропа делала крутой поворот, Кулл осторожно выглянул из-за него.

Кругом царила тишина, нарушаемая лишь редкими криками парящих над самой вершиной скалы птиц да сухим потрескиванием огня далеко внизу. Приказав своим воинам ждать его, король шагнул за выступ и бесшумно двинулся вперед.

— *Тра катриам хе но!* — раздался у самого уха атланта зловещий шепот, заставивший его резко обернуться. Клинок Кулла белой молнией сверкнул в лучах солнца, но выпад не достиг цели.

Злобно ухмыляясь, буквально в шаге от острия королевского меча на горной тропе стоял обезьяночеловек. Атлант, не тратя времени на размышления, откуда здесь взялся косматый, вновь взмахнул клинком, намереваясь обрушить его на голову врага, но тот пружинисто подпрыгнул и взлетел на скалу, зацепившись хвостом за еле заметный выступ. Беззвучно засмеявшись, мохнатый прыгун скорчил омерзительную рожу и показал королю язык.

— Ах ты, ублюдок! — Побагровев от возмущения, Кулл выхватил из-за пояса кинжал, намереваясь метнуть его в хвостатое существо. — Сейчас узнаешь...

Договорить он не успел, как не успел и осуществить свое намерение. Что-то тяжелое обруши-

лось на него сверху, свалив с ног, и в то же мгновение он ощутил железную хватку чьих-то мощных пальцев на горле. Пытаясь высвободиться, Кулл полоснул кинжалом по шершавой мохнатой руке, и захват на миг ослабел, но висевший на скале второй обезьяночеловек стремительно спрыгнул вниз и крепко схватил короля сзади за локти, прижимая их к земле.

Ярость придала атланту новые силы. Резко дернувшись, он сумел немного приподняться и всем телом тяжело опрокинулся на скалу вместе с вцепившимся ему в спину косматым противником. Услышав хруст вражеских костей, король рывком подался вперед, пробив острым наконечником шлема горло другому хвостатому. Оба обезьяночеловека обмякли, и, отбросив их в сторону, словно мешки с мукой, Кулл уже собирался выпрямиться в полный рост, как вдруг длинный гибкий хвост обвил его шею, сдавив так, что свет померк в глазах атланта. Последним усилием воли он заставил себя вскинуть руку с кинжалом, чтобы перерезать живую удавку.

Но сделать это Кулл уже не сумел. Яркая вспышка пронзила его мозг, и король Валузии погрузился в вязкую, тягучую пустоту.

* * *

Оставшийся в столице Брул с самого раннего утра занимался поисками потайного подземного хода. В том, что не известный никому из живущих во дворце проход существовал, сомнений не было, — сообщники убитого обезьяночеловека уш-

ли именно таким путем, иначе их бы обязательно заметили: многочисленные сторожевые посты стояли в Хрустальном городе едва ли не на каждом шагу. В помощь местному гарнизону, опасаясь что враг решится проникнуть за крепостные стены, король оставил большой отряд пиктов-наемников, поэтому город продолжал находиться под неусыпной и мощной охраной.

Горожане также вооружались и, как могли, укрепляли свои дома, строили заграждения поперек широких мостовых. В столице было объявлено чрезвычайное положение. Стихли привычные звуки, всегда царившие на улицах и площадях, и лишь немногочисленные, воспользовавшиеся ситуацией торговцы громко зазывали прохожих, предлагая самый ходовой теперь товар — ножи, топоры, бочонки легковоспламеняющегося минерального масла.

Брул не собирался оставаться в столице, но спорить с королем не стал, когда тот велел ему возглавить оставшиеся в Хрустальном городе войска.

Конечно, Копьебой хотел бы оказаться рядом с другом на поле брани, но в то же время он прекрасно осознавал, что коварный враг вполне может решить ударить сразу по двум направлениям, а столица Валузии должна быть надежно защищена. Однако пока в городе все было тихо.

Приставив к стене тяжелую деревянную лестницу, Брул взобрался наверх и начал тщательно ощупывать и простукивать древние шероховатые камни. Шагах в пяти от него на точно такой же

лестнице ковырял стену Дарг, командир пиктского отряда, еще довольно молодой, но уже достаточно опытный воин.

— Ну что, Дарг, нашел что-нибудь подозрительное? — спросил Копьебой, хотя ответ и так ясно читался на разочарованном лице командира наемников.

— Подозрительно тут все, — хмуро буркнул тот, окидывая недовольным взглядом сумрачное пространство старинного коридора. — Этот дворец — просто кладезь каких-то жутких вековых тайн. Он вызывает у меня только одно желание — разнести его вдребезги.

— И на его месте построить нечто подобное, — усмехнулся Брул. — А со временем новый дворец заполнят другие, не менее жуткие тайны... которые через много веков вызовут у его обитателей такое же горячее желание: разнести тут все вдребезги.

— Плевать мне на то, что будет потом, — мрачно отозвался Дарг и демонстративно сплюнул, спускаясь по лестнице. — Из-за того, что эти стены напичканы подземными ходами, я вынужден заниматься не своим делом — ковырять каменную кладку, как какой-нибудь вор или шпион. А я — боевой командир! Почему Кулл оставил нас здесь? Сейчас-то он, наверное, рубится с врагами, наслаждаясь битвой, а мы, словно крысы...

— Не волнуйся, — перебил его Брул, в свою очередь спрыгнув на пол. — Я уверен, что вскоре тебе предоставится возможность проявить себя в качестве бывалого рубаки и опытного команди-

ра.— Копьебой постарался скрыть насмешку, возясь с тяжелой лестницей, но потом добавил, уже вполне серьезно: — И день этот, думается мне, достаточно близок.

— Ты полагаешь, что эти хвостатые нелюди все же дойдут до стен Хрустального города? — недоверчиво покачал головой Дарг.— Неужели сам Кулл не сможет их остановить?

— Да нет,— махнул рукой Брул.— Дело не в короле... Не забывай, что мы имеем дело с обезьянами, которые отличаются необыкновенной хитростью и коварством. Они просто ударят нам с тыла. Пройдут по своим подземным проходам и вылезут наружу,— может быть, прямо здесь, где мы с тобой стоим. И незачем им штурмовать крепостные стены Хрустального города, и плевать им, что все подступы к столице надежно защищены. Эти твари действуют не по человеческим правилам ведения войны, а по своим, звериным законам.

Дарг вздохнул, задумчиво глядя в глубь коридора, где копошились ратники и слуги, то поднимаясь, то спускаясь по приставленным к стенам лестницам, ощупывая резные каменные орнаменты, простукивая кладку.

— Неужели тут столько подземных ходов, что из них может появиться целая орда? — недоуменно пожал плечами командир наемников.— Я понимаю, один или парочка соглядатаев вполне могут пробраться к нам. И что дальше? Отряд пиктов в полном составе будет с ними сражаться? Ерунда какая-то.

— Ладно, хватит грустить,— улыбнулся Копьебой, похлопав молодого командира по широкому плечу.— Думаешь, мне все это нравится? Я тоже хотел бы отправиться вместе с Куллом. Но король наотрез мне отказал. И я понимаю его опасения — ведь здесь может развернуться сражение ничуть не меньшее, чем там, у южных границ королевства.

Дарг ничего не ответил и, молча подхватив тяжелую лестницу, потащил ее дальше по коридору.

— Брул, ты сейчас не занят? — услышал Копьебой позади себя негромкий голос.

Брул резко обернулся и увидел Тору, возникшего, как всегда, словно из-под земли. Лицо лучшего из шпионов было бесстрастно, и лишь глаза его поблескивали каким-то загадочным светом.

— В чем дело, Тору? — спросил пикт, тут же приготовившись к какой-нибудь неожиданности.— Ты что-то обнаружил?

— Трудно сказать,— уклончиво ответил соглядатай.— Но если пожелаешь, мы можем вместе взглянуть...

— На что взглянуть? Пошли! — решительно скомандовал Брул.— Показывай куда...

— Трудно сказать,— слегка замялся шпион.— Надо еще поискать.

— Что ты мне голову морочишь? — гневно нахмурился Копьебой.— Говори, нашел ты что-нибудь или нет?

— Сейчас увидим,— невозмутимо отозвался Тору и, повернувшись, бесшумной походкой направился вдоль по коридору.

Торопливо идя вслед за ним, Копьебой в который раз подумал, до чего же непостижим этот лучший из шпионов Ка-Ну. Обладающий нюхом охотничьей собаки и массой прочих достоинств, незаменимых в его работе, он в то же время отличался поразительной способностью напускать столько тумана, изъясняясь лишь загадочными намеками, что мог вывести из себя кого угодно, — даже таких невозмутимых царедворцев, как Ту, или таких сдержанных, как лемуриец Келкор. И все же с ним приходилось считаться — в своем деле он действительно был лучшим из лучших.

Они дошли до лестницы, ведущей наверх, и, поднявшись по ступеням, двинулись вперед по открытой неширокой галерее, заполненной стражниками и многочисленной дворцовой челядью. Пройдя ее до конца, Тору направился через невысокий арочный проход к еще одной лестнице, полутемной и узкой, спиралью вьющейся наверх. Поднявшись по ней, они оказались в высокой круглой башне с небольшими бойницами, в которой стояли на посту двое часовых. Не останавливаясь, Тору быстро прошел ее насквозь и уверенно шагнул к выходу на крышу. Некоторое время они молча двигались по наружной, огороженной мраморными перилами галерее, затем Тору свернул за угол и вдруг остановился как вкопанный.

— Мы опоздали, — глухо пробормотал он. — Я все же надеялся...

Оттолкнув его в сторону, Брул увидел лежавшего ничком часового, голова которого была как-

то неестественно прижата к плечу. Копьебой осторожно перевернул стражника на спину и в ярости скрипнул зубами.

— Это же Трегон! — в отчаянии прошептал он. — Ну да, я ведь сам отправил его сюда. Еще утром я видел его живым...

Копьебой выхватил меч и в бешенстве ткнул им в холодную безмолвную стену.

— Караульные в башне до сих пор не знают о том, что их товарищ мертв, иначе они бы уже подняли тревогу. А ведь твоего воина убили всего в нескольких шагах от них, — заметил Тору, наклоняясь к труп. Он легко провел рукой по лицу мертвеца. — По-видимому, хвостатые расправились с ним совсем недавно, тело еще не успело остыть.

— Эти твари опять проделали свой излюбленный трюк — чем-то отвлекли внимание стражников и мгновенно сломали Трегону шею, — мрачно промолвил Брул, прикрывая убитого воина плащом. — Молниеносно и бесшумно, как обычно. Смотри, отсюда до следующей башни, где тоже расположен пост стражи, лишь четыре длины копья. Но ни те караульные, ни другие так ничего и не заметили. Но как эти нелюди сюда добрались?

Тору задумчиво поковырял стену, кладка которой, казалось, не имела ни малейшей щели, затем перегнулся через мраморные перила и взглянул вниз. Наконец, присев на корточки, он принялся внимательно рассматривать шероховатые каменные плиты пола.

— Лаз должен находиться где-то здесь,— пробормотал он себе под нос.— Я его вычислил в уме еще раньше, потому что не сомневаюсь: они непременно должны подавать какие-то знаки своим сородичам за пределами дворца. А самое подходящее место для этого — именно здесь, на южной стороне. Сейчас я убедился в своей правоте.— Он взглянул на прикрытого плащом мертвого солдата.— Но, к сожалению, слишком поздно.

— Ладно, Трегона уже не вернешь, но зато теперь мы точно знаем место, откуда они могут появиться,— Брул в свою очередь перегнулся через перила и внимательно оглядел гладкую, отполированную временем стену.— Отсюда они вряд ли заявятся, им тут не за что зацепиться. А вот здесь надо как следует поковырять и пол, и кладку внутренней стены. Что ж ты мне сразу не рассказал про свои догадки? Мы бы взяли с собой отряд стражи и мигом все тут разворотили! Камня на камне не оставили бы!

— Я не был до конца уверен, что мои предположения верны,— покачал головой Тору.— А если бы Трегона не убили, я и вовсе мог бы засомневаться в правильности своих рассуждений.

— Вот что,— Брул сделал знак часовым, смотревшим на них через бойницу ближайшей башни, приказывая подойти, и вновь повернулся к Тору.— Быстро отправляйся за подкреплением, и пусть солдаты прихватят с собой все необходимые инструменты. А я пока тут покараулю.— И, выставив меч вперед, пикт прислонился спиной к перилам галереи.

Тору с сомнением взглянул на приготовившегося к сражению Копьебоя.

— К чему такая бессмысленная отвага? Откуда ты знаешь, с какой стороны они вылезут? А может, плиты пола раздвинутся прямо у тебя под ногами, и ты рухнешь в проем, даже не успев взмахнуть клинком?

— Успею,— усмехнулся Брул, но на всякий случай расставил ноги пошире и крепко ухватился одной рукой за перила.— И потом, я же тут не один. Ребята, будьте начеку,— сказал он подошедшим часовым, которые в недоумении устали на лежащий на полу плащ, под которым угадывались очертания неподвижной человеческой фигуры.— Трегон, как видите, мертв. И убийство произошло у вас под самым носом. Возвращайтесь в башню и смотрите в оба. Скоро придет подкрепление.

— Может, нам стоит держаться вместе? — предположил один из караульных.— А то вдруг...

— Делайте, что я приказал! — резко прикрикнул Брул.— И к тебе, Тору, это тоже относится. Почему ты еще здесь?

Лучший из шпионов пожал плечами и укоризненно взглянул на Копьебоя.

— Ладно, я тебя предупреждал,— вздохнул он и, ворча что-то себе под нос, направился к башне, из которой они вышли на крышу.

Оставшись один, Брул затаил дыхание, пытаясь уловить хоть малейший шорох, который мог бы выдать присутствие врага, но его чуткий слух не различал ничего подозрительного в привыч-

ных звуках, доносившихся до него: воя ветра в вышине, тяжелых шагов караульных и бряцания их лат. Ни одна плита в стене или полу не шевельнулась. Казалось, вновь в королевский дворец вернулись мир и покой.

Но вскоре послышались отдаленные голоса и топот ног — значит, подмога приближалась. Брул шагнул за угол и увидел, как в проеме башни, из которой они с Тору недавно вышли на крышу, мелькнула высокая мускулистая фигура Дарга. Копьебой уже собирался двинуться ему навстречу, как вдруг резкий щелчок заставил его обернуться в сторону второй башни. Оба часовых, находившихся там и не спускавших до этого глаз с Брула, как по команде повернули головы в том направлении, откуда раздавался звук.

Какое-то неприятное, гнетущее чувство внезапно пронзило Копьебоя, но он не успел даже осознать его. Шею пикта внезапно захлестнул гибкий мохнатый канат и потянул его вниз с такой силой, что Брул едва не перевалился за перила. Он попытался крикнуть, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Одной рукой Копьебой попытался ослабить жесткий захват, а другой, с зажатым в ней мечом, ткнул наугад назад, стараясь попасть по хвосту и перерубить его. Но тут чьи-то сильные руки вырвали у него клинок, а затем грубо подхватили пикта, стиснув так, что у Копьебоя под кольчугой затрещали кости, и поволокли вниз, прямо через перила.

Беспомощно повиснув в воздухе под самой крышей дворца, Брул успел расслышать, как из

башни раздался топот бегущих к нему стражников, но поделаться уже ничего не мог. Мощные мохнатые руки, крепко державшие пикта, в одно мгновение втащили Копьебоя в узкое потайное оконце в стене, которое тотчас же захлопнулось за его спиной.

* * *

Летевший на взмыленном коне Келкор думал только об одном — необходимо успеть проскочить небольшую рощицу, вплотную подступавшую к холму. Этот холм во что бы то ни стало следовало обогнуть, это давало возможность зайти врагам в тыл. Но скопления деревьев отряду лемурийца было никак не миновать. Если обезьянолюди уже засели там, то Алым Стражам придется туго — ведь обезьяны великолепно чувствуют себя среди густых ветвей, на которых им легко и прятаться, и, перепрыгивая с одной на другую, ловко передвигаться в любом направлении. Но другого пути все равно не было, и, увидев достаточно широкую просеку, Келкор решительно направил туда своего жеребца.

Вглядываясь в мелькающие густые ветви, низко свисавшие над просекой, Алые Стражи подстегивали лошадей, стараясь как можно скорее проскочить опасный участок. Впереди замаячил пологий склон холма. Стоило Келкору со своими воинами добраться до его вершины, как можно было надеяться на успех задуманной операции.

Пот заливал ему глаза, но командир Алых Стражей не обращал на это никакого внимания.

До конца просеки оставалось не более полета стрелы, и Келкор теперь не сводил глаз с холма, вершина которого казалась ему спасительной: даже если к противоположному склону уже приблизилась орда обезьянолюдей, тяжелая конница Валузии сомнет их стремительным кавалерийским наскоком. Еще совсем немного, вот уже последние деревья — сейчас путь наверх будет открыт...

И тут произошло неожиданное. Прямо под копыта коня, на котором скакал командир Алых Стражей, на землю одновременно с обеих сторон рухнули два огромных дерева. Жеребец со всего маху налетел на эту неожиданно возникшую преграду, передние ноги его подломились, и Келкор, словно выдернутый из седла чьей-то невидимой рукой, перелетел через голову несчастного животного и кубарем покатился по траве. Он попытался вскочить на ноги, но в то же мгновение почувствовал, как что-то тяжелое навалилось на него и крепко прижало к земле.

Командир Алых Стражей сделал попытку вывернуться и дотянуться до противника мечом, который даже при падении не выпустил из рук, но мощные, чрезвычайно длинные пальцы схватили его за горло и сжали с такой силой, что он едва не потерял сознание. Превозмогая подступившую к горлу тошноту и не различая ничего вокруг себя, лемуриец все же продолжал отчаянно сопротивляться, но грубые лапы лишь усиливали захват, до тех пор пока человек не перестал двигаться.

Командир Алых Стражей не видел, как его воины, попавшие в засаду, отчаянно рубились с выскочившими словно из-под земли обезьянолюдьми. Он не слышал, как склонившееся над ним хвостатое существо злорадно произнесло хриплым голосом:

— Тра катриам хе но!

Он не почувствовал, как его подхватили и поволокли куда-то в сумрачную глубину рощи, где лишь ветер печально гудел в верхушках деревьев.

Главный советник Ту, как никто другой, понимал весь ужас того, что содеяли вчера во дворце обезьянолюди. Топазовый трон у подножия Башни Великолепия и его уменьшенная копия в Зале Советов являлись не просто древней реликвией, а символом незыблемости королевской власти в Валузии. Стоило людям узнать об уничтожении одного из тронов, как в столице поднимется паника: многие валузийцы тут же решат, что на страну обрушилось не просто вражеское нашествие, а кара всемогущих богов и сопротивление бесполезно.

Однако о том, что до утра удастся изготовить точное подобие разрушенного трона, не могло быть и речи. Да и сам камень, серый с дымкой, напоминающий драгоценный топаз, не найдешь за столь короткое время. И Ту еще вчерашним вечером отправился к краснодеревщикам, выдав свой заказ за очередную причуду короля-варвара.

Мастера трудились целую ночь, и на рассвете четверо дюжих воинов-пиктов, в чьей преданнос-

ти Куллу не было оснований сомневаться, перенесли деревянную копию на место, во дворец. Главный советник самолично задрапировал трон алой, подбитой горностаем королевской мантией и устало опустился на ступени мраморного возвышения, придирчиво оглядывая плод своих трудов. И остался доволен — теперь ничье любопытное око, мельком заглянувшее в Зал Советов, не заметит подделку.

На всякий случай Ту все же распорядился усилить караул у дверей и строго-настрого приказал стражам пропускать в это помещение людей только по его личному разрешению.хлопоты заняли все утро, и старый вельможа лишь к полудню пришел в Зал Приемов, чтобы объявить собравшимся там послам и сановникам, что в ближайшие дни дворец, как и вся столица, будет находиться на осадном положении, в связи с чем все аудиенции по личным вопросам, разумеется, будут отменены.

К его удивлению, скопившихся там придворных оказалось необычно много, и у всех на лицах было написано, что они намереваются сообщить советнику нечто чрезвычайно важное и их дела не терпят отлагательств.

Нахмурившись, старый царедворец уже собрался было довольно резким тоном объяснить присутствующим, что сейчас совсем не время решать вопросы о чьем-то наследстве, свадьбе или развитии торговли, как вдруг к нему стремительно бросился тщедушный человечек с седыми всклокоченными волосами.

— Наконец-то! — задыхаясь от волнения, воскликнул он. — Я, признаться, решил, что так и не добьюсь встречи с вами сегодня, господин советник. Я просил караульных срочно пропустить меня к вам, но они даже слушать не захотели и велели мне сидеть здесь и никуда не выходить.

— В чем дело, господин Калук? — строго спросил Ту. — Если вы по вопросу о месте во дворце для вашего сына, то в данный момент я этим заниматься не буду. Вы должны знать...

— Да не о моих личных делах собирался я говорить с вами, высокочтимый Ту! — нетерпеливо перебил его старик, служивший когда-то дворцовым архивариусом, но уже несколько лет как удалившийся на заслуженный отдых. — Я помню, что вы обещали рассмотреть мое прошение, и готов подождать. Но сейчас речь совсем не об этом. То, что я хочу сообщить вам, — очень важно и касается последних событий в Валузии. Прошу вас, выслушайте меня!

— Садитесь, почтенный господин Калук. — Вздохнув, Ту жестом указал старому архивариусу на кресло. — Я вас выслушаю. Только прошу говорить как можно короче и по существу. У меня совсем нет времени.

— Конечно, конечно, — торопливо закивал седой придворный, суетливо усаживаясь в кресло. — Дело в том, что когда я служил во дворце, мне попался на глаза один очень древний и интересный манускрипт, в котором упоминалась старинная легенда о некоем народе, жившем когда-то давным-давно на территории нынешней Валузии.

Речь шла о событиях многовековой давности, столь отдаленных от нынешнего времени, что в памяти людей от них ничего не осталось. Да и в рукописи, написанной каким-то забытым валузийским историком, содержались лишь смутные отголоски былых происшествий.

— И какое это имеет отношение к нынешнему нашествию обезьянолюдей? — бесстрастно спросил Ту, в глубине души все же почувствовав какой-то необъяснимый интерес к услышанному.

— Да самое прямое! — горячо воскликнул архивариус. — Именно этот народ, называвший себя бурусами, и заложил первые камни Хрустального города, именовавшегося тогда Бурунагром. Собственно, они и начали возводить этот дворец, в котором мы сейчас находимся. Древние бурусы жили на этой земле, строили города, возделывали землю, изучали науки и искусства. Они были мирным народом. Мирным, но всегда готовым к нападению менее процветающих и потому завистливых соседей. Поэтому еще при сооружении дворца, который должен был стать их главным бастионом, они предприняли все возможные меры безопасности — в частности, оборудовали ходы под землей и в толще стен.

Калук замолчал и, вынув из кармана шелковый платок, принялся вытирать выступивший на лбу пот. Главный советник молча смотрел на него, не задавая никаких вопросов, хотя внутренне сгорал от нетерпения. Старый архивариус, находившийся в состоянии крайнего волнения, поминутно облизывал пересохшие губы, и Ту, жестом

подозвав слугу, велел принести ему воды. Утолив жажду, Калук облегченно вздохнул и продолжил свой сбивчивый рассказ:

— И вот однажды на них напало племя, пришедшее откуда-то из других земель. Народ этот отличался крайней воинственностью и жестокостью. Без особого труда прорвав внешнюю оборону, захватчики ворвались в Бурунагр, вынудив жителей укрыться за стенами дворца. Затем, когда и эта последняя твердыня была взята штурмом, бурусы ушли из города через подземные лазы. По-видимому, к ним присоединились и жители провинций — вернее, те немногие из них, что уцелели после нападения... Там тоже были оборудованы подземные убежища, соединявшиеся с главным подземным ходом. Бурусы покинули страну, ушли в неизвестном направлении, и с тех пор никто о них ничего не слышал.

— И что дальше? — спросил Ту, уже предчувствуя ответ.

— С тех пор прошло много веков, и теперь никто уже не знает о том, что когда-то нашу землю населяли бурусы, — вздохнул Калук. — Валузийцы забыли о своих предшественниках. Но бурусы не забыли ничего.

Старый архивариус вновь сделал паузу, и молчание на этот раз длилось так долго, что советник не выдержал и закончил за него:

— Обезьянолюди — и есть потомки тех самых бурусов! И они пришли, чтобы отомстить за причиненное им когда-то зло. Эти мохнатые нелюди хотят вернуть себе свои бывшие владения.

— Да,— кивнул Калук.— У меня нет никаких сомнений в этом. Хотя... мне все же непонятно, почему за это время с ними произошли столь странные изменения. В рукописи ничего не говорится о наличии у народа бурусов каких-либо обезьяньих признаков — там они описаны, как вполне обычные люди. Но в остальном все сходится — лишь они имели возможность сохранить память о расположении подземных ходов и лазов в толще стен, возведенных их далекими предками. И наконец, только так можно объяснить ту яростную ненависть, которую испытывают бурусы к нынешним жителям Валузии.

— Та-а-ак,— задумчиво протянул Ту.— Теперь многое становится ясным. Непонятно только одно — с какой стороны ждать нападения и как с ними бороться. Ведь потайные проходы в кладке могут быть расположены где угодно. Возможно даже, как раз вот здесь.— Советник постучал пальцами по отделанной голубоватым мрамором стене, рядом с которой сидел.— Да, стоит им захотеть, и бурусы заявятся во дворец в любой момент. Но не расставишь же на каждом шагу стражников — их столько и не наберется во всем городе!

Архивариус со страхом взглянул на стену, словно ожидая, что она вот-вот раскроется и оттуда выскочат отвратительные мохнатые существа.

Вновь нервно вытерев капельки пота со лба, он повернулся к Ту, собираясь что-то добавить к своему рассказу, но советник уже решительно

поднялся, всем своим видом показывая, что беседа окончена.

— Спасибо вам, почтенный господин Калук, за интересное и своевременное сообщение,— сказал старый царедворец, сделав шаг по направлению к двери.

Но тщедушный архивариус внезапно вскочил на ноги и, несмотря на возраст, проворно метнулся наперерез советнику.

— Пойдите! Подождите, мой господин! — умоляюще воскликнул он.— Это еще не все! В манускрипте приведена одна фраза на древнем языке бурусов, которая звучит так: «*Тра катриам хе но*». Они написали эти слова своей кровью на стенах дворца, когда поспешно покидали его, но время не сохранило начертанного. Они кричали эти слова захватчикам, когда те врывались в их жилища, но победители не обращали на непонятный возглас никакого внимания, и лишь со временем кто-то решил на всякий случай записать их. К сожалению, что означают эти слова, я не знаю. Думаю, это какая-нибудь угроза или проклятие.

Ту замер, словно что-то припоминая, затем нахмурился и сжал руки в кулаки.

— *Тра катриам хе но!* — пробормотал он.— Да-да, совершенно верно! Обезьяночеловек, которого убил король, перед смертью произнес именно эти слова — Кулл их запомнил. Значит, все обстоит именно так, как вы рассказали. Ну что ж, еще раз спасибо, господин Калук. Если вы еще что-нибудь узнаете, непременно сообщите мне.

— Конечно, конечно,— горячо заверил его архивариус и, поспешно откланявшись, засеменил к дверям, а к советнику тут же подскочил весьма упитанный пожилой господин, который, заискивающе улыбаясь, схватил Ту за обе руки и прижал их к своей обширной груди.

— Господин советник,— торопливо заговорил он, загородив Ту дорогу, как это только что делал Калук.— Я собираюсь кое-что сообщить вам. Надеюсь, вы выслушаете меня со вниманием во имя блага Валузии. Моя преданность королю и трону позволяет мне рассчитывать...

— Излагайте только суть, господин Ламос,— буркнул советник, перебивая, и недоверчиво глянул на толстяка, раздраженно освобождая руки, зажатые в его пухлых ладонях.

— Разумеется! Я понимаю степень вашей занятости, высокочтимый Ту, и буду краток,— горячо воскликнул придворный.— Понимаете, у меня дома живут две ручные обезьяны. Совершенно замечательные! Они такие умные и сообразительные, что просто диву даешься! И вот я подумал, а что если...— Он замолчал, выжидательно глядя на Ту.

— Ну? — нахмурился тот.— Что же вы подумали, господин Ламос?

— О я был уверен, что вы догадаетесь,— яркие розовые губки болтливого сановника расплылись в загадочной улыбке.— Все очень, очень просто! Сейчас вы оцените мою задумку! Мы запустим моих обезьян во дворец, и они мигом по запаху найдут своих сородичей. Гениально, правда?

— Этого еще не хватало! — замахал руками Ту.— Мало нам тут хвостатых нелюдей, так запустим по коридорам еще и настоящих обезьян! Безобразничать да мешаться под ногами!

Улыбка сползла с круглого лоснящегося лица Ламоса.

— Почему же безобразничать и мешаться? — обиженно засопел он.— Они такие...

— Как вы собираетесь им объяснить, что они должны заняться поиском своих так называемых сородичей? — не сдержавшись, рявкнул Ту.— А может, им больше понравится просто порезвиться во дворце? Пошвыряться разными предметами, разнести в щепки мебель и перебить посуду. А то и попрыгать на головах у стражников, которые, между прочим, заняты важным делом!

— Ну зачем же вы так? — толстые щеки придворного дрогнули, и показалось, что он вот-вот заплачет.— Они у меня очень умные и сразу поймут, что от них требуется. Между прочим, они даже сообразительнее некоторых людей...

— Не сомневаюсь.— При виде растерянно хлопающего глазами и чуть не рыдающего толстяка Ту смягчился и теперь едва сдерживал улыбку.— Хорошо, я обязательно подумаю над вашим предложением и дам знать, как только понадобится ваша помощь. Вернее, помощь ваших необыкновенно разумных питомцев. А сейчас я должен идти.

— Вы, правда, воспользуетесь моими услугами? — с надеждой спросил Ламос.— Уверю вас, вы оцените...

Но Ту его уже не слушал. Повернувшись, он громко объявил собравшимся, что аудиенции не будет, и, не обращая внимания на поднявшийся ропот, собрался покинуть Зал Приемов и недовольную толпу придворных, как вдруг дверь распахнулась и на пороге появился Тору. Обычно бесстрастное лицо лучшего из шпионов сейчас выражало крайнюю встревоженность и даже испуг.

— Брул исчез,— без всяких предисловий, что тоже было совсем нехарактерно для него, заявил он.— Его утащили обезьянолюди.

— Как утащили? — воскликнул ошеломленный советник.— Куда?

Но Тору лишь развел руками.

— Мы сразу принялись искать,— начал оправдываться он.— Но пока никаких результатов. Как сквозь землю провалился. Вернее, сквозь крышу.

— Крышу? — удивленно переспросил Ту.— Что там понадобилось Брулу?

— Сейчас все объясню.— Казалось, шпион забыл о своей привычной таинственности и скороговоркой заговорил.— Мы отправились туда с ним, проверить кое-какие мои догадки, и обнаружили мертвого часового. Осмотрев труп, увидели, что как всегда, когда действуют хвостатые, переломана шея. Брул отправил меня за подкреплением, а сам остался на крыше караулить лазутчиков. Я был против этого, но он приказал...

— Да что же это такое! — Голос старого советника сорвался на крик.— Как он мог проявить такое легкомыслие? А ты как мог уйти и бросить его одного? С ума вы, что ли, посходили?

— Во-первых, Копьебой находился там не один,— сухо сказал шпион.— Совсем рядом расположена башня, в которой несли караул двое часовых. За поворотом есть еще одна башня, где тоже стояла стража. Во-вторых, я летел со всех ног исполнять приказание Брула и отсутствовал совсем недолго. В-третьих, когда мы с Даргом и отрядом наемников поднялись на крышу, Брул был еще там. Он тоже видел нас, но потом вдруг шагнул за поворот... Мы кинулись следом, но Копьебой исчез, словно в воздухе растворился.

— Невероятно! — воскликнул советник.— Прямо среди бела дня воруют командуемого! Вы хоть что-нибудь обнаружили?

— Пока нет, но два десятка солдат сейчас прощупывают и простукивают это место, и, может быть, вскоре мы получим известие о том, что им удалось найти.

— Только бы Брул был жив! — прошептал старик Ту.— Но раз они не прикончили его сразу, значит, пикт нужен им живым. А если так, значит, остается надежда на его спасение. Тору, немедленно отправляйся на крышу и передай приказ, чтобы поиски продолжались до тех пор, пока не будет обнаружен потайной ход. А мне сейчас надо как следует поразмыслить обо всех последних событиях.— Он взглянул на оставшихся в зале сановников и послов, которые, сбившись в плотную кучку, с надеждой посматривали на советника, ожидая, что он их все-таки примет.— Всех прошу покинуть зал! Ступайте! Всем быть начеку и соблюдать крайнюю осторожность!

Вельможи, покорно опустив головы, гуськом вышли за дверь, а Ту, нетвердой походкой подходя к своему креслу, тяжело рухнул в него и невидящим взглядом уставился в стену. Мысли его путались, а на душе было невыразимо тяжело. Покатые плечи, казалось, еще больше опустились, словно под грузом невидимой ноши, а длинное лицо осунулось. Как же так — в самый ответственный момент войско, охраняющее столицу, осталось без командующего! Что теперь происходит с Брулом? На что решиться, что предпринять в такой ситуации?

Встревоженный расстроенным видом советника, к Ту поспешно подошел слуга, ожидавший приказаний в дальнем конце зала, и почтительно застыл перед ним. Ту устало помотал головой и жестом отослал его на место. Молча кивнув, прислужник отошел к окну и стал с мрачным видом рассматривать двор, со всех сторон оцепленный стражниками.

У советника сильно разболелась голова. Он перевел взгляд на голубоватый мрамор стены, возле которой сидел, попытавшись сосредоточиться и привести мысли и чувства в порядок. Но вместо этого ему показалось, что он сейчас лишится разума — мраморные плиты перед ним плавно, едва заметно шевелились. На лбу у Ту выступила испарина, он в ужасе помотал головой и закрыл глаза, словно уверенный, что, стоит ему зажмуриться покрепче, и жуткое зрелище исчезнет само собой. Он хотел было позвать на помощь, но его язык не повиновался ему. Охваченный стран-

ным оцепенением, старый вельможа почти не сопротивлялся, когда сильные мохнатые руки с длинными пальцами сдавили его горло железной хваткой, а затем потащили в проем, внезапно открывшийся в гладкой стене.

— Посмотрите-ка, господин советник, там, похоже, что-то случилось! — воскликнул глазевший в окно слуга и обернулся к хозяину.

Но Зал Советов был пуст.

— Странно, — пробормотал прислужник себе под нос. — Я даже не слышал, как он ушел. А ведь обычно старик шаркает так громко, что я просыпаюсь среди ночи. Должно быть, я слишком увлекся суматохой, поднявшейся во дворе. Да и шум там стоит порядочный.

И он вновь повернулся к окну, со страхом и любопытством глядя на спящих внизу людей.

* * *

Кулл очнулся в мрачной сырой пещере, на шероховатых стенах которой плясали зловещие отблески горевшего где-то вдали пламени. Он попробовал шевельнуться, но тут же понял, что руки и ноги его крепко привязаны к бревну, лежащему на каменном полу пещеры, так что не только встать, но даже приподняться ему бы не удалось.

Поблизости как будто никого не было, но атлант все же испытывал неприятное ощущение, словно его сверлил чей-то невидимый недобрый взгляд. Полежав какое-то время молча, Кулл, решился наконец подать голос, чтобы, по крайней

мере, попытаться определить, есть ли поблизости охрана.

— Эй! — крикнул он и добавил грубое ругательство, надеясь вывести неведомого наблюдателя из себя и обнаружить свое присутствие.

В ответ не раздалось ни звука, и атлант, набрав в грудь побольше воздуха, крикнул еще раз, но ответа вновь не последовало.

— Балка! — пробормотал сквозь зубы король. — Они что, хотят меня здесь сгноить заживо? Ну уж нет!

Он принялся яростно извиваться, изо всех сил напрягая мышцы рук, чтобы хоть сколько-нибудь ослабить путы, но все было тщетно. В бессильной ярости заскрежетав зубами, Кулл прекратил бесполезные попытки освободиться и вновь затих, лихорадочно обдумывая создавшееся положение. Оно казалось безнадежным, но атлант не привык сдаваться ни при каких обстоятельствах. Он попробовал перевернуться на живот, это удалось, затем, приложив немало усилий, еще раз на спину. Бревно, к которому его привязали, было тяжелым и громоздким — с таким не убежишь! — но перекаtywаясь, можно было добраться до какого-нибудь острого камня, чтобы попытаться перетереть о него веревки.

Наконец Куллу удалось найти такой камень, и, привалившись к нему боком, он начал делать отчаянные усилия, перетирая путы о его острый край. Сплетенные из прочного волокна веревки были грубыми и толстыми, а руками, привязанными к бревну, он едва мог двигать, поэтому ра-

ботать атланту пришлось довольно долго, прежде чем он почувствовал, что узлы начали ослабевать. Наконец одна из веревок лопнула, и король напряг мышцы, изо всех сил пытаясь развести сжатые кулаки в разные стороны, затем расслабился и с трудом, но все же освободил сначала одну, а потом другую руку. Освободить ноги оказалось намного легче, и вскоре Кулл уже стоял, выпрямившись в полный рост, и с хрустом разминал затекшие конечности. Прижавшись к шершавой каменной стене, он прислушался к слабым приглушенным звукам, доносившимся откуда-то издалека, а затем сделал несколько осторожных шагов вперед, по направлению к тускло мерцавшему пламени. Остановившись у выступа, за которым следовал поворот направо, атлант и вновь настороженно прислушался.

— Смелее! — раздался вдруг резкий гортанный голос у него за спиной. — Ты же считаешь себя храбрым воином. Так чего ж ты трусишь?

Король резко обернулся, но в царившем вокруг полумраке никого не разглядел.

— Сам ты трус! — с презрением сказал он, пытаясь нащупать ногой какой-нибудь камень, который можно было бы использовать в качестве оружия. — Что ж ты сам прячешься? Меня, что ли, боишься? И правильно делаешь!

В ответ раздался хриплый лающий смех, и только тут, наконец, атлант увидел чьи-то ярко блеснувшие в темноте глаза. Он нагнулся и, схватив увесистый продолговатый валун, решительно двинулся навстречу невидимому врагу.

— Молодец! — похвалил голос из темноты. — Я вижу, ты не из тех, кто сразу сдается. Ну это можно только приветствовать. Я наблюдал, как упорно ты старался освободиться от веревок, и в конце концов тебе это удалось. По правде говоря, приятно иметь дело с достойным противником.

Кулл остановился, напряженно вглядываясь в полутьму, но его зоркие глаза смогли различить лишь смутные очертания неясной фигуры в дальнем конце пещеры, куда почти совсем не проникал свет.

— Чего ж ты опять остановился? — насмешливо спросил невидимый собеседник. — Ах да, ты же меня совсем не видишь. Эх, вы, жалкие городские жители! В темноте вы совсем беспомощны. Ничтожные людишки! Ну да ладно, могу тебе немного посветить, а то еще споткнешься!

Фигура в углу зашевелилась, производя какие-то движения, затем мелькнула искра, потом другая, и наконец вспыхнул голубоватый огонек, осветивший худощавое, с резкими чертами, лицо незнакомца.

Пламя разгоралось все сильнее, и через несколько мгновений Кулл увидел, что загадочный хозяин пещеры, одетый в меховую безрукавку и короткие кожаные штаны, сидит, скрестив мускулистые ноги, на небольшом деревянном возвышении.

— Кто ты? — сдерживая ярость, спросил пленник. — Чего ты хочешь?

— Это тебе знать не обязательно, — отозвался неизвестный. — А вот кто ты, мы скоро выясним.

— Я Кулл, король Валузии, — спокойно произнес атлант. — И думаю, тебе это хорошо известно.

В ответ вновь раздался хриплый лающий смех, который неожиданно резко оборвался.

— Я не знаю никакой Валузии, — жестко отчеканил незнакомец. — Но знаю, что ты самозванец!

Кровь бросилась королю в лицо. Он гордо вскинул голову и с вызовом посмотрел на противника.

— Я завоевал мой трон в честном бою, — сурово произнес он. — И не имею привычки бить в спину или нападать из-за угла.

Мужчина некоторое время молчал, пристально глядя на Кулла.

— Ну что ж, может быть, ты и в самом деле храбрый воин, — наконец сказал он. — Только это не меняет дела. Все равно ты самозванец. Ты правишь королевством, которое не принадлежит ни тебе, ни твоему народу. Вы отняли у нас страну.

— Какую страну? — с недоумением спросил король. — Когда?

— Нашу страну! — выкрикнул странный собеседник, и глаза его зажглись ненавистью и злобой. — Нашу прекрасную родину, называвшуюся Буру-Тепи! Что, не знаешь такой?

— Нет, — признался Кулл. — Даже никогда не слышал о ней.

— Еще бы! Вы постарались стереть из памяти людской даже название. Захватив наши земли, вы стали называть их совсем другим именем. Валузия! — с невыразимым презрением произнес незнакомец.

— Я ничего не понимаю, — в замешательстве возразил Кулл. — Если судить по летописям и преданиям, Валузия существует множество веков. Ты что-то путаешь.

— Ничего я не путаю, — усмехнулся хозяин пещеры. — Вы, валузийцы, не хотите помнить историю. Зато мы, бурусы, ничего не забываем. И заставим вас ответить за все причиненное нам зло.

— Зло? — с еще большим недоумением переспросил король. — Ты сказал — бурусы? Но я никогда не слышал о них. Кто это — обезьянолюди? Но ты кажешься обыкновенным человеком...

— Ты задаешь слишком много вопросов, — хмурился незнакомец. — Я же сказал, что тебе незачем все это знать. Вы ведь не объясняли нам ничего, когда вероломно напали на нас. И ни о чем не спрашивали. Просто подло и жестоко отобрали то, что принадлежало нам, и присвоили себе. А потом спокойно забыли о побежденных.

Кулла вдруг осенило:

— Послушай, если я тебя правильно понял, речь идет о событиях глубокой древности. Может быть, далекие предки нынешних валузийцев действительно вторглись в страну Буру-Теш, изгнав прочь ее жителей, но события эти окутаны толщей веков. Почему же именно сейчас вы вдруг вспомнили об этом и решили свести счеты с ничем не провинившимися перед вами потомками?

— Какая тебе разница — почему? — с досадой махнул рукой бурус. — Значит, пришло время. Мы действительно очень долго ждали дня отмщения,

но всегда знали, что он рано или поздно настанет. Из поколения в поколение в нас воспитывали чувство справедливого возмездия. А память о тех событиях для нас по-прежнему свята, и нам не важно, происходили они тысячу лет назад или только вчера.

— Разве можно жить только чувством мести? — покачал головой Кулл.

— Оказывается, можно! — горько усмехнулся незнакомец. — Тогда мы были мирными людьми, дружелюбными и свободолюбивыми. Но твои предки отняли у нас все. Наш народ утратил возможность изучать науки и заниматься искусствами, как было много веков назад. А наши ученые достигли необычайных высот в познании вселенной, а художники и ремесленники славились своим мастерством по всему обитаемому миру. Бурусы больше не возделывали землю и не возводили ажурные мосты и прекрасные города. Все эти долгие-долгие годы мы жили только одной идеей — отомстить захватчикам и вернуть себе родную землю. Мои соплеменники долгое время жили в густых, непроходимых лесах за горными перевалами, скрываясь от людей и постепенно перенимая повадки диких зверей. Сейчас мы не строим дома, зато одним ударом руки можем пробить крепкую стену. Бурусы не носят оружия, зато в состоянии голыми руками одолеть любого врага. Нас мало, и малы земли, которые мы занимаем, но когда мы поднимаемся, то сметем с лица Хайбории самую огромную армию, что встанет против нас.

— Что с моими войсками? — глухо спросил король.

— Они обезглавлены, и этого уже достаточно, — зло усмехнулся бурус. — Мы не будем уничтожать всех твоих воинов, так же как и весь народ Валузии. Нас слишком мало, и, чтобы восстановить прежнюю жизнь, нам понадобится множество умелых рабов. Рабы-пахари, рабы-ремесленники, рабы-солдаты. Мы заставим валузийцев служить нам, и тогда народ Буру-Теш снова достигнет прежнего величия и процветания. Но правящую верхушку Валузии мы, конечно, уничтожим. Нам не нужны бездельники аристократы. Да ведь они добровольно и не отдадут то, что по праву принадлежит нам?

— Конечно, нет, — твердо сказал Кулл. — А без боя валузийцы не станут рабами каких-то полуклюдей. Так что не рассчитывайте на легкую победу.

Некоторое время бурус молча размышлял, задумчиво глядя на атланта. Огонь, разожженный хозяином пещеры, начал постепенно угасать, и вскоре собеседники вновь погрузились в темноту. Кулл не шевелился, но все так же продолжал сжимать в руке продолговатый камень. Он не знал, есть кто-нибудь у него за спиной или нет. Ему было неизвестно, как велика пещера, где из нее выход и как он охраняется. Но король был убежден, что не позволит убить себя, словно беспомощного ягненка, отданного на заклание.

— Вот что, — нарушил, наконец, долгое молчание бурус. — Я вижу, ты человек не только гор-

дый, но и здравомыслящий. Так что, пожалуй, ты станешь самым лучшим примером для остальных, когда покоришься. А тебе придется это сделать — у тебя нет выбора. Когда твои подданные увидят, что их правитель принял уготованную богами судьбу и стал нашим рабом, они не будут долго сопротивляться.

— Этому не бывать! Валузийцы свободолюбивы и сильны, — побагровев от гнева, крикнул атлант. — А я не позволю никому из вас даже приблизиться ко мне!

В темноте снова раздался хриплый смех буруса.

— До чего ж вы смешны в своем глупом упрямстве, жалкие людишки! — презрительно промолвил он сквозь зубы. — Лучше брось свой бесполезный камешек, он тебе не поможет.

Но Кулл лишь зло усмехнулся и крепче сжал в кулаке свое единственное оружие. Он не услышал, а скорее почувствовал какое-то движение позади себя, и резко развернувшись, не глядя, нанес сокрушительный удар по невидимому врагу, прятавшемуся у него за спиной. Удар пришелся прямо в голову, и противник с глухим стоном рухнул на землю. Перескочив через него, атлант бросился навстречу слабо мерцавшему вдали огню, но тут же наткнулся на еще одну живую преграду. Ощувив на своем горле прикосновение длинных мощных пальцев, Кулл начал в ярости молотить камнем по едва различимому в темноте лицу обезьяночеловека. Дико взыв, тот отпрянул, а король крепко схватил мохнатые ру-

ки и с силой швырнул врага на каменную стену пещеры. Обезьяночеловек медленно сполз на пол, а король, не задерживаясь, бросился вперед.

Мгновение, и следующий косматый противник метнулся атланту под ноги. Кулл едва не рухнул на землю, но в последний момент все-таки сумел ухватиться за выступ в стене, удержал равновесие и обрушил свои могучие кулаки на голову врага, заставив того навсегда затихнуть.

Король вновь кинулся к мерцающим огням, но тут гибкий мохнатый хвост захлестнул его лодыжки. Рывок — и Кулл, не устояв, тяжело рухнул на каменное дно пещеры, сильно ударившись затылком. Превозмогая боль, атлант тут же встал и вцепился пальцами в живой канат, пытаясь освободить ноги, но через миг еще одна косматая удавка стянула ему шею.

Перед глазами у Кулла все поплыло, а к горлу подступила противная тошнота, но его могучее тело продолжало отчаянно бороться. Бросив хвост, стянувший ему лодыжки, он крепко ухватился руками за живую веревку на шее и, подтянув ее ко рту, впился в нее зубами.

Хвост начал яростно извиваться, а его обладатель взвыл от боли и схватил Кулла за шею. Но атлант уже овладел ситуацией. Сорвав мохнатую удавку, он резко потянул ее на себя, пока не почувствовал, что железные пальцы обезьяночеловека начали сползать с его горла.

Еще раз резко дернув за хвост, Кулл оторвал мохнатое существо от земли и, подняв его в воздух, со всей силы обрушил на второго врага. Те-

перь ноги стали свободны, и, вскочив, король закрутил над головой пойманным им за хвост обезьяночеловеком, словно пращей. Отшвыривая своим пленником лезших на него со всех сторон воющих от злобы противников, король медленно, но неуклонно прокладывал себе путь к выходу. Свет горевшего где-то неподалеку огня становился все ярче, и это вселяло в Кулла надежду на освобождение. Только бы выбраться из этой ужасной темной пещеры! Там, снаружи, остались его верные воины, которые сейчас, должно быть, вступили с врагом в смертельную схватку. Только бы выбраться...

* * *

В полной темноте Брула тащили по узкому туннелю, петлявшему в толще древних дворцовых стен. Связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту, Копьебой не мог даже пальцем пошевелить и только молча яростно ругался. Он казнил себя за легкомыслие и неосмотрительность. Как же он мог забыть о коварстве обезьянолюдей, которые всегда нападают сзади, применяя при этом одни и те же отвлекающие маневры! Ведь он был начеку, и все же так глупо попался!

Едва ли не на глазах спешащих ему на помощь воинов, его, Брула Копьебоя, опытного и закаленного в сражениях полководца, молниеносно и бесшумно уволокли неизвестно куда, а он даже не успел оказать ни малейшего сопротивления!

Туннель казался бесконечным. Он опускался все ниже и ниже и, похоже, проходил через весь

дворец правителей Валузии. А если потайной ход и впрямь имел выходы наружу в нескольких местах, значит, обезьянолюди и в самом деле могли внезапно обрушиться на валузийских воинов одновременно с разных сторон. Копьебой проклинал себя за то, что еще до начала битвы с необычным врагом умудрился попасть в плен и оставил своих солдат без командира, — а ведь именно ему король доверил оборону дворца и столицы. Теперь защитники цитадели лишились единого руководства — оборону Хрустального города придется возглавить командиру столичного гарнизона, а защиту дворца — командиру пиктов Даргу, не раз мечтавшему о настоящем сражении. Оба они, конечно, воины храбрые и опытные, но чересчур самолюбивые, что может помешать им действовать сообща, ради общей цели.

Оставался еще Ту, но старый советник все же более искусен в политике, чем в ратном деле и вряд ли сможет возглавить защитников. Да, знал бы Кулл, который сейчас, должно быть, рвется на горячем коне в самое пекло битвы, что его верный друг Копьебой, которому он доверял, как самому себе, так позорно позволил себя поймать каким-то обезьянам!

Но куда же они его тащат? Брула захлестнула волна невыразимой тоски и отчаяния. В живых его, конечно, не оставят — пикт уже убедился, насколько враги жестоки и беспощадны. Скорее всего, они уготовили ему страшную, мучительную смерть. Как любой воин, Брул не боялся умереть и считал честью для себя пасть на поле брани,

но быть замученным мохнатыми тварями, захватившими его в плен, — с этим Копьебой смириться не мог. Нет, он еще поборется!

В конце туннеля наконец забрезжил свет, и вскоре пикт увидел небольшой полукруглый отсек, тускло освещенный пламенем укрепленного на стене факела. В глубине мрачного помещения, на невысоком деревянном возвышении сидел, скрестив ноги, высокий мускулистый человек в меховой безрукавке и кожаных штанах до колена.

Копьебой подвели к нему поближе, и незнакомец, окинув пленника с головы до ног оценивающим взглядом, неопределенно хмыкнул.

— Значит, ты и есть Брул Копьебой, — медленно произнес он.

— Честно говоря, я представлял тебя немного другим — чуть повыше да покрепче. Впрочем, это не важно — твоя сила тебе больше не понадобится. Завтрашнего рассвета ты уже не увидишь.

Человек в безрукавке отрывисто сказал что-то на неизвестном пикту языке, и один из обезьянолюдей, державших Брула, вытащил у него из рта кляп.

— Кто вы такие и что вам надо от нас? — мрачно спросил Копьебой.

— Зачем тебе знать? Ты ведь все равно скоро умрешь, — усмехнулся незнакомец. — А перед смертью тебе придется просто смириться с тем, что на этот раз вы проиграли.

— На этот раз? — недоуменно переспросил Брул. — А разве до этого мы когда-нибудь встречались?

— Конечно. Только очень давно, и ты об этом ничего не знаешь. Но мы помним все, и вот теперь пришло время свести счеты. Я знаю, твой народ не участвовал в злодеянии, которое совершили валузийцы, но сейчас вы служите им, а значит, для нас вы такие же злейшие враги, как и они.

— Какое злодеяние? Валузия не причиняла никому зла, и в сражения вступала лишь тогда, когда ей или дружественным государствам угрожала опасность. Я даже не знаю, кто вы такие. Вы не похожи ни на один народ из тех, с которыми мне приходилось сталкиваться. Или на дикарей из варварских племен, которые иногда досаждают грабительскими набегами нам или соседним королевствам. А обезьянолюди? Я ведь и не представлял, что подобные твари существуют!

— Попридержи язык! Эти твари, как ты изволил выразиться, наши лучшие воины. Они уничтожат всех вас, и мы вернемся в свою страну, которую у нас когда-то отобрали. Валузийцы прошли по нашим землям огнем и мечом, не щадя никого, и мы, мирный и счастливый народ, вынуждены были стать изгнанниками, уйти в неведомые края, жить в каменных пещерах и земляных норах, которые вырыли для себя, подобно диким зверям. Но час расплаты пришел. Мой народ силен и непобедим. Мы сметем вас с лица земли, и память о валузийцах и их приспешниках — пиктах, так же исчезнет, как когда-то исчезла память о бурусах.

— Бурусы? Должно быть, это название какого-нибудь древнего племени, которое давно вымер-

ло. Но так было всегда — одни народы исчезали, другие приходили им на смену...

— Мы не вымерли! — Резкий хрипловатый голос незнакомца зазвенел от ярости. — Нас просто заставили покинуть нашу страну! Но мы чтим свою историю и свою ненависть к тем, кто лишил нас родного дома! Все эти долгие годы бурусы с надеждой ждали того дня, когда нам суждено будет вернуться на наши исконные земли. И он настал, этот день.

— Не слишком ли поздно вы спохватились? — покачал головой Брул. — И даже если то, что ты говоришь, — правда, все эти события давно стали преданиями и легендами. Время никому не повернуть вспять. Даже вам, бурусам.

— Это ты так считаешь, — усмехнулся мужчина, и глаза его зловеще сверкнули. — Но нас совершенно не интересует твое мнение. Бурусы пришли взять то, что принадлежит им по праву. Мой народ вернулся в свой дом, откуда был подло изгнан. И останется здесь, возродив бывшее величие нашей страны Буру-Теш. И считаться мы ни с кем не намерены, тем более с подлыми захватчиками — валузийцами.

— Ничего у вас не выйдет, — твердо промолвил Брул, неотрывно глядя в глаза человеку в меховой безрукавке. — Валузийская армия сильна и непобедима, ей нет равных в мире. И кроме того, у Валузии много союзников, так что вас просто сотрут в порошок. Лучше попытаться решить этот вопрос каким-нибудь другим путем. Надо хорошенько подумать...

— Ваши хваленые войска лишились командования и попали в окружение. Им конец.

Бурус произнес эти слова совершенно спокойно, без тени злорадства, но у Копьебоя от этого спокойствия по спине поползли мурашки, и тоскливо сжалось сердце. Кулл убит? Попал в плен? Не может быть!

— Я тебе не верю,— решительно заявил пикт.— Ты хоть и похож на обычного человека, но коварен и лжив, как твои обезьянолюди. Вам никогда не победить нас. Лучше бы твоему народу прийти к нам с миром, тогда бы не было напрасных жертв.

— С миром? Просить у вас милостыню? — презрительно поморщился бурус.— Да ты что, смеешься надо мной? Я вижу, ты так ничего и не понял. Ты просто упрямый глупец.

Тра катриам хе но!

Услышав эти слова, похожие на зловещее заклинание, суеверный, как и все пикты, Брул невольно напрягся, словно ожидая, что на него сейчас обрушатся каменные своды. Но ничего сверхъестественного не произошло, лишь человек в меховой безрукавке сделал рукой какой-то жест, и двое обезьянолюдей, подхватив Копьебоя за плечи, вывели его из отсека и вновь потащили по бесконечному темному туннелю.

* * *

Едкий густой дым щипал глаза, но Келкор почти не замечал этого. Все его чувства как будто умерли, и лишь в висках стучала одна мысль —

он пленник! Ему приходилось и раньше попадать в засаду, но, израненный, едва живой, он всегда сражался до тех пор, пока рука могла держать меч, и не позволял врагам одолеть себя. А сейчас... Битва еще не началась, а его армия уже осталась без полководца, а сам он, крепко привязанный к толстому стволу дерева, беспомощно стоял перед ухмыляющимися ему в лицо обезьянолюдьми.

Они всю гримасничали и нелепо приплясывали, явно совершенно удовлетворенные тем, что прославленный командир Алых Стражей так легко попался к ним в руки. Горечь, бесконечная горечь наполнила душу Келкора. Как жестоко судьба и всеильные боги подшутили над ним! Ведь он проиграл свое, быть может, последнее сражение не людям, а каким-то отвратительным хвостатым существам, лишенным каких бы то ни было человеческих чувств...

Внезапно бурное обезьянье веселье прекратилось, и они, образовав полукруг, почтительно расступились перед крупным загорелым человеком в меховой безрукавке и кожаных, до колена, штанах. Быстрой упругой походкой подойдя к Келкору, он остановился, задумчиво разглядывая командира Алых Стражей. Мохнатые подчиненные поспешно принесли ему нечто вроде небольшого деревянного помоста, и высокий мужчина уселся на него, скрестив ноги и положив руки на колени.

— Не повезло тебе, да? Расстроился? — наконец спросил он, с оттенком насмешливого сочув-

ствия в голосе.— Ну что ж, в твоей неудаче можно было и не сомневаться. Слабы вы, называющие себя валузийцами, и духом и телом. Когда вы вероломно напали на нас, мы почти не оказали никакого сопротивления, а просто ушли. Наш народ старался жить в мире с окружающими племенами, ни с кем не воевал и мало что смыслил в воинском искусстве. Мы писали книги, строили храмы, занимались науками, учили своих детей любви и согласию с ближними. Нас в те времена было легко победить. Но теперь мы поменялись местами, и нам ничего не стоит стереть Валузию в порошок.

Келкор молчал, недоверчиво слушая странные слова незнакомца. О чем он толкует? Какой мирный народ? Когда валузийцы на них напали? Очевидно, на лице командира Алых Стражей было написано такое недоумение, что человек в меховой безрукавке снисходительно рассмеялся.

— Не стоит тебе ломать голову над тем, что ты услышал,— сказал он, сделав какой-то жест обезьянолюдам.— Просто считай, что для тебя и для твоего народа все кончено. Королевства Валузии больше не существует.

Двое обезьянолюдей подошли к Келкору и, крепко стянув его шею своими хвостами, принялись отвязывать его от дерева. Почувствовав, что руки свободны, командир Алых Стражей резко дернул за оба мохнатых отростка, но живая петля на его шее только затянулась еще туже. Превозмогая подступившую к горлу тошноту, Келкор начал отчаянно бороться. Он осознавал, что силы

не равны и ни малейшей надежды на успех нет, но все же стоит попробовать, прежде чем Врата Смерти откроются для него, отправить туда хотя бы одного ненавистного врага. Схватив за поросшие короткой шерстью загривки своих мохнатых противников, Келкор с такой силой толкнул их лбами, что они, глухо взвизгнув, зашатались и начали медленно оседать на землю.

Во второй такой же удар валузийский командир вложил столько ярости, что оба обезьяночеловека без звука рухнули к его ногам. Безжизненные хвосты с тихим шелестом сползли с шеи Келкора, но оставались еще веревки, крепко опутавшие его лодыжки и бедра. Взглянув на человека в меховой безрукавке, который почему-то не двигался с места и спокойно наблюдал за происходящим, лемуриец перевел глаза на стоящих полукругом мохнатых тварей, словно застывших в немом оцепенении.

«Им, видно неинтересно нападать на связанного,— подумал пленник.— Сейчас они дождутся, когда я освобожусь от веревок, и набросятся на меня всем скопом. Нашли развлечение!»

Он принялся распутывать веревки, связывавшие его ноги, изредка бросая быстрые взгляды на по-прежнему не двигавшихся врагов. Наконец пути упали на землю, и Келкор, отскочив в сторону, схватил с земли увесистый длинный сук, который заприметил некоторое время назад. Оглянувшись и не увидев за собой никого из мохнатых, он принял боевую стойку и начал медленно отступать к поросшему густым кустарником холму.

— Неплохо,— произнес вдруг незнакомец в меховой безрукавке.— Очень даже неплохо для таких жалких людишек, как валузийцы. Где это ты научился так драться голыми руками? Ведь вы, несчастные трусы, никогда не расстаетесь с оружием, а без него на вас просто смешно смотреть — вы становитесь беспомощны, как ягнята!

— С чего ты взял? — тяжело дыша, презрительно бросил Келкор.— Видно, тебе никогда не приходилось помериться силой с кем-нибудь из валузийских бойцов, иначе ты бы не сидел тут сейчас, скрестив ножки, словно торговка на южном базаре, и не болтал бы всякие глупости.

В одно мгновение распрямившись, как отпущенная пружина, человек в безрукавке взвился в воздух и приземлился совсем близко от командира Алых Стражей.

— Ты хочешь помериться силой? — слегка усмехнулся он.— Глупый человек, ты не знаешь, о чем просишь.

Вместо ответа Келкор, размахнувшись, обрушил страшный, смертельный удар палки на голову противника, но, к своему изумлению, увидел, что бурус, ухмыляясь, по-прежнему невредимый стоит перед ним, спокойно скрестив руки на груди.

Яростно молотя противника руками и ногами, лемуриец едва не выбился из сил, однако человек в безрукавке, все так же продолжал улыбаться, неподвижно стоя перед разъяренным валузийским командиром и, казалось, даже не чувствовал обрушившихся на него ударов.

— Это колдовство,— задыхаясь, пробормотал Келкор.— Тебе просто помогают темные силы. Я так и знал, что все вы связаны с магией!

— Ошибаешься,— рассмеялся противник.— Не нужна нам никакая волшба. Бурусам помогает сама природа. Мы — дети диких лесов. Природа — наша суровая мать, и она не балует нас, но учит выживать в любых условиях. Наши тела закалены и крепки, нам не страшны ни холод, ни голод, ни когти зверя, ни руки человека, даже если они держат оружие. Так что наши силы неравны. Лучше смирись и прими смерть достойно.

— Ну нет! — Келкор крепче сжал палку, все еще не решаясь расстаться с единственным, хотя и бесполезным, как он убедился, оружием.— Даже не надейся, что я дешево отдам свою жизнь. Если сомневаешься — попробуй, возьми!

Человек в меховой безрукавке не двигался с места, задумчиво рассматривая стоявшего перед ним с занесенной над головой дубиной лемурийца. Келкор оглянулся и, увидев, что путь к склону холма свободен, резко развернулся и что есть силы помчался к ближайшим густым зарослям колючего кустарника и низких, едва ли не стелющихся по земле, деревьев.

Он надеялся, что бурус не сможет так ловко прыгать среди извилистых ветвей и колючек, и если в поединок не вмешаются обезьянолюди, то побороться еще стоит.

— Далеко собрался? — насмешливо спросил бурус, выросший перед командиром Алых Стражей словно из-под земли.

Не останавливаясь, Келкор с разбегу налетел на перепрыгнувшего через него мгновение назад врага и со страшной силой двинул буруса головой в лицо. Скорость, с которой бежал лемуриец, была так велика, что удар оказался действительно мощным — противник покачнулся и едва не потерял равновесие. Всего доли мгновения хватило валузийскому командиру, чтобы нанести следующий удар и свалить буруса на каменистую почву. Прижав его к земле и давя на горло дубиной, Келкор навалился на человека в безрукавке всем телом, но в этот момент бурус дернулся и, высоко вскинув ноги, сдавил ими с двух сторон голову лемурийца. Ощувив, что у него вот-вот затрепчат кости черепа, Келкор перестал давить своей палкой на шею врага и попытался высвободиться из смертельных тисков. Но тут все внезапно поплыло у него перед глазами, и он даже не понял, куда пришелся ответный удар буруса. Лемурийцу показалось, что он потерял способность хоть что-либо чувствовать. Командир Алых Стражей, повалился навзничь, испытывая какое-то странное безразличие ко всему происходящему.

* * *

Тяжелая кавалерия, оставшаяся среди холмов после того, как Кулл и Келкор со своими воинами разъехались в разные стороны, приняла бой почти сразу, едва скрылись из виду последние всадники удалявшихся отрядов. Выскочившие из-за дымовой завесы — словно возникнув прямо из

языков пламени — толпы обезьянолюдей беспорядочной ордой повалили на валузийцев, ловко уклоняясь от летящих в них копий и стрел.

Подобравшись поближе, они образовали полукруг, примыкавший почти вплотную к обоим флангам отряда валузийцев. Пришпорив коней, всадники попытались было смять врагов кавалерийской лавой, но обезьянолюди, высоко подпрыгивая в воздух прямо перед копытами лошадей, перелетали через головы животных, выбивая седоков из седел.

Кавалеристы яростно рубились, но враги обвивали хвостами их шеи, сбрасывая воинов на землю, выдергивали мечи из их рук, ловили на лету стрелы — и продолжали сжимать вокруг валузийцев кольцо.

Между тем центральная часть обезьяньего войска незаметно начала отступать, увлекая за собой валузийцев, большей частью уже ставших пешими. В пылу сражения воины не сразу разгадали маневр противника и все ближе и ближе подходили к опасной черте. Когда же путь им преградила дымовая завеса, а полукольцо мохнатых тварей окружило их с тыла, валузийцы поняли, что оказались в ловушке.

С отчаянным упорством обреченных они, окончательно смешав строй, яростно обрушивали на врага бешеные удары своих звенящих мечей, но лишь редкие из них достигали цели. В глазах у воинов рябило от мелькавших повсюду ухмыляющихся и гримасничающих отвратительных морд, уши закладывало от визгливого воя обезьянолю-

дей, кавалеристы задыхались от едкого дыма, силы их таяли...

Но сражение продолжалось. Черная дымная завеса со всполохами пламени мешала валузийцам видеть врагов; они сражались вслепую, не зная, сколько их товарищей уже полегло на поле битвы, — любой из воинов мог видеть только того, кто бился с ним бок о бок. И каждое мгновение кто-нибудь из них падал на землю, отброшенный мощным ударом обезьяночеловека. Валузийцы были уже практически безоружны — цепкие, как клешни, и длинные, как плети, обезьяньи руки с необыкновенной силой вырывали у них мечи, копья и даже щиты. Сражение перешло в рукопашный бой.

Валузийские воины уже не замечали того, что продвигаются все дальше и дальше в глубь дымовой завесы, за которой виднелась лишь выжженная земля, ступать по которой, наверное, было нестерпимо горячо — но в горячке боя этого никто не чувствовал. Не видели они и узкую пещеру, ко входу в которую отчаявшихся, но не сдающихся бойцов подталкивали прыгающие и размахивающие хвостами враги. И только когда вместо едкого черного дыма валузийцев окружил сырой непроглядный мрак пещеры, они поняли замысел противника и попробовали прорваться обратно наружу.

Но пути назад уже не было. Огромный валун, придвинутый проворными и сильными мохнатыми руками, надежно закрыл узкое отверстие, отрезав выход из пещеры.

* * *

Кулл и сам не ожидал, что природа даровала ему столько мощи. Теперь в его руках было уже два хвоста, и, молотя дико визжащими косматыми тварями по головам их соплеменников, он упорно продолжал прокладывать себе путь к свободе. Огонь, слабые отблески которого он видел, оказался пламенем факела, освещавшим вход в пещеру. Топтавшиеся возле него двое обезьянолюдей одновременно подпрыгнули, пытаясь ударить ногами в широкую грудь атланта, но Кулл, уже изучивший их приемы, отскочил в сторону и, размахнувшись своими пленниками, сбил на лету обоих. Перехватив оба хвоста в правую руку и продолжая с бешеной скоростью вращать мохнатыми телами, король выдернул из кольца на стене горящий факел и ткнул им в бросившегося ему под ноги обезьяночеловека.

Взвизгнув, враг откатился в сторону, пытаясь сбить охватившее его пламя, а Кулл, шмякнув оземь тех, кого он держал за хвосты, ринулся вперед, держа факел перед собой.

О человеке в меховой безрукавке он уже почти забыл, как вдруг, выбежав из пещеры на горную тропу, увидел его стоящим прямо перед собой. Возможно, этот был брат-близнец оставшегося в подземелье, а может быть, все бурусы на одно лицо — Кулл не собирался тратить время на размышления об этом, он просто с разбегу сильно ткнул факелом в грудь преградившему ему дорогу человеку. Тот лишь слегка отодвинулся, и атлант, едва удержавшись на ногах, пробежал еще

несколько шагов, прежде чем смог остановиться и обернуться назад.

К его изумлению, буруса на тропе не оказалось. Кулл не стал искать противника, заглядывая в пропасть или за валуны, лежащие повсюду. Он развернулся, собираясь что есть силы бежать дальше, навстречу своим воинам, но тут же застыл как вкопанный.

Прямо перед ним, спокойно улыбаясь, прислонившись к обломку скалы, стоял все тот же человек в безрукавке. Взревев от ярости, атлант бросился на него, взмахнув факелом, как мечом, но бурус сделал лишь одно неуловимое движение, и удар Кулла вновь не попал в цель.

— Валка! — задыхаясь от гнева, прохрипел король. — Твои фокусы все равно не собьют меня с толку! Мне плевать на твои обезьяньи трюки! Ты не сможешь меня победить!

— Я уже тебя победил, — невозмутимо отозвался странный противник. — Тебе только показалось, что в твоих силах вырваться из плена. Я не вмешивался, потому что мне было интересно наблюдать за твоими действиями. Мы, бурусы, не упускаем ни малейшей возможности чему-либо научиться, тем более у своих врагов. Мне понравилось, как быстро ты нашелся и использовал вместо оружия двоих наших солдат. Мы, конечно, таким приемом пользоваться не будем, но зато теперь знаем, чего можно ожидать от валузийцев. Признаться, в сообразительности вам не откажешь! Ну что ж, я даже рад. Слабый противник всегда вызывал у меня досаду и раздражение.

— Уйди с дороги! — прорычал атлант, вновь угрожающе замахнувшись факелом. — Меня не интересует, чему и как вы там учитесь и вообще кто вы такие. Вы напали на нас и ответите за это. А ваши красивые легенды я больше слушать не собираюсь.

Бурус перестал улыбаться и вдруг, вцепившись в факел, резко дернул его на себя. Противники принялись ожесточенно выкручивать горящее орудие друг у друга из рук, кружась почти у самого края узкой горной тропы, за которым молчаливо поджидала добычу ненасытная бездна.

* * *

Главный советник Ту, с опаской посматривая на окруживших его обезьянолюдей, пытался определить, в каком именно месте дворца он сейчас находится. Кое-какие подземные ходы были ему известны, и он не терял надежды на то, что каким-то образом сможет перехитрить косматых врагов и выбраться наружу из того ужасного застенка, в который его затащили.

Хвостатые твари, беспрестанно гримасничая, с откровенным любопытством разглядывали старого вельможу. По-видимому, наибольшее изумление у них вызывало его тщедушное телосложение и полное отсутствие накаченных мышц, поскольку они тут же начинали щупать свои бицепсы и недоуменно покачивать головами. Мохнатые существа непрерывно переговаривались между собой на каком-то странном языке, изобилующем шипящими и свистящими звуками, и при этом

еще отчаянно жестикулировали. По выражению их поросших жесткой щетиной то ли лиц, то ли морд Ту догадался, что они скорее всего делятся впечатлениями о пленнике, но судьбу его будет решать кто-то другой.

Услышав позади себя легкие шаги, советник огромным усилием воли заставил себя не оборачиваться и все так же продолжал стоять, спокойно глядя прямо перед собой. Обезьянолюди затихли и недоуменно уставились на невозмутимого пленника.

— Дрожишь, старикашка? — раздался за спиной Ту резкий, чуть хрипловатый голос. — Не помер еще от страха?

Гордо вскинув голову, советник неторопливо, с достоинством, обернулся и смерил слегка презрительным взглядом того, кто так непочтительно посмел к нему обратиться. Перед ним, скрестив руки на широкой груди, стоял высокий, мускулистый и загорелый человек в меховой безрукавке.

Высокомерное выражение его лица, гордо вздернутый подбородок выдавали привычку к беспрекословному подчинению окружающих, а значит, и принадлежность к правящей верхушке вражеского племени. Ту мысленно похвалил себя за правильно выбранную тактику поведения — незнакомец явно несколько растерялся, встретившись глазами со спокойным и даже надменным взглядом «старикашки».

— Подумать только! — удивился крепкий мужчина в безрукавке. — Смотри-ка, какие мы храб-

рые! А я было подумал, что под тобой сейчас растечется лужа!

Обезьянолюди гулко загоготали, тыча длинными пальцами в сторону советника, но их предводитель вдруг гневно сверкнул глазами, и визгливый смех тотчас оборвался. Стушевавшись, хвостатые существа на цыпочках торопливо попятились к выходу и вскоре растворились во мраке туннеля.

Загорелый незнакомец уселся на небольшое деревянное возвышение у стены и принялся задумчиво разглядывать Главного советника Валузийского королевства. Ту неторопливо расправил плащ на груди и спокойно застыл, молча глядя перед собой.

— Значит, в таком хилом теле может скрываться и сильный дух, и могучий разум? — спросил сидящий мужчина, словно разговаривая сам с собой. — Да быть такого не может! Стоит мне сейчас слегка сжать твою тощую шею, как ты тут же взвоешь о пощаде. Завизжишь, как свинья под ножом мясника! Да медной монетки не стоит весь твой ум! И такова же цена всем вам, жалким тщедушным людишкам!

— Значит, ты, молодой человек, считаешь, что пришло время тупой грубой силы, обезьяньих ужимок и прыжков? Зачем же сам до сих пор пользуешься речью разумных существ? — Ту смотрел на расположившегося перед ним высокомерного гиганта насмешливо и снисходительно, как на неразумного ученика, еще не научившегося мыслить самостоятельно. — А скажи-ка мне, не

боитесь ли вы по недомыслию переломать шеи заодно и друг другу?

— Нет! — Глаза человека в безрукавке вновь сверкнули гневом. — Наш народ — единое целое. Мы слишком долго жили замкнуто, не общаясь ни с какими другими племенами, не веря им и презирая их. Мы — живой организм, у нас есть сердце, глаза, руки. Мы все взаимосвязаны и не можем жить друг без друга. А если и случится такое, что когда-нибудь нам придется пойти брат на брата, то тебе этого уже не увидеть. Это будет не раньше, чем мы уничтожим вас всех, до единого.

— Что ж за причина подобной ненависти к нам? — покачал головой Ту. — Глядя на тебя, я вижу, что у вас просто не осталось никаких других человеческих чувств.

— Они нам больше не нужны, — зло усмехнулся огромный мужчина. — Когда-то мы были обычным народом и жили, как все. Но вы прогнали нас в леса и горы, уничтожив саму память о нашем народе. Ты ведь даже не знаешь, кто мы такие!

— Почему же? — пожал покатыми плечами советник. — Я прекрасно знаю вашу печальную историю. Вы — бурусы, племя, которое в давние времена обитало на землях нынешней Валузии. Наши далекие предки поступили с вами несправедливо, и мы готовы признать их вину. Но вы даже и не пытались предъявить ныне живущим какие-либо разумные требования...

— Что? — Бурус вскочил с деревянного возвышения, на котором сидел, и вплотную подошел к

старому Ту. — Ты знаешь нашу историю? Откуда? Валузийцы стерли ее из человеческой памяти!

У буруса был такой разъяренный вид, что советнику показалось, что собеседник, не сдержавшись, сейчас вцепится ему в горло, но тот лишь пожирал глазами старика, шумно раздувая ноздри.

— Нынешние валузийцы не виноваты, что до них не дошли воспоминания о тех далеких событиях, — осторожно начал Ту, внимательно следя за движениями буруса. — Но это не значит, что мы стремимся все забыть. Наоборот, когда я узнал вашу историю, то понял, что мы вместе должны искать выход из создавшегося положения.

— Мы вам ничего не должны, — отрезал бурус. — И никаких совместных поисков быть не может. У нас нет общего будущего. Или мы, или вы.

— И море крови, — вздохнул советник. — Наверное, так проще решать все сложные вопросы. А вы не подумали о том, что когда-нибудь история и к вам предъявит счет? И ваш народ будет проклят, и вам когда-нибудь захотят отомстить?

— Кто? — презрительно скривился бурус. — Те жалкие остатки валузийцев, которых мы оставим в живых? Но мы не позволим им иметь потомство, и они вымрут через несколько поколений естественным путем. Все до последнего!

— Валузия не одна в обитаемом мире. У нее много друзей и союзников. Ее окружают королевства, которые придут к нам на помощь по первому зову. И если даже вы победите, они не станут жить с вами в мире.

— Да плевать нам на это! Мы никого не боимся. И если ваши несчастные союзники сделают хоть одно движение в нашу сторону, мы сметем их с лица земли!

Он замолчал и, повернувшись к выходу, крикнул в темное нутро туннеля несколько слов на странно звучащем для человеческого уха языке. Отсек тотчас заполнили обезьянолюди, которые, подхватив Ту под локти, проворно потащили старика вперед, навстречу неизвестности. Советник обернулся, чтобы еще раз встретиться взглядом с бурусом, и вдруг увидел, что в светлых глазах гиганта стоят слезы.

* * *

«Что это? — думал Ту, испытывая непривычное смятение в душе. — Он плачет... он переживает какое-то непонятное для него, незнакомое чувство. Человеческое чувство. Видимо, бурус привык жить среди зверей и стал считать, что все вокруг подчиняется лишь законам джунглей. Наверное, они долго приглядывались к нам, изучали наши привычки, наш язык, обычаи, но не допускали в свое сердце любовь. Любовь к ближнему, любовь к соседу — в конце концов любовь к самим себе. Бурусы подчинили все свое существование только ненависти и жажде мести. О как же они несчастны! И ведь, как ни странно, они не производят впечатления отъявленных негодяев...»

Советник и сам не мог понять, откуда в его сердце взялось столько жалости и сочувствия к врагам, которые, казалось бы, своей жестокостью

могли вызывать лишь ответную ненависть и презрение. Каким роковым образом оказались переплетены судьбы обоих народов! И как теперь искать путь к примирению?...

«О чем это я? — внезапно спохватился старый советник и на мгновение замедлил шаги, тут же ощутив нетерпеливый толчок в спину. — В моем положении пытаться решать дипломатические вопросы? Да мне вместо этого стоит попытаться отыскать здесь хоть какую-нибудь лазейку, чтобы улизнуть от хвостатых. Может быть, удастся их как-нибудь перехитрить? Умом-то они, по-видимому, не слишком богаты...»

Но, покосившись на идущего рядом обезьяночеловека, советник лишь обреченно вздохнул. Куда ему, тщедушному старику, тягаться с ловкими, сильными и хитрыми противниками! Остается только ловить благоприятный момент, хотя кто знает, сколько на это ему отпущено времени. Возможно, как раз сейчас его ведут навстречу смерти!

Последняя мысль заставила Ту поежиться. Несмотря на то что молодой бурус вдруг проявил какие-то человеческие чувства, все-таки он остается врагом, непримиримым врагом, и пощады от него ждать не приходится. Недаром он утверждал — или вы, или мы...

Мрак в туннеле начал стучаться, и вскоре глаза советника уже с трудом различали дорогу. Между тем его хвостатые сопровождающие продолжали двигаться все так же уверенно и наконец завернули за поворот, ведущий к едва различимому в

темноте узкому помещению. Они остановились, издав несколько коротких гортанных звуков, и тут же из дальнего угла отсека раздался громкий ответ.

Чья-то неясная бесформенная фигура зашевелилась во мраке, затем заскрежетало что-то железное, отчего у советника пересохло горло, а по спине пробежали мурашки.

«Ну вот,— с тоской подумалось ему,— кажется сейчас передо мной откроются Врата Смерти! Экий все-таки бесславный конец — ни барабанной дробы, ни затаившей дыхание толпы... Обидно! Эти красавцы, видимо, стукнут меня чем-нибудь тяжелым по голове, да и бросят тут на съедение крысам. И никто не узнает, где лежат бранные останки Главного Советника блистательной Валузии. За что же меня так жестоко карает судьба? Впрочем, наверное, за свою жизнь я успел совершить немало грехов...»

Ему стало по-настоящему страшно. Мысленно попрощавшись с жизнью, он зажмурил глаза, чтобы не видеть ту мерзкую железяку, которая сейчас обрушится на него и перемелет все кости, но вместо этого почувствовал, как что-то мягкое обвилось вокруг его пояса. Догадавшись, что это обезьяний хвост, Ту невольно вздрогнул, ожидая, что точно такая же удавка через мгновение захлестнет ему шею, но ничего подобного не произошло. Живой канат, обвинивший талию советника, вдруг сильно напрягся, и бедняга Ту почувствовал, что внезапно оторвался от каменного пола и повис в воздухе. Судорожно задержав нога-

ми, он попытался нащупать хоть какую-нибудь опору, но тщетно. Его плавно опускали куда-то вниз.

Наконец подошвы мягких сапог советника коснулись земли, и хвост, державший его, тотчас раскрутился и исчез. Ту в ужасе взглянул наверх, откуда его только что спустили, и с трудом различил в полутьме массивную решетку, которая со скрежетом задвинулась у него над головой.

«Вот это да! — цепenea от страшной догадки, подумал советник.— Это еще хуже, чем просто смерть. Они хотят меня здесь заживо сгноить! Какие же они жестокие чудовища!»

Ноги едва держали старого вельможу, и Ту, поискав на ощупь какую-нибудь опору и не найдя ее, бессильно опустил прямо на холодный земляной пол. Его мысли путались, и он с трудом сдерживался, чтобы не завывать от отчаяния. Нет, надо держаться, надежда еще есть, твердил он сам себе. И верил в это. Опытный царедворец на протяжении своей долгой жизни не раз оказывался в сложных обстоятельствах. Ему грозил и топор палача, и кинжал заговорщиков, и кубок с ядом из рук завистливого придворного, но он всегда находил выход. И сейчас он есть, не бывает безвыходных ситуаций... Надо что-то быстро придумать, нельзя сидеть вот так, сложа руки, и покорно ждать смерти. Советник убеждал себя в этом, но был не в силах ни сдвинуться с места, ни даже пошевелить пальцем. Отчаяние наполнило его душу до такой степени, что ему вдруг стало казаться, что он уже умер.

Сколько прошло времени, неизвестно, но к Ту неожиданно вернулись все его самообладание и решительность. Он вскочил на ноги и сделал несколько шагов, вытянув вперед руки. Наткнувшись на земляную стену, советник принялся на ощупь исследовать ее, надеясь найти какой-нибудь ход или хотя бы трещину. Через некоторое время он и в самом деле нащупал небольшой лаз, находившийся почти у самой земли. Старик с бешено бьющимся от волнения сердцем нетерпеливо сунул туда руку, и его вытянутые пальцы не встретили никакой преграды. Нора оказалась достаточно глубокой, и советнику пришлось лечь на пол, чтобы просунуть кисть еще дальше.

Его пальцы по-прежнему шарили в пустоте! Ту привстал и, вытерев холодный пот со лба, принялся лихорадочно обдумывать свое открытие. Кто мог проделать этот ход и для чего? Ни человек, ни обезьяна пролезть в него не могли. Значит, его прорыли для каких-то других целей. А может, это сделал какой-нибудь узник, томившийся здесь раньше? Но уйти через этот узкий лаз ему явно не удалось, и тогда... Неужели бедняга, обессилев, так и умер здесь, а его рассыпавшиеся кости валяются белеющей грудой где-нибудь неподалеку? Советник замер, боясь пошевелиться и наступить на человеческие останки, но вскоре взял себя в руки. Что ж, решил он, придется продолжить дело неизвестного предшественника.

Ту вздохнул и, призвав на помощь всех валузийских богов, вновь повернулся к норе. Поша-

рив за пазухой, он извлек небольшой узкий стилет, который всегда носил на цепочке под одеждой, и задумчиво повертел в руках драгоценную вещицу. Оружие казалось игрушечным, но старый советник знал, что обоюдоострый клинок закаленной стали никогда не подведет его. Странно, что бурусы не догадались обыскать Ту, — видимо, решили, что тщедушный валузиец способен держать в руках разве что палочку для письма. Ну что ж, тем хуже для них — с кинжалом в руках он еще поборется за свою жизнь! А если выхода отсюда ему все же не удастся найти, то острое тонкое лезвие поможет ему сделать свою смерть не такой уж долгой и мучительной...

Стоп! Советник внезапно замер, осененный неожиданной догадкой. Ведь у его предшественника тоже нашлось какое-то оружие — не голыми же руками он прорыл эту нору! И оно должно было оказаться достаточно большим, ведь прорытый ход был глубоким настолько, что рукой советнику не удалось определить, где он кончается. Неужели меч?

Не выпуская из рук кинжала, Ту встал на четвереньки и принялся шарить по земляному полу, уже не боясь наткнуться на рассыпавшиеся кости.

Однако единственным его открытием стало лишь то, что земляная тюрьма имеет почти круглую форму и она довольно просторна, но в ней решительно ничего и никого нет. Это обстоятельство заставило советника вновь призадуматься. Кто же тогда вырыл лаз? Для чего? Зачем было

делать такую узкую нору, в которую могла протиснуться только одна рука?

Ту внезапно вспомнил, что не обнаружил никакой земли из лаза, которая непременно должна была лежать кучкой где-нибудь неподалеку. Значит... Значит, ход прорыли не отсюда! Может быть, неподалеку находится точно такая же тюрьма, и томящийся там узник, пробил стену, добравшись до соседней темницы?

Ту вновь лег на пол и, повернув ухо к отверстию, начал внимательно прислушиваться, пытаясь уловить хоть малейший шорох из глубины. Но не услышав ничего, кроме биения собственного сердца, он решился, наконец, подать голос.

— Эй! — осторожно прошептал советник, а затем, осмелев, произнес погромче: — Есть там кто-нибудь? Отзовитесь!

Не услышав в ответ ни малейшего звука, Ту вздохнул и прислонился спиной к стене. Возможно, того узника по соседству уже нет в живых... А может, этот ход прорыл и не заключенный? А вдруг это обезьянолюди сделали его и передают теперь что-нибудь по узкому лазу — например, пищу своим пленникам?

«Ну да, как же я раньше не догадался! — всплеснул руками старый советник. — Раз они не сбросили меня сюда, а аккуратно спустили на хвосте, значит, решили оставить меня в живых. Во всяком случае, пока. Тогда, может быть, будут кормить, чтобы не дать умереть голодной смертью. Интересно, какую гадость они подсовывают своим пленникам? И что едят сами люди-обезьяны?»

Ту вдруг почувствовал, как от голода у него противно заурчало в животе. Но представив, что на обед ему принесут какую-нибудь дохлую полуразложившуюся мышь, он брезгливо поморщился и с отвращением сплюнул. Неужели бурусы уготовили ему не только мучительную, но еще и унижительную погибель? Может, они рассчитывают вволю потешиться, глядя, как Главный советник королевства, потеряв человеческий облик, станет, опустившись на четвереньки, жадно глотать какую-нибудь брошенную сверху пададь?

От возмущения Ту сплюнул еще раз, вложив в это действие всю меру своего презрения к врагам. Нет уж, не доставит он им подобного удовольствия! Ласково погладив острое лезвие стилета, старый советник злорадно ухмыльнулся, представив раздосадованные лица бурусов, на глазах которых их пленник примет достойную валузийского вельможи смерть. Жаль только, что никто, кроме них, этого не увидит...

Ту мрачно вздохнул, вспомнив о Бруле, который тоже попал в плен к ненавистным врагам. Где он сейчас и жив ли еще? И где сейчас король Кулл? Все еще сражается на юге с ордой обезьянолюдей или уже возвращается домой с победой? А может быть, лежит где-нибудь в густой траве с переломанной шеей...

Горестные раздумья советника прервал неясный шум, внезапно донесшийся сверху. Ту вскинул голову и замер, напряженно прислушиваясь. Шум становился все отчетливее и ближе, и, наконец, над самой головой старика раздался знако-

мый скрежет отодвигаемой решетки. Вскочив на ноги, Ту метнулся в сторону и прижался к шершавой холодной стене, больше всего на свете желая вдавиться в нее поглубже. Он услышал приглушенные гортанные звуки и внезапно понял: в темницу что-то опускают. Судорожно сжав рукоять кинжала, советник затаил дыхание, приготовившись к любым неожиданностям.

Страх он не испытывал. Пусть и не надеются, что тщедушный старикашка станет унижаться перед этими гнусными тварями, похваляющимися своими мускулами! Пусть только попробуют дотронуться до него — острое лезвие кинжала сделает свое дело! Силы, конечно, не равны, но прежде чем умереть, Ту захватит с собой в Царство Иог-Саррога хотя бы одного из этих нелюдей. А может быть, таким образом пленнику спускают еду? Ну уж нет, к их поганой пище он даже не притронется!

Ту прислушался и вдруг уловил чье-то едва различимое дыхание. Должно быть, кто-то из обезьянолюдей прибыл за ним, чтобы поднять наверх и вновь отвести к своему вожаку! Ну что ж, тогда он сначала попробует еще раз поговорить с высокомерным бурусом, взывая к его разуму и человеческим чувствам. И лишь решив, что все бесполезно, пустит в ход спрятанное в рукаве оружие.

Ту почувствовал, что неизвестный опустился на пол темницы совсем неподалеку от него. Затаив дыхание, советник ждал, что последует за этим, как вдруг услышал противный скрежещу-

щий звук задвигаемой решетки. «Что бы это значило? — промелькнуло у него в голове. — Кого это они мне сюда подсунули? Надзирателя? Палача? — старик похолодел от ужаса, представив себе неравную схватку в кромешной тьме с мощным и сильным обезьяночеловеком. — Но зачем тогда вновь закрыли решетку?»

Некто стоящий невдалеке от него пошевелился и сделал несколько неуверенных шагов в противоположную от советника сторону. Он молчал, и не слышно было даже его дыхания. Что задумал этот негодяй? Ведь он прекрасно видит в темноте и сейчас, должно быть, мерзко ухмыляется, с насмешкой глядя на прижавшегося к стене старика, судорожно сжимающего в руке небольшой стилет.

Нервы Ту были на пределе, он едва сдерживался, чтобы не броситься на неведомого врага, издав воинственный клич Валузии, — чего старому вельможе за всю его жизнь делать еще не приходилось.

Немного постояв на месте, таинственный противник вдруг начал медленно кружить по темнице, двигаясь столь бесшумно, что советник временами почти не слышал его шагов. Стараясь стоять к незнакомцу спиной, Ту поворачивался на едва различимые звуки, держа наготове руку с кинжалом. На какое-то время вновь наступила полная тишина, и вдруг советник услышал легкий шорох совсем рядом с собой.

«Да что он задумал свести меня с ума?! — Беззвучный, полный отчаяния крик вырвался из го-

тового разорваться сердца Ту. — Не выйдет, мерзкая тварь!»

Не в силах больше выносить эту молчаливую пытку, старый советник очертя голову бросился на невидимого врага, резко выбросив вперед руку с узким клинком. Увы — выпад прошел мимо, и незнакомец тотчас схватил старика за руку и вывернул ее так, что искры посыпались из глаз вельможи. Получив вслед за этим сильный удар по шее, Ту тяжело рухнул на колени, с ужасом и болью осознавая, что вот теперь он окончательно пропал. Не успев выполнить задуманного и прихватить с собой за Врата Смерти ненавистную тварь.

— Старина Ту! — раздался вдруг знакомый голос. — Неужели это ты? Ну, конечно же, ты, старый пройдоха!

— Брул, — еле слышно прошептал советник, и из глаз его полились слезы радости. — Ты жив, Слава Богам и всемогущему Валке...

— Как видишь! — усмехнулся пикт. — Вернее, слышишь. Прости, я чуть тебя не зашиб. Как ты?

— Ничего, это я сам виноват, — еле ворочая языком, пробормотал Ту. Страшное напряжение, которое он испытывал в последние мгновения, отпустило, и старик чувствовал себя совершенно опустошенным. — Я думал, это кто-то из них...

— Я тоже чувствовал, что нахожусь здесь не один, — отозвался Брул. — Но не был уверен, что рядом со мной человек. Давно ты попал сюда?

— Не знаю. — Советник растерялся, пытаясь сообразить, сколько же времени он провел в под-

земной темнице, но понять этого так и не смог. — Должно быть, не очень долго. Они тебе что-нибудь сказали? Что с нами собираются делать эти хвостатые?

Пикт помолчал, и советник услышал, как Копьебой тяжело вздохнул.

— Живые мы им не нужны, — наконец глухо произнес Брул. — Они настроены совершенно непримиримо.

— Да, я знаю, — кивнул Ту. К нему постепенно возвращалось самообладание и способность ясно и трезво мыслить. — Но все же есть надежда, Брул! Бурусы — не обезьянолюди, а главные над ними. Они, как ни странно вовсе не утратили нормальных человеческих качеств, хотя и утверждают обратное. Видимо, в древности бурусы действительно были достойным народом, образованным, мудрым, потому что за долгие века дикой звериной жизни все же сохранили в себе способность мыслить, а стало быть, понимать других людей.

— Да что ты, Ту! — раздраженно перебил его пикт. — Ничего они не желают понимать! Мечь, кровавая, беспощадная мечь — вот их единственная цель. Они вытравили из себя все остальные человеческие чувства. Теперь это нелюди! Хотя я и согласен признать, что в чем-то они правы.

— И не в чем-то, а во всем! — забыв об осторожности, почти закричал советник. — Так же, как и мы! Вот какая ужасная ситуация, Брул, — они правы, и мы правы. Как тут быть? По-моему, впервые в жизни я столкнулся с совершенно не-

разрешимой задачей. А ведь ты знаешь, сколько раз мне приходилось находить выход из самых сложных положений!

— Ну тут тебе не придется пускать в ход дипломатические хитрости,— угрюмо буркнул Копьебой.— Они даже слушать нас не собираются. Здесь вопрос посерьезней — или мы, или они. И борьба будет идти до самого конца. Другого пути я не вижу.

— Неужели и ты так же непримирим, как и бурусы? — грустно покачал головой старик.— И ты тоже считаешь, что лучше пролить всю, без остатка, кровь двух народов, но не уступить ни в чем?

— Да не нужны им наши уступки, как ты не понимаешь? — Брул явно начал выходить из себя.— Они желают полностью нас уничтожить! И ничего другое их не устраивает! А нам тогда что остается делать?

— А мы все же будем стараться найти какой-то, приемлемый для обеих сторон, выход,— настаивал на своем советник.— Если только они дадут нам еще немного пожить...

— Вот именно! — в ярости выкрикнул Брул.— Если дадут! Значит, ты рассчитываешь на их милость? Может, ты даже будешь просить о пощаде?

— Ну знаешь ли! — От негодования советник не сразу смог найти подходящие слова.— Я... Я не ожидал услышать подобные оскорбления от тебя, пикт Брул. Ты не смеешь так говорить! Я не имел в виду просьбы о пощаде... Я...

Ту угрюмо замолчал и отвернулся, терзаемый горьким чувством обиды и непонимания. Брул молча постоял в темноте какое-то время, затем решительно шагнул к старику и положил руку тому на плечо.

— Прости, старина Ту,— негромко произнес он.— Не сердись. Наверное, мы еще не готовы к такому разговору. Давай лучше вместе подумаем, как отсюда выбраться. Тебе не удалось найти здесь еще какой-нибудь выход? Ну, может быть, хотя бы дыру или трещину?

— Кое-что я отыскал,— буркнул советник, тщетно пытаясь справиться с душившим его чувством обиды.— Я тут не только мольбами о пощаде занимался.

— Что же ты сразу не сказал! — воскликнул Брул, пропустив мимо ушей язвительное замечание Ту.— Показывай, где это!

Ту нехотя пощупал стену, у которой стоял, и, найдя узкое отверстие, подтянул к нему руку Брула. Опустившись на колени возле лаза, пикт тщательно исследовал нору, затем неопределенно хмыкнул.

— Странно,— задумчиво произнес он.— Может, этот ход прорыла какая-нибудь гигантская крыса? И все же надо попытаться узнать, куда он ведет. Ну-ка, дай мне стилет, которым ты чуть не убил меня.— Он протянул руку, в которую Ту поспешно вложил оружие.— Вот будет смешно, если мы пророем ход в какое-нибудь крысиное царство. Мало нам обезьян, померяемся силами еще и с крысами! А вдруг у них тоже какие-нибудь

претензии к Валузии? И побольше, чем у бурусов? Как ты настроен на этот счет, Ту?

— Хватит тебе зубоскалить,— хмуро отозвался советник, в котором вновь заклокотала обида.— Копай-ка лучше землю — больше толку будет.

Брул невесело усмехнулся и, с силой вонзив клинок в стену над отверстием, отковырнул пласт земли, за ним другой, третий... Присев на корточки рядом с пиктом, Ту принялся отгребать в сторону земляные комья, удивляясь, как много их становится за такое короткое время. Вскоре он почувствовал, что Копьебой так расширил отверстие, что уже может пролезть в него почти целиком. Высунувшись из норы, чтобы передохнуть, пикт прислонился спиной к стене и тяжело вздохнул.

— Что-то не нравится мне все это, Ту,— мрачно пробормотал он.— Не знаю даже, почему.

Советник молчал, не в силах произнести ни слова. Неясное ощущение надвигающейся опасности лишило его способности соображать. Он вдруг впал в какое-то зловещее оцепенение, словно из раскопанной Брулом дыры на него повеяло ледянящим душу могильным ужасом.

* * *

Вновь поднявшись на крышу, пикт Тору прошел по галерее к тому месту, где пропал командующий, и принялся наблюдать, как солдаты под предводительством Дарга сосредоточенно ковыряют древнюю каменную кладку. Внимательно окидывая взглядом плиты пола и стены, бывалый

шпион, не раз находивший выход из самых запутанных лабиринтов и самых надежных подземных темниц, на этот раз терялся в бесплодных догадках: откуда могла вылезти цепкая обезьянья лапа, схватившая Брула и утащившая его неведомо куда. Все плиты казались нетронутыми — невозможно было представить, что какая-нибудь из них сдвигалась с места в ближайшее время. Ни малейшей щели или трещины между ними, лишь пыль, вековая пыль да пробивавшиеся кое-где кустики чахлой травы...

Тору перегнулся через перила и посмотрел на стену, отполированную ветрами множества пронесшихся над Валузией эпох. Задумчиво поглаживая подбородок, пикт погрузился в глубокие размышления, из которых его вывел голос остановившегося рядом Дарга.

— Ничего мы тут не найдем.— Командир пиктов был мрачен и зол на самого себя.— Мы только попусту теряем время. Надо держать здесь постоянный сторожевой пост да поставить кого-нибудь вместо приманки. Пожалуй, я сам тут и останусь. Привяжусь крепкими веревками к перилам, чтобы они не смогли меня сразу утащить, да и подкараулю их.

— Если они тебя не уволочут, тогда просто сломают твою шею,— рассеянно заметил Тору, пристально вглядываясь в одну из плит стены.— И ты даже не успеешь никому рассказать о своем открытии.

— Ты что, считаешь меня беспомощным горожанином? — обиделся Дарг.— По-твоему, я буду

стоять сложа руки и дожидаться, пока косматые твари набросятся на меня? Да я отрублю первую же потянувшуюся ко мне мохнатую лапу!

— Брул тоже не беспомощная девица, — сухо возразил шпион. — Однако все же оказался добычей обезьянолюдей. Они чрезвычайно ловки и сильны, не забывай об этом.

Молодой, жаждущий подвигов Дарг лишь раздраженно махнул рукой и, не желая продолжать бесполезный спор, решительно повернулся к своим солдатам.

— Все, хватит искать! — крикнул он. — Возвращайтесь на свои посты. Здесь останутся двое караульных, которые будут стоять в нескольких шагах от меня. А я встану вот здесь, — Дарг подошел к тому месту, где не так давно стоял Брул, и, вытащив меч из ножен, приготовился к горячей схватке. — Принесите мне сюда несколько крепких веревок! Да поживее!

Солдаты отправились исполнять приказ командира, а двое самых рослых из них, с мечами наготове, остались по обе стороны от Дарга, отойдя от него на несколько шагов.

Тору не двинулся с места и, словно не замечая ничего вокруг себя, все так же продолжал сосредоточенно разглядывать плиты наружной стены дворца. Казалось, в голову ему пришла какая-то мысль, и он с отрешенным видом беззвучно шевелил губами, обдумывая ее. Неодобрительно поглядывая на шпиона, Дарг все больше и больше хмурился, однако почему-то не решался прогнать его вон.

Наконец, принесли веревки, и Дарг обмотал ими пояс, привязав свободные концы к мраморным перилам. Оборвут или перекусят одну веревку, рассудил он, останутся другие. Пока тупые обезьяны будут заниматься путами, надо изловчиться да пройти по ним мечом.

Этот план казался молодому командиру предельно ясным и простым, и он хотел теперь только одного — чтобы враги высунулись из своего убежища как можно скорее. Больше всего на свете пикт не любил вынужденного ожидания и бездействия.

Мохнатые противники, однако, не торопились — то ли раскусили хитрость Дарга, то ли решили сюда больше не возвращаться, вполне удовлетворившись пленением Копьебоя. Командир пиктов заскучал и уже собирался было окликнуть занятого своими мыслями Тору, как вдруг еле слышный шорох заставил его вздрогнуть и застыть с раскрытым ртом. Неясный шум доносился откуда-то из-под каменного пола, и Дарг опустил голову, во все глаза уставившись на неподвижные древние плиты. Стоявшие неподалеку от него караульные тоже замерли, готовые при первых признаках опасности броситься на помощь своему командиру.

Но пока никакой помощи не требовалось. Глухие звуки вскоре стихли, и вновь потянулось томительное ожидание. Взглянув на Тору, Дарг с удивлением увидел, что лучший из его шпионов сидит на полу, закрыв глаза, и, словно слугитель какого-то неизвестного культа, медленно раска-

чивается из стороны в сторону, беззвучно что-то бормоча.

«Совсем спятил,— раздраженно подумал измученный долгим бездействием командир пиктов.— Надо бы прогнать его отсюда, а то он уже начинает действовать на нервы».

Но в это мгновение вновь послышался знакомый шорох, не позволивший Даргу осуществить свои намерения. На этот раз звук исходил из другого места, неподалеку от одного из караульных. Все, кто был на галерее, за исключением Торру, тотчас обернулись в ту сторону и, затаив дыхание, стали напряженно прислушиваться. Вслед за шорохом раздалось слабое постукивание, затем скрип, и вдруг одна из плит боковой внутренней стены едва заметно плавно качнулась. Дарг и оба солдата, вытянув шеи и выставив вперед мечи, неотрывно смотрели на шевелившуюся каменную плиту, с нетерпением ожидая появления жуткого хвостатого существа.

Наконец, плита приоткрылась, и в образовавшемся отверстии показалась огромная поросшая темной шерстью рука, которая, высунувшись наружу, вдруг поманила длинным пальцем уставившихся на нее людей. Солдат, стоявший ближе всех, словно замороженный, сделал несколько шагов вперед, вслед за ним к манящей руке начал приближаться и второй солдат. Дарг тоже двинулся к отверстию, но вскоре веревки, которыми он был привязан, остановили его, и командир пиктов, беззвучно выругавшись, принялся лихорадочно распутывать их.

Солдат, подошедший к открывшемуся проему в кладке стены совсем близко, замер, держа меч почти у самой косматой кисти, которая продолжала все так же призывно манить к себе. Он наклонился, чтобы заглянуть в отверстие и получше рассмотреть того, кто там прятался, как вдруг рука, стремительно, как прыгнувшая змея, высунулась наружу и крепко схватила солдата за нос. Тот, вскрикнув от неожиданности и боли, едва не выронил меч и попытался освободиться от захвата длинных пальцев, но мохнатая рука врага с силой пригнула воина почти к самому полу, и он лишь беспомощно тыкал мечом наугад в разные стороны.

Все это произошло так быстро, что второй караульный даже не успел подбежать на помощь к своему товарищу. Внезапно разжав хватку, рука исчезла, но пострадавший солдат все же успел в последний момент просунуть клинок в быстро закрывавшееся отверстие. Его напарник с радостным криком тоже вставил свой меч в щель, не давая плите вернуться в прежнее положение. Разрубивший, наконец, веревки Дарг присоединился к своим воинам, просунув в щель не только свой клинок, но и толстую железную палицу, оказавшуюся при нем как нельзя кстати,— ведь стальные лезвия мечей могли легко сломаться под натиском массивной каменной плиты.

— Солдаты! Сюда! — крикнул Дарг дежурившим в башнях часовым, и те, тотчас примчавшись, навалились на неподатливую кладку, пытаясь отодвинуть плиту.

Но она не двигалась, словно что-то внутри намертво ее заклинило.

— Скорей за подкреплением! — заорал командир пиктов, оглянувшись в ту сторону, где еще недавно сидел, погрузившись в размышления, сгладатай Ка-Ну. — Тору, где ты? Беги за подмогой!

Но лучшего из шпионов на прежнем месте не оказалось, не услышал Дарг и ответа на свои призывы. Мысленно обругав Тору, он отправил за подкреплением одного из часовых и вновь с удвоенной силой навалился на рычаг.

Помощь явилась через несколько мгновений. Десятка четыре крепких мускулистых воинов, столпившись у стены, принялись дружно давить на плиту, и вдруг она, качнувшись, резко ушла вбок. Не удержавшись на ногах, несколько солдат рухнули в образовавшийся проем и мгновенно исчезли в темном пространстве. Те, что наваливались на первых, упали на пол, а на них обрушились те, что напирали сзади. Отверстие в стене между тем становилось все шире — несколько соседних плит тоже закачались и плавно открылись.

В такой давке нечего было и думать размахивать мечом, поэтому пикты вместе со своим командиром лишь беспомощно барахтались в общей куче, один за другим исчезая в темном чреве стены. Те, что находились позади упавших, еще пытались обнажить мечи, но мощные толчки в спину заставили их разделить участь своих товарищей.

Вскоре на площадке не осталось ни одного солдата, и возникшие неизвестно откуда шестеро

или семеро обезьянолюдей, радостно урча, неторопливо вошли вслед за ними в начавшееся открываться отверстие в стене. Они были так довольны успешно осуществленной операцией, так гордились своей хитростью и изобретательностью, что сочли совершенно излишним оглянуться и убедиться, что позади них никого нет.

И напрасно. Невысокого роста худощавый человек в мягких кожаных сандалиях, прячась за спиной у одного из хвостатых, бесшумно вошел вслед за ними в проем, и тотчас тяжелые каменные плиты наглухо закрылись, не оставляя ни малейшей надежды на успешный поиск для тех, кто чуть позже придет сюда и начнет разыскивать пропавший отряд пиктов.

* * *

Келкор очнулся, когда уже совсем стемнело. Тупая, ноющая боль в голове, подкатывающая к горлу тошнота, невозможность пошевелить ни рукой, ни ногой — все это было пустяками по сравнению с глухой тоской и отчаянием, которые вновь обрушились на командира Алых Стражей, едва к нему вернулось сознание. Услышав неподалеку от себя хриплые гортанные голоса, он скосил глаза и увидел нескольких обезьянолюдей, бродивших вокруг костра и, очевидно, занятых приготовлением пищи. В огромном чане, стоявшем прямо на раскаленных углях, варилось что-то довольно аппетитное — ноздри пленника защекотал ароматный запах мяса, обильно сдобренного пряными травами.

«Неужели они умеют готовить еду? — с удивлением подумал валузиец. — Я представлял себе этих косматых пожирающими сырое мясо, а они, оказывается, не чужды цивилизованности».

Однако, приглядевшись к посудине, в которой варилась мясная похлебка, Келкор узнал в ней походный котел Алых Стражей, и гнетущая тревога за судьбу своих воинов пронзила сердце командира. Где они, что с ними случилось? Неужели тоже попали в плен? А может быть, погибли все до одного в жестокой схватке с беспощадным и сильным врагом...

Он едва сдержался, чтобы не застонать. Его воины остались без командира и наверняка угодили в ловушку. Какая же участь их постигла? И какая участь постигнет самого Келкора? Командир Алых Стражей осторожно повернул голову, чтобы получше рассмотреть то, что происходило у костра, и вдруг увидел человека в меховой безрукавке, неслышными шагами приближавшегося к нему. Лемуриец закрыл глаза, чтобы бурус не догадался, что пленник пришел в сознание, но было уже поздно — предводитель обезьянолюдей заметил, что Келкор очнулся.

— Сейчас ты увидишь, что произойдет с твоими воинами, — негромко произнес бурус, присев на корточки рядом с пленником.

Командир Алых Стражей открыл глаза и с ненавистью посмотрел на презрительно скривившего губы врага. Если бы Келкор умел испепелять взглядом, то от буруса сейчас бы осталась лишь обуглившаяся головешка. Но лемуриец не умел

этого делать, и человек в безрукавке спокойно продолжал сидеть рядом, весело скаля зубы. Очевидно, предстоящее зрелище казни или пыток Алых Стражей доставляло ему истинное удовольствие, поскольку бурус находился явно в приподнятом состоянии духа.

— Ты ничего не сможешь с нами сделать. — Келкор попытался сесть, чтобы не казаться совсем беспомощным перед врагом. Это ему удалось, хотя и с большим трудом — руки и ноги его были крепко связаны сплетенными из лиан веревками. — Валузию никто не в силах победить. Король Кулл...

— Забудь о нем, — равнодушно оборвал его бурус. — Нет ни короля Кулла, ни Валузии. Пока еще есть ты, Келкор, уже не командир Алых Стражей, но все же еще человек. Я хочу, чтобы ты видел, как твои воины у тебя на глазах перестанут быть людьми и превратятся в безмозглых скотов. Потом ты и сам станешь таким же — наш отец решил сохранить тебе жизнь, но сделать тебя нашим рабом. Честно говоря, на твоём месте я предпочел бы смерть, но у тебя нет выбора. В этой жизни ты больше ничего не решаешь.

— Я не буду вашим рабом, — упрямо мотнул головой Келкор. — Даже если вы будете рвать меня на куски или заживо сдирать кожу.

— Ну зачем же так? — презрительно поморщился человек в безрукавке. — Не такие уж мы кровожадные. И примитивные, как ты полагаешь. Мы долго готовились к этому походу и предусмотрели все. Многие годы наши люди наблюдали за

вами и поняли, что валузийцы — народ упрямый и непокорный. Не все, конечно, но лучшие из ваших воинов способны выдержать любые пытки и не пасть на колени перед врагом. Это похвально, но ваши героические качества нам не нужны.

Нам необходимы покорные, но сильные рабы, и мы нашли средство быстро и безболезненно превратить твоих героев в ничтожных пресмыкающихся тварей.

Келкора прошиб холодный пот. Он с ужасом покосился на дымящийся котел, смутно догадываясь, что в нем, должно быть, варится отвратительное снадобье, которое вместе с пищей сейчас подsunут его воинам. Пленные обычно не отказываются от еды, что им приносят, поэтому Алые Стражи, скорее всего, ни о чем не подозревая, съедят эту мерзость вместе с ароматной мясной похлебкой, и тогда... Келкор до крови закусил губу, пытаясь отогнать от себя ужасающую картину превращения его храбрых бойцов в полубезумных жалких скотов.

«Этого нельзя допустить. — Командир Алых Стражей вдруг успокоился, его мысли перестали метаться, бессильная ярость сменилась ясностью ума. — Это не должно произойти. Я сделаю все, что в моих силах и даже выше моих сил, но того зрелища, что предвкушают бурусы, не будет».

Он еще не знал, что сейчас предпримет, но ощущение уверенности в том, что ему все удастся, теперь уже не покидало Келкора. Человек в меховой безрукавке меж тем поднялся и, бросив еще один насмешливый взгляд на пленника,

пружинистой походкой направился к своим мохнатым подчиненным, которые сняли дымящийся котел с углей и начали оттащить его в сторону. Бурус коротко приказал им что-то, и обезьянолюди, отойдя от в сторону, с радостным визгом набросились на лежавшую неподалеку грудку летучих мышей, ящериц и мелких грызунов, заедая эти лакомства спелыми сочными фруктами.

«С дисциплиной у них, по-видимому, порядок, — невольно подумал Келкор, с отвращением глядя на жующих и чавкающих длинноруких тварей. — Заранее наловили всех этих гадов, нарвали фруктов, но есть без приказа не начинали. Сейчас нажрут и будут развлекаться. — Он вновь до боли стиснул зубы. — Ну уж нет, ничего у них не выйдет».

Взглянув на человека в меховой безрукавке, который стоял к нему спиной, командир Алых Стражей осторожно перекатился со спины на бок, затем на живот и обратно на спину, немного приблизившись к котлу с остывающей мясной похлебкой. Убедившись, что никто за ним не наблюдает, Келкор повторил свой маневр еще и еще раз. Солнце уже садилось, и вскоре тьма должна была опуститься на землю — спасительная темнота, которая поможет ему осуществить задуманное...

Сделав несколько коротких перекатов, лемуриец замер, не сводя глаз с буруса, который вдруг достал спрятанный между камней небольшой кожаный мешочек и высоко поднял его над головой. Обезьянолюди, на несколько мгновений

перестав жевать, радостно загалдели, одобрительно кивая и громко хлопая в ладоши. Жестом подзвав одного из них, человек передал ему мешочек, а сам медленно двинулся в сторону дороги, вьющейся между холмами.

Поняв, что нельзя терять ни единого мгновения, Келкор перекатился по земле поближе к тлеющим углям, на которых недавно варилась мясная похлебка, предназначенная для Алых Стражей. Первоначальным замыслом Келкора было добраться до котла и изо всей силы толкнуть его ногами, вылив содержимое на землю. Но теперь пленник понял, что жуткое снадобье, которое должно превратить бесстрашных валузийцев в покорных рабов, еще не брошено в похлебку — оно наверняка находится в том мешочке, который бурус отдал одному из обезьянолюдей.

Решение пришло сразу, Келкор, извернувшись, коснулся спиной тлеющих углей. Мучительная боль от ожога показалась невыносимой, и воин едва не потерял сознание. Держись, повторял он себе. Держись. Держись!

Кровавая пелена застилала глаза лемурийца. Огонь пожирал, казалось, все его тело, но проклятые веревки почему-то совершенно не поддавались, лижущим и их, и кожу человека бесжалостным языкам пламени. «Сейчас я закричу... Нет, больше не выдержать... Я не смогу...» — Мысли Келкора путались, сознание угасало: беспредельная жуткая боль брала свое, и лишь какая-то крошечная зеленая точка в мозгу пульсировала, заставляя бороться.

Все! Путы лопнули, и, уже почти не ощущая жгучей боли — настолько она теперь казалась привычной, — Келкор с трудом пошевелил онемевшими покрытыми волдырями руками. Освободить ноги оказалось гораздо легче, хотя и здесь пришлось помучиться — обгоревшие пальцы едва слушались лемурийца, когда он распутывал не так уж и сильно стянутые узлы. Почувствовав, что полностью освободился, командир Алых Стражей настороженно замер, готовясь к самому главному, решающему рывку.

Неожиданно он услышал мерный топот множества ног, доносившийся откуда-то издали, но постепенно становившийся все более и более отчетливым. Осторожно приподнявшись, Келкор увидел в сгущавшихся сумерках нестройную толпу, медленно и как-то обреченно бредущую в сторону поднявшимся ей навстречу обезьянолюдям. Алые Стражи! Связанные друг с другом толстыми веревками и окруженные со всех сторон беснующимися от радости косматыми тварями, воины шли навстречу страшной участи, которая их ожидала.

Бесшумно и быстро, словно гибкая песчаная змея, Келкор подполз к котлу и спрятался за ним, не спуская глаз с обезьяночеловека, державшего кожаный мешочек и время от времени со злорадной ухмылкой подкидывавшего его в воздух. Его хвостатые соплеменники, оторвавшись от своего ужина, вскочили на ноги и, вытянув шеи, с жадным нетерпением принялись поджидать приближающихся пленников, а человек в меховой безру-

кавке приветственно махнул рукой очень похожему на него бурусу, неторопливо шедшему во главе колонны.

Но Келкор смотрел только на мохнатого врага, продолжавшего беззаботно играть с небольшим мешочком. Чего же он медлит? Почему не высыпает мерзкую отраву в похлебку? В душу командира Алых Стражей начали закрадываться сомнения в правильности принятого решения, как вдруг обезьяночеловек, перестав подкидывать мешочек в воздух, резко повернулся и поспешно направился к котлу.

Как происходили дальнейшие события, Келкор вряд ли бы смог потом описать. Он запомнил только вытаращенные от изумления глаза обезьяночеловека, тяжело шлепнувшегося на землю, когда лемуриец изо всей силы дернул его за ноги.

Главное, что кожаный мешочек теперь оказался в руках у лемурийца.

Торопливо развязав его, Келкор высыпал себе на ладонь несколько крупинок какого-то темно-коричневого вещества, издававшего неприятный приторный запах, и, приложив руку к губам валявшегося без сознания обезьяночеловека, затолкал снадобье тому в рот. Не обращая внимания на застонавшего хвостатого, начавшего приходить в чувство, лемуриец, воспользовавшись тем, что всеобщее внимание было приковано к приближавшимся Алым Стражам, подполз к кучке недоеденных дохлых ящериц и мышей и щедро высыпал ее содержимым мешочка. И недоуменно уставился на свои кисти: обожженная кожа покры-

лась коричневой коркой, а мучительная боль исчезла. На мгновение тревожная мысль: «Неужели, коснувшись коричневого порошка, я отравился, и вскоре мне предстоит превратиться в покорную скотину?» — заставила командира валузийцев в бессильном гневе судорожно сжать мешочек буруса. Но будь, что будет, и Келкор сунув остатки приторно пахнущего вещества за пазуху, вновь вернулся к глухо мычавшему поверженному врагу, бесцельно царапавшему пальцами медный котел. Схватив его за ноги, лемуриец начал отталкивать к тому месту, где сам недавно лежал, связанный по рукам и ногам.

Связав хвостатого обрывками своих пут, Келкор сунул ему в рот кляп и на всякий случай еще раз как следует стукнул по затылку, заставив того вновь впасть в беспамятство. Спрятавшись неподалеку в зарослях густого кустарника, валузийский воин затаился и стал ждать дальнейшего развития событий.

Он увидел, как пленных усадили на землю и хвостатые стражи стремительно засуетились вокруг них, мисками зачерпывая из котла похлебку и разнося ее воинам. Два человека в меховых безрукавках, стоя чуть поодаль, внимательно наблюдали, как обессиленные солдаты молча ели приготовленную для них пищу. Наконец один из бурусов, весело переглянувшись с товарищем, подошел к связанному обезьяночеловеку и слегка пнул его неподвижное тело ногой.

— Ну что, доблестный командир, посмотри-ка на своих прославленных Алых Стражей, — злорад-

но усмехнулся он. — Сейчас, на твоих глазах, они начнут терять человеческий облик. Они будут бесноваться и грызть друг друга, как крысы на тонущем корабле, а когда мои солдаты станут разнимать их, твои герои бросятся лизать им руки в благодарность. Ну что, нравится тебе такой ход событий?

Хвостатый с кляпом во рту невнятно и тоскливо замычал, но бурус расценил этот отклик на свои слова по-своему.

— Неужели не нравится? — насмешливо воскликнул он, продолжая пристально наблюдать за валузийскими воинами, которые, доев похлебку, мрачно сидели на земле, изредка тихо переговариваясь. — Ну и зря! Замечательное предстоит зрелище. Осталось подождать совсем немного, и наше средство начнет действовать.

Меж тем обезьянолюди, непрерывно гримасничая, расселись вокруг валузийцев, предвкушая веселое развлечение, а некоторые из них, совмещая два удовольствия, тут же захрустели ящерицами и мышами, выуженными из кучки, обсыпанной коричневой отравой. Тьма уже совсем сгустилась, и лишь пламя нескольких костров освещало пленных и их косматых сторожей.

Бурус присел на корточки рядом с мычащим и хрипящим хвостатым и, не глядя на него, негромко произнес:

— Сейчас начнется. Смотри внимательно, командир. Тебе это...

Договорить он не успел. Напряженную тишину внезапно прорезал мощный рык выплюнувше-

го кляп обезьяночеловека, который, резко поднявшись, одним движением разорвал опутывавшие его веревки. В следующее мгновение, широко оскалив огромную пасть, он бросился на буруса, вцепившись зубами тому в шею.

Ничего не понимая, косматые нелюди повскакивали со своих мест, изумленно глядя, как человек в меховой безрукавке и разъяренное мохнатое существо, сцепившись в клубок, катаются по земле, борясь не на жизнь, а на смерть. Наконец, выйдя из охватившего их оцепенения, они бросились к хрипящим и визжащим противникам и, мешая друг другу, попытались их разнять.

Удалось им это с большим трудом. Задыхающийся, весь в кровоточащих ранах бурус, шатаясь, поднялся на ноги, в ужасе глядя на корчившегося на земле покрытого кровью обезьяночеловека.

— Проклятый Келкор! — с ненавистью крикнул он. — Он обманул меня! Но ему не удастся уйти! Ищите его! Ищите все! Быстрее!

Но лемуриец лишь усмехнулся, заслышав приказы взбешенного врага. Он был уверен, что его не найдут.

Кулл стоял на небольшом, но достаточно ровном выступе, крепко держась за острые камни и не отрывая взгляда от буруса, который находился в гораздо менее выигрышном положении — он тщетно шарил носками сапог по скале, пытаясь найти хоть какую-нибудь опору.

«Будь у него менее сильные руки, он бы уже давно сорвался и полетел вниз,— подумал атлант, глядя на вздувшиеся мускулы на предплечьях противника.— Вообще-то ему ничего не стоит подтянуться и вылезти наверх, но тогда я окажусь вне его досягаемости. А он, видимо, намерен раскачаться и сбросить меня со скалы ударом ног. Думает, я с готовностью полечу в пропасть! Да нет, у меня совсем другие планы».

Он еще чуть-чуть приблизился к узкой, но, по-видимому, глубокой трещине в скале, в которой надеялся укрыться в случае появления обезьянолюдей. Может, эта щель окажется сквозной, размышляя Кулл, и я смогу выйти где-нибудь на другой стороне горы. Ведь тут кругом мои воины, которые, должно быть, сейчас вступили в схватку с хвостатыми. Необходимо каким-то образом дать валузийцам знать, что я жив.

Прислушиваясь к доносившимся отовсюду звериным воплям, крикам людей, топоту ног и копыт, он сделал еще шаг к трещине, почти вплотную приблизившись к ней. Осторожно просунув руку в отверстие, король убедился, что оно действительно достаточно глубокое, вот только его ширина вызывала у атланта сомнение. Но если все же удастся протиснуться меж его острых краев, то можно будет считать, что он спасен,— оттуда его не достанут никакие самые ловкие враги.

Бурус между тем нашел ногами небольшой выступ и, метнув на Кулла испепеляющий взгляд, позволил себе немного перевести дух. Однако уже через несколько мгновений мышцы его вновь на-

пряглись, и он, перебирая руками по краю скалы, начал приближаться к атланту. Протиснувшись в щель, Кулл внимательно наблюдал за бурусом. Вряд ли он попытается сейчас ударить его ногами — король находился в укрытии и никакой удар не мог сбросить его в пропасть,— но все же беспощадная схватка меж ними, очевидно, неминуема. Слишком уж решительно был настроен человек в меховой безрукавке.

Из трещины потянуло каким-то жутким могильным холодом, и Кулл немного удивился этому — ведь вся скала казалась раскаленной от палящих лучей солнца. Но о таких пустяках думать было просто некогда, и атлант, протиснувшись в щель еще немного, приготовился к бою.

Слегка качнувшись, бурус вдруг оторвал ладони от края скалы и, плавно приземлившись на выступ рядом с Куллом, тут же вцепился в атланта обеими руками.

— Тебе что, жизнь надоела? — мрачно усмехнулся король, не делая никаких попыток сбросить буруса, а лишь поглубже протискиваясь в щель.— Или просто полетать захотелось?

— Захотелось,— не менее мрачно отозвался бурус.— Но только вместе с тобой. Пусть я умру, но и тебе не удастся уйти. Я не допущу, чтобы презренный король презренной Валузии ушел от возмездия. Ты умрешь. Ты должен умереть.

— Глупец,— с сожалением покачал головой Кулл.— Я не привык сбрасывать в пропасть безоружных и беспомощных юнцов, но сейчас мне придется это проделать. Я собираюсь добраться до

своих, а ты мешаешь. Лучше отстань от меня похорошему, иди да командуй своими обезьянами — они тебя, должно быть, ищут повсюду, а ты стоишь тут, вцепившись в меня, как мальчонка в юбки няньки, и даже голоса не подаешь. Покричи, покричи, может, кто и явится тебе на подмогу.

— Я сам с тобой расправляюсь. В одиночку, и мне не понадобится ничья помощь, — глухо произнес бурус, и глаза его зажглись неукротимой ненавистью. — Для меня это вопрос чести.

— Чести? — презрительно усмехнулся атлант. — Не велика честь нападать ночью из-за угла, превращать страну в пепелище без объявления войны...

— Да! — резко прервал его противник. — Вы не достойны того, чтобы объявлять вам войну. Любой из вас не стоит ни честной схватки, ни милости победителя. Валузия — скопище ничтожеств. Вы — мусор. Пыль.

— И ради уничтожения этой пыли, этого мусора ты готов без сожалений умереть?

— Да, потому что пока останется хотя бы одна пылинка на благословенной земле Буру-Теш, мы будем сражаться. И успокоимся только тогда, когда страна бурусов полностью очистится от гнусных захватчиков.

— Ладно, мне надоело с тобой болтать, упрямый осел, — поморщился Кулл. — Раз ты так хочешь, отправляйся в бездну! А мне пора пробираться к своим. — И он, крепко ухватившись одной рукой за острый выступ внутри трещины, другой попытался оторвать от себя буруса.

Но человек в безрукавке не сдавался. Вцепившись мощными пальцами в противника, он всей тяжестью своего тела повис на атланте, стремясь увлечь его за собою вниз, в пропасть. Отбиваться в таком положении оказалось крайне неудобным, и Кулл решил сменить тактику. Изю всех сил потянув буруса на себя, он вдруг резко подался вперед, по-прежнему крепко держась ладонью за скалистый выступ. Не удержав равновесия, враг отступил к скалистому краю, переступил еще раз, и ноги его повисли над бездной...

Но он продолжал держать короля мертвой хваткой, и атлант вдруг отчетливо увидел лик Владыки Смерти, обращенный к нему из пропасти.

— Валка! — задыхаясь, пробормотал Кулл, теперь уже обеими руками судорожно цепляясь за выступ в трещине и стараясь как можно глубже протиснуться в спасительное отверстие, не обращая внимания на тяжесть крепко вцепившегося в него противника. — Валка, помоги! Вот навязался, пес поганый!

Пот заливал ему глаза, острые камни раздирали ладони в кровь, а проклятый бурус, сильно оттолкнувшись ногами от скалы, так стремительно дернулся вниз, что Куллу пришлось совсем туго. Из последних сил он уперся расставленными в стороны локтями в стены трещины и — выдержал чудовищный натиск. Не дожидаясь следующей попытки противника сдернуть его в пропасть, атлант протиснулся в трещину, увлекая за собой врага.

Едва переведя дух, он вновь устремился в глубь скалы. Больше не опасаясь свалиться в бездну, король опять попытался оторвать от себя противника, но это оказалось невозможным из-за страшной тесноты в расщелине — ни рукой, ни ногой здесь толком двинуть было нельзя. Кое-как изловчившись, Кулл ткнул коленом в живот бурусу, но удар получился совсем слабым, и тот лишь еще крепче вцепился в атланта.

— Ну ладно, прилипчивая гадина, я сейчас тебя просто раздавлю! — в ярости прохрипел король, постаравшись прижать врага к шероховатой, полной острых выступов стене трещины и одновременно продвинувшись на шаг в глубь скалы. Ему показалось, что наконец-то стало чуть-чуть по-свободнее, и он тут же сделал еще один сильный рывок, но вдруг едва не потерял равновесие, почувствовав пустоту под ногами.

Пытаясь не упасть, атлант резко дернулся назад, затем вперед, но это не помогло, и через несколько мгновений он рухнул вместе с бурусом на почему-то вязкое и ледяное дно странной узкой пещеры. Оба противника настолько обессилели, что почти перестали бороться друг с другом, а лишь пытались уцепиться в темноте за скалистые стены и подняться на ноги.

Ужасающий холод накрыл людей ледяной волной. Кулл невольно задрожал всем телом, но постарался расслабиться и взять себя в руки. Атлант почувствовал, что и буруса сотрясает крупная дрожь. В темноте послышался громкий стук его зубов. Король понял: враг сейчас вряд ли в

состоянии оказать серьезное сопротивление, и резко оттолкнул буруса от себя, сумев окончательно освободиться от его железной хватки. Поднявшись на ноги, атлант осторожно сделал пару шагов вперед, но тут же остановился. Куллу показалось, что он не в силах больше выносить окружившего его ледяного мрака.

Он услышал рядом с собой прерывистое дыхание буруса и удивился, что тот не делает ни малейшей попытки вновь напасть на ненавистного короля Валузии. Очевидно, холодный расчет взял наконец верх над фанатичной одержимостью буруса. Атлант невесело усмехнулся — наверняка молодой человек поостыл здесь, во мраке пещеры, и передумал лететь в пропасть, сжимая в жестких объятиях своего кровного врага.

Однако, что делать дальше, оба противника не знали.

Идти вперед, навстречу ледяным струям могильного холода, почему-то не хотелось. Вернее, это представлялось просто невозможным. Протискиваться назад, на скалистый уступ над бездонной пропастью, чтобы вновь затеять там смертельную схватку, — казалось и вовсе бессмысленным. Кулл оглянулся и посмотрел на стоящего рядом человека, лицо которого в слабом свете, попадавшем в трещину откуда-то извне, казалось мертвенно-бледным.

— И что дальше? — спросил атлант и не узнал своего голоса. Он внезапно ощутил, что все становится ему совершенно безразличным. И какая разница, что говорить, — лишь бы не молчать. Не

вслушиваться больше в это ледянящее душу жуткое безмолвие. — Что ты предлагаешь? Может, опять поборемся?

Бурус промолчал и тяжело привалился к стене. Кулл пристально взглянул ему прямо в глаза и заметил, что лоб недавнего противника покрыт испариной. «Этому храбрецу кажется просто страшно», — подумал атлант, подавляя неудержимое желание расхохотаться. Вот как все кончилось! Сильный, непобедимый, не ведающий сомнений враг — и вдруг растерялся перед лицом непонятной, зловещей опасности. Он боится, он не знает, что делать.

И тогда король повернулся к человеку в безрукавке спиной и сделал шаг в глубину скалы.

Раньше ему не раз приходилось испытывать настоящий, неподдельный человеческий страх. Но то ощущение, что захлестнуло его сейчас, было ни на что не похоже. Все его чувства как будто внезапно исчезли, и только каким-то краешком сознания он понимал, что впереди его поджидает ужас. Истинный, абсолютный Ужас.

* * *

Пикт Тору осторожно крался по полутемному туннелю вслед за весело гоготающими обезьянолюдьми. Воинов Дарга мгновенно обезоружили сразу после того, как за ними наглухо закрылась тяжелая каменная плита, — они даже не успели ничего сообразить. Оказавшись в узком проходе, где и вдвоем нельзя было разминуться, они лишились возможности сражаться и теперь шли,

подталкиваемые в спину, навстречу неизвестности, с горечью сознавая, как по-глупому попались в ловушку.

Дарг, конечно, попытался сопротивляться, но получил такой страшный удар по голове, что теперь ему оставалось только плестись, спотыкаясь и держась руками за стены. Сознание его помутилось, и кроме проклятий в адрес мохнатых тварей, на ум ничего не приходило. Его солдаты были едва ли в лучшем положении — растерянные и подавленные, они медленно, словно тени, брели по мрачному туннелю, готовясь только к одному — к смерти.

И только шпион Тору чувствовал себя вполне уверенно. Достаточно намучившись от малозначимого ему ощущения вины — как же, упустил прямо из-под носа Брула! — лучший из шпионов Ка-Ну решительно отбросил в сторону все эти глупые рассуждения и, доверяясь только своему охотничьему нюху и прирожденному чутью ищейки, смело ринулся в логово врага. Чувство страха, как и большинство других человеческих чувств, также было ему почти не знакомо, — теперь только азарт и страсть преследователя вели его вперед.

Он шел бесшумной пружинистой походкой, ловко вжимаясь в стену при малейшем подозрительном движении обезьянолюдей. Урча и улюлюкая, хвостатые беспрестанно подталкивали в спину пленных солдат и, по-видимому, совершенно не догадывались, что за ними по пятам следует невидимый враг. Полумрак туннеля между тем

сменился довольно ярким светом, бьющим откуда-то из-за поворота, и Тору вынужден был замедлить шаг, пытаясь найти углубление в стене, которое в случае чего послужит ему убежищем.

Солдаты вместе с мохнатыми стражами завернули за угол и исчезли из виду, а шпион, вжавшись в небольшую нишу, замер, прикрыв глаза и весь обратившись в слух. Он услышал, что процессия остановилась, и с удовлетворением отметил, что в который раз не ошибся, вовремя заняв удобную позицию. Сначала до него донеслось лишь невнятное бормотание, но затем он отчетливо расслышал ровный, с властными нотками, человеческий голос.

— Солдаты Валузии! — говоривший явно привык командовать. — Думаю нет необходимости объяснять вам, что ваша военная карьера закончена. И не вижу смысла вселять в вас надежду, говоря, что если вы перейдете на нашу сторону, то останетесь в живых да еще получите какие-нибудь привилегии. Вместо этого я просто объявляю вам, что отныне вы — рабы Буру-Теш. Наверняка у вас возникнут какие-то возражения, но они меня не интересуют.

Тору затаил дыхание, обдумывая только что услышанные слова. Он не мог даже представить, как гордые пикты с готовностью согласятся признать себя рабами омерзительных хвостатых существ — чистить, что ли за ними их уборные? — и теперь был готов ко всему. Лучший из шпионов предполагал только одно — сейчас начнется кровавая потасовка, и солдатам Дарга, скорее все-

го, придется туго. Ну что ж, Тору еще никогда не приходилось в открытую сражаться с врагом. Но хотя бы перед смертью он покажет этим тварям, что знаменитый согладатай Ка-Ну не просто шпион. Самое главное — он пикт.

Заранее проникнувшись гордостью и уважением к самому себе, Тору все же продолжал прятаться в нише, внимательно вслушиваясь в малейшие доносившиеся до него звуки. Вскоре он расслышал удаляющийся глухой топот и понял, что пленных повели куда-то в глубь подземелья. Вытянув шею, шпион осторожно выглянул из своего убежища, но толком рассмотреть ничего не смог.

После недолгого размышления он пришел к выводу, что в освещенном отсеке туннеля его неминуемо обнаружат, а поэтому лучше постараться поискать здесь какие-нибудь дополнительные боковые ходы и выходы.

Гибкие пальцы Тору проворно зашарили по шероховатой земляной стене и вскоре наткнулись на какое-то узкое, но, по-видимому, глубокое отверстие. «Вряд ли я сюда пролезу, — прикинул пикт. — Но если попробовать немного его расширить, то, может, мне удастся проникнуть в другой туннель. Главное, найти Брула. Моя хитрость и его сила сделают свое дело».

Земля осыпалась легко, и вскоре Тору расковырял себе достаточно просторный лаз, углубившись внутрь стены на несколько шагов. Он работал совершенно бесшумно, не забывая чутко вслушиваться в любые шорохи, которые могли

подсказать ему о приближении врага спереди, сзади или сбоку.

Но никаких звуков не раздавалось вообще. Перестав прорывать лаз, Тору внезапно замер, с удивлением осознав, что не слышит даже шороха осыпающейся земли. Его ноги и руки неожиданно перестали слушаться его, хотя пальцы продолжали судорожно царапать землю, но сознание пикта начало быстро затуманиваться.

«Нет, нет,— голос разума еще пытался брать верх над каким-то странным безразличием, охватившим шпиона.— Я просто немного устал... переволновался... Сейчас передохну, и все пройдет».

Мысли шевелились как-то вяло, и он вдруг спокойно решил для себя, что ему совершенно все равно, что сейчас произойдет. Тору не знал, в каком направлении ему нужно двигаться, он не помнил, откуда и зачем пришел сюда. Собственно говоря, пикт даже с трудом припоминал, кто он такой. И, самое главное, все это было ему глубоко безразлично.

«Так и надо,— не боясь быть услышанным, увиденным и пойманным, он попробовал говорить вслух, но из горла вырвался лишь слабый шепот.— А чего, собственно... Какая в сущности разница...»

Тору опустился на колени, пытаясь найти местечко помягче, чтобы немного вздремнуть, но леденящий душу холод заставил его задрожать всем телом. Инстинктивно попятившись, пикт сделал последнее отчаянное усилие вырваться из дурманящего кошмара, который окутывал его с

ног до головы, но ни тело, ни разум больше не подчинялись ему. Продолжая стучать зубами, он покорно растянулся на земле и вдруг ощутил, что, оставаясь неподвижным, куда-то плывет.

Тору стиснул зубы и закрыл глаза, но вместо крошечной тьмы вдруг увидел какие-то странные образы — как будто он, маленький и босоногий, бежит навстречу весело переливающимся праздничным огням.

Он подбегает ближе, хочет потрогать рукой светящегося воздушного змея, но в ужасе замирает, не в силах оторвать взгляд от представшего перед ним зрелища: вся площадь полна настоящих, живых, извивающихся и летающих по воздуху жутких гадин. Они пытаются укусить его, маленького доверчивого мальчика, они оскалывают прямо перед ним свои страшные смертоносные пасти, они касаются своими ледяными скользкими телами его кожи...

Неудержимые горячие слезы льются из его глаз. Он беззащитен. Все бесполезно. Все пропало.

* * *

Спрятавшись в небольшую, но глубокую нору, прорытую каким-то зверем, лемуриец некоторое время с удовлетворением наблюдал, как обезьянолюди один за другим начинают сходиться с ума. Они бросались друг на друга, визжали и кусались, яростно отбиваясь от своих собратьев, пытавшихся растащить их в разные стороны. Услышав приказ вожака искать коварного Келкора, сохранившие разум хвостатые бросились прочесы-

вать окрестности, и командир Алых Стражей еще глубже залез в нору.

Гортанные голоса обезьянолюдей раздавались уже совсем близко, и лемуриец, без усталости работая руками, продолжал все дальше углубляться в толщу земли, заваливая отверстие за собой ветками, камнями и землей. Он не сразу почувствовал, как его кисти онемели от жуткого холода, — сначала Келкор ощущал лишь необыкновенный прилив сил, радуясь тому, что Алые Стражи избежали позорной участи и не превратились в безмозглых скотов.

Но через некоторое время валузийский воин вдруг почувствовал какую-то странную усталость. Все тело стало вялым, голова закружилась, а к горлу подступила тошнота. «Ну да, конечно, ведь здесь совсем мало воздуха», — Келкор еще пытался найти разумное объяснение происходящему, но руки его уже почти перестали слушаться.

Да что же это такое? Разозлившись на самого себя, лемуриец решительно тряхнул головой и продолжил рыть землю, но холод обжигал уже до такой степени, что ему невольно пришлось отдернуть руки. Наверное, я просто сильно устал, успокаивал он сам себя. Впрочем, копать дальше и нет особого смысла — обезьянолюди вряд ли теперь смогут его найти.

Однако, услышав совсем рядом топот множества ног и громкие вопли, Келкор вновь ожесточенно заработал руками.

Командиру Алых Стражей не раз приходилось находиться в тяжелейших условиях — спать на

вершине горы, укрываясь от ледяного ветра лишь своим подбитым мехом плащом, вплавь преодолевать огромные расстояния, спасаясь с тонущего корабля да еще таща за собой выбивающихся из сил солдат. А однажды он трое суток провел в жуткой мрачной пещере, стены которой были покрыты толстым слоем льда... Келкор вспоминал об этих событиях, но уже отчетливо осознавал, что сейчас происходит нечто иное. Его окутывал не просто холод подземелья. В нем ощущалось что-то запредельное.

Но Келкор был солдатом, и долго размышлять он не привык. Назад все равно пути нет — значит, надо двигаться вперед, преодолевая невозможное.

Раздирая ладони в кровь и не замечая этого, лемуриец продвинулся еще немного в глубь холма, у подножия которого он и нашел эту нору, и вдруг почувствовал, что земли перед ним больше нет. Его руки начали беспорядочно шарить в пустоте, не находя ничего, за что можно было бы зацепиться. Келкор опустился на корточки и, решив нащупать почву у себя под ногами, вновь ощутил лишь пустое пространство.

«Ерунда, — пытался внушить он себе. — Ведь не может быть такого, чтобы я просто повис в воздухе. Значит, мне все это только кажется».

И вдруг кромешная тьма сменилась сначала слабым свечением, а затем довольно ярким, слепящим глаза светом. Келкор опустил вмиг потяжелевшие веки, но почему-то все равно продолжал отчетливо видеть искрящиеся огни, кружив-

шиеся вокруг него в каком-то странном медленном танце.

Он протянул ладонь, но не отдернул ее, почувствовав сильнейший ожог, а наоборот, подвинулся еще ближе к водовороту сияющих огней. Он ощутил, что его руки горят, а все тело охвачено беспощадными языками пламени, пожирающими его и изнутри, но остановиться не мог, все ближе и ближе подползая к беснующемуся огненному лику смерти.

«Все правильно, правильно.— В голове вертелись какие-то беспомощные обрывки мыслей.— Сейчас... сейчас...»

И тут он почувствовал чей-то испепеляющий взгляд. Из всех сил Келкор вглядывался вперед, пытаясь определить, кто же это так пронзает и обжигает его своим взором. Надо укунить себя, внезапно вспомнил он народную мудрость. Ведь я просто сплю!

Но укунить себя он не смог. Лемуриец не знал и не понимал, где его тело.

* * *

— Брул, давай перестанем копать эту нору.— Советник Ту, нервно хрустнув костяшками пальцев, отодвинулся на шаг от зияющего в стене отверстия.— По-моему, ничего хорошего мы там не найдем.

Брул не ответил, продолжая мрачно вглядываться в прорытое отверстие и силясь найти единственно правильное решение. Чутье подсказывало ему, что действительно ничего хорошего их не

ждет, если они попытаются еще хоть немного раскопать узкий лаз. Но упрямство и бесстрашие пикта, да к тому же нежелание сидеть, сложа руки в сырой и мрачной темнице толкали Брула пусть на безрассудные, но решительные попытки освободиться. Вдохнув, он вновь принялся ожесточенно копать, старательно не обращая внимания на тихие причитания старого вельможи.

— Советник, я что-то вижу.— Голос Копьебоя прозвучал неожиданно глухо, как будто бы он исходил откуда-то из недр земли.— Посмотри-ка, может быть, ты что-нибудь поймешь!

Ту неохотно приблизился к отверстию, из которого теперь торчали только перепачканные подошвы сапог пикта, и осторожно заглянул внутрь. Увидев какое-то слабое свечение впереди, старик вздрогнул, но все же заставил себя не отступить.

— Ничего я не понимаю, Брул.— Он заметил, что его голос дрожит, и попытался придать ему как можно больше уверенности.— Все, хватит! Сейчас мы нарвемся на какие-нибудь неприятности. Эти огоньки — явно обезьяньи штучки, что же еще? Давай лучше подождем или поищем другие пути.

— Поздно,— слова пикта прозвучали еще более глухо, и Ту с ужасом подумал, что этот голос совсем не похож на хорошо знакомый ему резкий хрипловатый баритон Копьебоя.— Меня кто-то крепко ухватил за руки и тащит.

— Сейчас я помогу тебе! — Ту с трудом протиснулся в отверстие и попытался потянуть Брула на себя, но вдруг почувствовал, что вместе с

пиктом устремляется в глубь норы. Советник судорожно ухватился за земляную стену, но она тотчас рассыпалась от его прикосновения. — Что это, Брул? Держись, нас куда-то тянут!

Раздирая в кровь ладони и пальцы, он цеплялся одной рукой за непрочные стены лаза, а другой хватался за одежду Брула, но она рвалась на куски. В полном отчаянии Ту ухватился за ноги пикта, но они вдруг неимоверно вытянулись, и советник услышал еще более глухой и отдаленный голос, доносившийся до него как будто с очень далекого расстояния:

— Ту, я ничего не могу поделать! Постарайся остаться там и скажи бурусам, что кроме них тут есть кто-то еще. Они меня тащат, и я не в силах...

Последние слова Брула потонули в каком-то неясном, нарастающем шуме, напоминающем скорбное завывание ветра на ночном заброшенном кладбище.

Неимоверным усилием воли взяв себя в руки, советник заставил себя отползти назад. С бешено бьющимся сердцем он вглядывался в неясное зеленоватое свечение, вслушивался в мешанину странных тоскливых звуков, пытаясь разобрать в ней знакомый голос пикта, но так ничего и не смог различить. Тяжело дыша, Ту некоторое время неподвижно лежал на земляном полу темницы, а затем вскочил и громко закричал, обращаясь к темному люку над головой:

— Эй! Бурусы! Немедленно идите сюда! Тут что-то происходит!

Наверху неожиданно быстро раздался противный скрежет, и вскоре советник почувствовал рядом с собой болтающийся в воздухе хвост. Поняв, что его приглашают подняться, Ту что есть силы вцепился в живой канат и через несколько мгновений уже стоял в тускло освещенном полукруглом отсеке перед презрительно ухмыляющимся человеком в меховой безрукавке.

— Там какой-то ужас! — сбивчиво заговорил советник, пытаясь понять по лицу буруса, имеет ли тот какое-нибудь отношение к тому, что произошло в темнице. — Брула кто-то утащил в нору! Я полагаю, что это сделали не по твоему приказу. Послушай, отправь своих людей... ну, своих... солдат. Посмотрите, что там случилось!

Бурус неторопливо подошел к помосту и, усевшись на него, с интересом посмотрел на покрытого холодной испариной старого советника.

— Честно говоря, я думал, вы дольше протянете, — с легким оттенком разочарования в голосе протянул он. — Вроде ведь не так долго сидите в темной камере, а уже начали сходить с ума!

— Никто не сходил с ума! — в отчаянии выкрикнул Ту, схватив за руки буруса. — Мы хотели прорыть ход, чтобы выбраться из темницы, но там кто-то оказался. Это не ваши, я чувствую. Слишком... слишком ужасно все, что там происходит. Вы все-таки такие же люди, как и мы, хотя некоторые из вас и хвостатые. Но там... там совсем другое!

— Успокойся, старикашка! — презрительно поморщился бурус, пытаясь стряхнуть с себя руки

советника.— Вы прорыли ход, и что из этого? У нас тут кругом ходы! Может быть, кто-то из моих солдат увидел, как вы ковыряетесь в земле, накинул хвост на шею твоему Брулу, да и потащил его, чтобы немного проучить.

— Нет! — звонко крикнул Ту, еще крепче ухватившись за буруса.— Там какие-то твари! И вы сейчас находитесь в такой же опасности, как и мы! Прошу тебя, проверь, что там творится!

Советник видел, что бурус не верит ни одному его слову, но продолжал тормозить его, зная, что другого выхода нет. Конечно, мускулистый гигант — враг, но теперь только в нем Ту видел надежду на спасение от неведомой опасности. И человек в меховой безрукавке наконец сдался.

— Хорошо, старик, — усмехнулся он и сделал знак стоявшим вокруг него обезьянолюдям.— Пойдем, посмотрим, что же заставило тебя и твоего храброго Брула наложить в штаны.

Бурус выдернул из настенного держателя факел и, уцепившись за хвост одного из своих верных солдат, первым спустился в темницу. Подойдя к раскопанному пиктом лазу, он присел на корточки и осветил факелом узкое глубокое отверстие.

— Понятно, — сквозь зубы раздраженно процедил он.— Решили нас перехитрить? Ну и куда вы намеревались двигаться? Навстречу вашему драгоценному королю Куллу?

Не обращая внимания на язвительный тон, Ту опустился на колени рядом с норой и с опаской заглянул внутрь.

— Чувствуешь, каким холодом оттуда веет? — тихо спросил он, невольно задрожав.— Вот там и исчез Брул.

— Ну так походи и поищи его! — рассмеялся предводитель обезьянолюдей, и столпившиеся рядом с ним мохнатые солдаты дружно загоготали.— Не бойся, у нас тут огромная сеть подземных ходов, так что далеко не уйдешь. Как только тебя опять начнет пробирать страх, можешь смело обращаться к любому из наших. Они тебе помогут и за ручку приведут обратно.

Давясь от смеха, обезьянолюди схватились за животы, но бурус вдруг перестал улыбаться и сунул руку в отверстие. Подозрительно взглянув на Ту, он мрачно покачал головой, а затем полез в нору, держа факел впереди себя. Ровно горевшее до сих пор пламя внезапно задергалось, а затем с печальным шипением погасло, и бурус, снова высунувшись из отверстия, растерянно взглянул на Ту.

— Ну если ты меня обманул... — пробормотал он, и вмиг утомившиеся обезьянолюди тревожно зашептались.— Пеняй тогда на себя. И запомни — перехитрить нас вам не удастся.

Положив погасший факел на землю, бурус решительно полез в нору. Вскоре он почти совсем скрылся из виду, а еще через несколько мгновений раздался его приглушенный голос:

— Ну-ка лезь сюда, старик, да покажи мне, что тут такого особенного. Пока что я вижу только, что твой приятель сбежал. Ну да ничего, все равно он от нас никуда не денется.

Ту с испугом посмотрел на страшную нору и в ужас замотал головой. Нет, подумал он, пусть лучше мохнатые твари разорвут меня на куски, но туда я не полезу! Бурус между тем продолжал еще что-то говорить, как вдруг голос его оборвался, и раздался слабый вскрик. Обезьянолюди метнулись к отверстию и вскоре скрылись в нем один за другим. Прислушиваясь к их крикам, советник вдруг отчетливо понял, что со всеми ними произошло то же, что и с Копьебоем, — их утащила в недра земли неведомая сила. Голоса буруса и его солдат стали приглушенными, как будто раздавались откуда-то из самой толщи земли, а затем Ту явственно различил в них неподдельный ужас и панику.

И внезапно все стихло.

Страхнув овладевшее им оцепенение, советник осторожно отошел от норы и, подняв голову, начал вглядываться в едва различимые очертания открытого люка.

— Эй! — наконец, позвал он, но вместо крика с его губ сорвался лишь слабый шепот. — Есть там кто-нибудь? Помогите! С вашими случилась беда!

Но даже если бы он кричал во все горло, вряд ли его кто-нибудь бы услышал — слишком далеко отсюда находились остальные бурусы. Ту продолжал отчаянно звать о помощи, но ответом ему было глухое зловещее молчание. В полном изнеможении старик тяжело опустился на землю. «Что же делать? — Стучало у него в висках. — Что с Брулом? Жив ли он? И что же все это значит?»

Он просидел так довольно долго, пока не услышал над головой шум шагов. Вскочив на ноги, Ту как можно громче вновь прокричал свой отчаянный призыв о помощи и понял, что теперь его услышали. Вскоре темница озарилась неясным мерцающим светом, и через несколько мгновений в нее спустился на хвосте обезьяночеловека другой бурус с факелом в руках.

— Что здесь происходит? — хмуро спросил он, подозрительно оглядывая советника с головы до ног. — Куда все подевались?

Вместо ответа Ту молча указал ему на зияющее отверстие норы. Подойдя к лазу, мужчина присел на корточки и посветил внутрь факелом.

— Давно это случилось? — коротко спросил он, и советник понял, что этот бурус оказался куда более сообразительным, чем его предшественник.

— Да нет, совсем недавно, — торопливо произнес Ту, с надеждой глядя на человека в меховой безрукавке, похожего едва ли не как две капли воды на того, кто некоторое время назад исчез в загадочной норе. — Я сразу начал звать на помощь. Сначала там исчез Брул, с которым мы вместе пытались раскопать этот лаз. А затем туда полезли ваш человек и несколько обезьянолюдей. И они тоже исчезли.

Бурус задумчиво потер лоб рукой, затем решительно поднялся и громко прокричал несколько слов на гортанном языке. Наверху тотчас раздался торопливый топот, и вскоре в пещеру один за другим начали спускаться хвостатые солдаты. Подойдя к норе, они молча принялись раскапывать

стену вокруг нее, и уже через некоторое время перед советником оказалась огромная черная дыра. Отойдя на всякий случай от нее как можно дальше, Ту напряженно вглядывался в непроницаемый мрак, который не могло осветить даже пламя факела.

— Ну что ж, пойдем,— негромко произнес бурус, взглянув на старика.— Вместе посмотрим, что там за чудеса.

— Нет! — в ужасе выдохнул Ту.— Мы ничего не сможем сделать! Там царствует какая-то неизвестная страшная сила, по сравнению с которой смертные всего лишь песчинки!

Но бурус, похоже, не обратил никакого внимания на слова перепуганного старика. Остановившись у края дыры, он продолжал выжидательно смотреть на Ту, затем с легкой усмешкой сделал церемонный приглашающий жест.

— Не тяните, господин Главный советник,— спокойно произнес он.— Ведь вы хотите узнать, что же случилось с вашим другом, разве не так?

— Конечно, хочу, но...— начал было Ту.

— Ну так поторопитесь, а то нам придется слишком долго его искать,— человек в безрукавке повернулся и первым шагнул в зловещее отверстие.

Ту в ужасе огляделся в поисках хоть какого-нибудь предлога, позволившего бы ему остаться, но так ничего и не увидел. Да, получается, выбора у него не было. И советник, тяжело вздохнув, подошел к зияющей дыре, ярко освещенной светом факела, который держал в руках бурус.

Ничего страшного, впрочем, он там не обнаружил — просто огромное отверстие, постепенно сужающееся по мере продвижения вглубь. Факел горел ровно, и никакого ледяного холода Ту на этот раз не ощущал. Его спутник прошел вперед и остановился, внимательно разглядывая преграждавшую дальнейший путь земляную стену.

— Интересно,— пробормотал он себе под нос, присев на корточки и ощупывая руками неожиданную преграду и пол возле нее.— Дальше пути нет. Как же это понимать? Есть какие-нибудь соображения, советник?

— Не знаю,— растерянно покачал головой Ту, устало опустившись рядом с бурусом и изумленно глядя на стену.— Может быть, те, кто утащил Брула и ваших, снова закопали за собой отверстие? Наверное, надо попробовать рыть дальше.

— А вы не боитесь, храбрый старик? — усмехнулся бурус, сделав знак топтавшимся рядом обезьянолюдям.— А вдруг оттуда кто-нибудь вылезет и схватит вас? Может, лучше оставить все как есть? Постарайтесь забыть о том, что вы видели, да и живите себе спокойно. Во всяком случае до тех пор, пока мы вам это позволим.

Кровь бросилась царедворцу в лицо, но он сдержался и не стал отвечать на оскорбление. Какой смысл, все равно бурусы не принимают валузийцев за достойных людей. Этот самоуверенный тип считает Ту жалким трусом, способным предать друга. Ну что ж, пусть и дальше так думает. Нет ни времени, ни желания его в чем-то разубеждать.

— Надо рыть дальше, и побыстрее, — твердо проговорил советник, глядя бурусу прямо в глаза. — И продвигаться вперед, пока мы их не найдем. Я пойду первым.

— Ого! — покачал головой бурус, все так же насмешливо поглядывая на Ту. — Ну что ж, посмотрим.

Обезьянолюди вновь принялись усердно копать землю, довольно скоро разрушая земляную преграду, — их мощные длинные руки так и мелькали перед глазами валузийца, словно лопасти весел, уверенно врезающиеся в пучину вод. Они работали так довольно долго, но по-прежнему никакого потайного хода так и не появлялось.

С лица буруса сошло, наконец, насмешливое выражение. Нахмурившись, он окинул советника с головы до ног взглядом, который мало кому мог бы понравиться. Но Ту этот взгляд выдержал с достоинством.

— Я ничего не выдумал, — угрюмо заявил советник, не дожидаясь очередных оскорблений. — Все было именно так, как я рассказал. Но объяснить, почему странный проход исчез, я не могу. Значит, они просто засыпали его за собой.

Бурус молчал, поигрывая желваками и не сводя недоверчивого взора со старика. Затем он взглянул в сторону ретиво копошившихся обезьянолюдей и, вздохнув, задумчиво потер ладонью переносицу.

— Значит, им был нужен только твой друг Брул, — наконец пробормотал он. — И мой брат Бур-Килир. А мы им, выходит, ни к чему. Ну что

ж, дальше, по-видимому, копать бесполезно. Сейчас мы поднимемся наверх и попробуем подобраться к ним с другой стороны. Ты пойдешь с нами, старик.

Чувствуя, как к горлу подступает комок, Ту лишь молча кивнул, теперь уже целиком доверяясь судьбе.

* * *

Дарг шел со своими солдатами по длинному темному туннелю, и в голове его лихорадочно стучала только одна мысль — надо дожидаться подходящего момента и броситься на ближайшего хвостатого. Солдаты тут же последуют его примеру, и хотя вряд ли они смогут отсюда выбраться, все же пусть лучше погибнут, как герои, чем будут медленно умирать в рабстве.

Дарг скосил глаза на идущего рядом с ним обезьяночеловека и тут же наткнулся на его колкий подозрительный взгляд. Да, мохнатые противники, очевидно, постоянно ожидали подвоха со стороны пленников и поэтому все время были начеку. Что же придумать? Нарочно споткнуться и в суматохе успеть прикончить хотя бы одного врага? Или вдруг упасть на землю, а потом... Но что потом, молодой командир пиктов не знал. Силы были явно слишком неравны.

Туннель опускался все ниже и ниже, становилось нестерпимо душно, и в то же время ужасная сырость пронизывала Дарга до мозга костей. Куда же эти твари их ведут? Они собираются сделать пиктов своими рабами... Ну этого, конечно,

хвостатые не дождутся! Воин стиснул зубы и бросил осторожный взгляд на идущего чуть позади него солдата — на лице того была написана ненависть и решимость сражаться с врагом до конца.

Другого Дарг, собственно, и не ожидал. Он хорошо знал своих ребят. Ну что ж, значит, они еще поборются!

Пиктов привели в большой темный отсек и начали по одному запускать внутрь. «Вон он, подходящий момент!» — мелькнуло в голове у Дарга. Другой возможности уже не будет — их здесь закроют и будут морить голодом, дожидаясь, пока измученные пленники не начнут просить врагов о милости. Командир пиктов внезапно остановился и, схватившись рукой за сердце, с глухим стоном повалился на землю. Изображая не то сердечный приступ, не то нервный припадок, Дарг закатил глаза и начал корчиться на земле, судорожно дергаясь и хрипя. Двое обезьянолюдей с недовольным ворчанием принялись поднимать его, но пикт отчаянно сопротивлялся, извиваясь и кусая их за руки. Еще несколько хвостатых стражей метнулось к нему, Дарга подняли, но он тут же упал, увлекая за собой косматых. Он хотел отвлечь на себя как можно большее число врагов, чтобы дать возможность своим солдатам напасть на них сзади, но в то же время понимал, что долго так не может продолжаться, — обезьянолюди, потеряв терпение или заподозрив уловку, просто напросто придушат его.

«Ну же, давайте! — мысленно крикнул он своим воинам, и те, словно услышав его беззвучный

призыв, разом бросились на обезьянолюдей. — Бейте их, душите, рвите на куски! Живыми нам все равно не уйти, но хотя бы напоследок мы им покажем, кто такие пикты!»

В темном отсеке и прилежавшем к нему туннеле завязалась яростная схватка. Солдаты, зная, что, кроме жизни, им все равно терять нечего, дрались с таким ожесточением, что обезьянолюди в первый момент растерялись и начали отступать. Это продолжалось недолго — придя в себя, хвостатые злобно зарычали и с остервенением набросились на людей, — однако пикты все же сумели продвинуться из отсека и вырваться в главный туннель, от которого отходило несколько боковых. Здесь у пиктов появилась возможность рассеяться и не дать мохнатым противникам вновь согнать их вместе. В узких отверстиях боковых туннелей двоим было не разойтись, и пикты, первыми попавшие в них, могли продвинуться далеко в разные стороны. Тем же, кто прикрывал отход, пришлось туго. Дарг, оказавшийся в самой гуще схватки, с горечью видел, как несколько его лучших воинов упали на землю, не подавая признаков жизни.

Однако хвостатым тоже досталось. Ярость, помноженная на отчаяние, придала пиктам такие невиданные силы, что пятеро обезьянолюдей, навсегда успокоившись, валялись на земляном полу, а прямо по их телам в смертельной схватке топтались сражающиеся. Двоих хвостатых уложил лично Дарг. Пиктов обезоружили сразу же, как только они попали в ловушку, но обезьянолюди

почему-то не догадались получше обыскать пленников, и у молодого командира остались два спрятанных за пазухой небольших, но острых кинжалов, которые он и держал теперь в руках.

Вот и сейчас, подпустив хвостатого противника поближе, разъяренный пикт вогнал ему в горло клинок по самую рукоятку. Еще один враг с диким ревом повалился на землю, и в сердце Дарга затеплилась надежда: а вдруг им все же удастся прорваться? Одним прыжком он подскочил к обезьяночеловеку, накинувшему петлю из хвоста на шею отчаянно сопротивляющемуся пиктскому воину, и вонзил в мохнатую спину сразу оба кинжала.

Оглянувшись, командир пиктов заметил метнувшегося ему навстречу другого хвостатого, который, увидев тускло блеснувшие клинки, глухо зарычал и попятился. Высоко подняв руки с зажатыми в них кинжалами, Дарг издал громогласный боевой клич своего племени и бросился на врага. Его поддержали солдаты, выскочившие из бокового туннеля, и вскоре неистовая толпа пиктов уже уверенно теснила беспорядочно метавшихся обезьянолюдей, загоняя их к тому самому отсеку, который и должен был послужить пиктам тюрьмой.

Хвостатые, конечно, сопротивлялись, но с лавиной — иначе и не назвать — обезумевших от ярости и вкуса победы людей справиться не могли. Через несколько мгновений обезьянолюди оказались в отсеке, вход в который пикты тотчас закрыли прикрепленной к стене толстой заржав-

ленной решеткой. Заметив кончик хвоста, торчавший из-за металлического прута, Дарг тут же схватил его и, вытянув побольше, поднес к нему кинжал.

— А ну-ка, говори, гнусная тварь, как отсюда можно выбраться, — угрожающе крикнул командир пиктов и для пушей убедительности слегка полоснул лезвием по извивавшемуся у него в кулаке живому канату. — А не то я искромсаю твой хвост на мелкие кусочки!

Обладатель мохнатого отростка жалобно взвизгнул и попытался подтянуть хвост к себе — но не тут-то было. Дарг крепко намотал его себе на руку, а трое солдат вцепились в своего командира, не давая ему сойти с места.

— Гы-гы-гыр! — заговорил наконец обезьяночеловек, но никто его, естественно, не понял. — Гы-гыр, хуру-хуру!

— Говори по-человечески! — потребовал Дарг, еще раз слегка полоснув кинжалом по хвосту.

— Э-э, хуру-журу, — простонал человек-обезьяна, яростно тыча длинным пальцем куда-то по верх плеча пикта. — Жур-хур, хур-жур.

— Понятно, — процедил Дарг и, не раздумывая, отсек кинжалом кончик хвоста. — Попробуй еще раз.

Заросшее щетиной лицо исказилось муками боли, но с его губ по-прежнему слетали лишь нечленораздельные звуки. Однако пикт уловил, что в жестах хвостатого была какая-то осмысленность — он явно указывал направление, по которому, возможно предстояло двигаться освободив-

шимся воинам. Дарг обернулся и увидел, что мохнатая рука указывала в сторону того самого туннеля, по которому их привели сюда. Что ж, возможно, обезьяночеловек и не обманывал, но, помня о хитрости и непревзойденном коварстве этого племени, командир пиктов на всякий случай отрезал еще один небольшой кусочек живой плоти. Пусть-ка косматый подумает как следует, прежде чем врать!

Очевидно, хвосты для обезьянолюдей были дороже жизни, потому что бедняга взвыл так, что у пиктов невольно поползли по спине мурашки. Утирая мохнатой лапой слезы с лица, он принялся усиленно тыкать длинными пальцами все в том же направлении, пытаясь дополнить свои жесты неким подобием человеческой речи.

— Ту-а, ит-и,— промычал он, и Дарг перевел эти слова как «туда иди». — Та-тамм бурру... номно-хо...

«Там много бурусов,— понял командир пиктов.— Ну что ж, нас тоже немало, к тому же мы злые».

— Ладно, если обманул, я вернусь,— пообещал он и отек еще кусочек хвоста.— А это я возьму себе на память о приятном знакомстве.

Дарг повернулся и, махнув своим солдатам рукой, решительно двинулся вперед. Возбужденно переговариваясь, пикты двинулись по туннелю, горя желанием свалить любое количество хвостатых, которые могли повстречаться им на пути. Но пока, как ни странно, никто им не попадался, и Дарга это насторожило.

«Странно,— подумал он, оглядываясь по сторонам.— Я-то думал, они тут на каждом шагу порасставлены, и прежде чем мы доберемся до своих, хвостатые твари будут так и лезть на нас изо всех нор. Значит, они почему-то покинули свои посты. Видимо, происходит нечто необычное».

Дарг обладал первоклассным чутьем охотника — выросший на утрюмом скалистом побережье, он с детства привык замечать едва различимый след, улавливать новые оттенки в привычных звуках, чувствовать запахи пищи, готовившейся на кострах, сложенных из поленьев не тех деревьев, что использовали люди его рода. Вот и сейчас, зная, что обезьянолюди должны были непременно услышать и шум сражения, и громкие крики победителей, и жалобные стоны побежденных, он недоумевал, почему никто из них не бросился хотя бы выяснить, что случилось.

«А может быть, мы не одни попали в ловушку.— Дарг вдруг воспрял духом, вспомнив, что незадолго до него в лапы хвостатых угодил Брул.— Ну, конечно же, и Копьебой, и все остальные, кого раньше захватили хвостатые твари, задали им жару. Может быть, и Кулл здесь — а вдруг он каким-то образом вышел на подземные ходы и сейчас сдирает с мохнатых их поганые шкуры?»

Мысль об этом до того взволновала командира пиктов, что он резко остановился и поднял руку.

— Стойте! — крикнул он, не боясь, что его могут услышать находившиеся где-нибудь поблизости враги. Теперь Дарга это не смущало — он

был почти уверен, что по всему подземелью идут ожесточенные бои, причем верх неизменно одерживают валузийские воины.— Мы не должны прямо сейчас отправляться наверх. Где-то здесь неподалеку бьются наши товарищи, и, возможно, им необходима наша помощь. Вперед, ребята, и покажем хвостатым, что зря они искали легкой победы!

И, высоко подняв кулак с зажатым в нем кинжалом, командир пиктов бесстрашно бросился в один из совершенно темных боковых туннелей. Одобрительно загудев, солдаты тотчас помчались вслед за ним, но вскоре пыл их странным образом начал угасать. Пробежав несколько неверных шагов, пикты один за другим повалились на землю и стали делать нелепые движения руками, словно пытаясь натянуть на себя несуществующее одеяло. Внезапно им стало не до дружбы и боевого братства — холод, ледяной волной накативший на них, оказался столь жестоким, что каждый начал тянуть на себя призрачную материю. А командир так и вовсе вцепился в нее зубами.

Одеяло было невидимым и тонким, оно рвалось на куски, и Дарг, сумев натянуть на себя крохотный лоскуток, успокоился и впал в безмятежное забытие.

* * *

Кулл стоял, не в силах сделать ни шагу. Он знал, что впереди его ждет смерть, но она так завораживала, что атлант, преодолевая себя, дви-

нулся навстречу ей, словно зачарованный слушатель, обманутый сладкозвучным пением флейты факира.

Кулл как будто видел раздувшую капюшон кобру, выползающую из узкого горлышка кувшина,— она раскачивалась в такт нежным переливам тростниковой дудочки — и он, король Валузии, раскачивался в такт вместе с ней. Ему вдруг захотелось потрогать змею — шершавую прохладную кожицу... или ту бархатистую шкурку лани, к которой так приятно было прижиматься в детстве,— о как же это было давно! — покой... умиротворение... мама...

Кулл внезапно вздрогнул, ощутив неприятный, леденящий холод под пальцами. Нет, это что-то другое! Это не воспоминания детства, не отблески памяти, корнями уходящие в прошлое. Это нечто новое, доселе неведомое, расслабляющее и одновременно будоражащее душу. Это переход...

Куда? Кулл силился вспомнить — он же учился у лучших философов королевства, он исправно читал все книги, которое они ему старательно подсовывали, он много думал о том... О чем? Как-то странно скользят мысли, они напоминают градинки, зацепившиеся за почерневший от дождя куст смоковницы... или смородины...

Не все ли равно...

И он вспомнил. Король Валузии Кулл вдруг вспомнил, как в детстве мать частенько говорила ему: «Никого не бойся. Если боишься, даешь оружие против себя. Мужчины нашего рода никогда не ведали чувства страха, и тебе оно никогда не

будет знакомо. Ты просто знай, что злые силы тебя не любят, они никогда не утащат тебя в свой жуткий хоровод. Но это не значит, что они забудут о тебе. И если ты когда-нибудь спросишь: доколе же вы будете виться за моею спиною? Они ответят: всегда».

Теперь он знал, что мать была не права. Теперь-то он понимал, что самые навязчивые, никогда не покидающие сознание, без конца будоражающие совесть силы — это вовсе не силы зла. А именно те, что не позволяют человеку есть падаль, вонзать нож в спину своему брату, красть кусок хлеба у своего ребенка. Бог, что ли?

«Валка,— беззвучно прошептал атлант.— Я грешен. И не слишком-то часто вспоминал о тебе. Я никогда не осознавал, что тебе тоже нелегко, что ты тоже борешься с врагами и твой бой вечен. Я просто говорил — Валка, и думал, что после этого я под защитой длани твоей. А оказывается, и ты ждал помощи от меня, так же, как и я от тебя. Я помогу тебе, но... я не знаю, как мне сейчас быть... кому и чему верить... Я боюсь».

Король несколько раз повторил последние слова. Чего я боюсь? — вдруг вспыхнуло у него в мозгу. Он обернулся и посмотрел на иссиня-бледное лицо буруса. Ему вдруг захотелось расхохотаться. Мужчина в безрукавке стоял, словно истукан, судорожно облизывая пересохшие губы. Лоб его был покрыт испариной.

— Чего ты боишься? — тихо спросил Кулл, не чувствуя ни капли ненависти к недавнему врагу. Атлант не хотел вдаваться ни в какие рассужде-

ния, он отбрасывал все мысли, которые влекли его к прошлому. Он просто смотрел в лицо человека, который как будто недавно хотел его убить.— Похоже, ты потерял интерес к бою. В другой раз я был бы рад этому, но сейчас меня это почему-то настораживает.

Бурус посмотрел на Кулла вполне осмысленным взглядом, но ничего не ответил. Впрочем, и атлант при всем желании тоже не смог бы ему объяснить происшедшую перемену. Некоторое время они стояли молча, затем бурус вдруг дотронулся до руки Кулла.

— Там... Я не знаю... Я помню, когда-то давно ходили легенды о подземном Царстве Ненависти. Мы не слушали их, потому что знали, наше Царство Ненависти здесь на земле, и имя ему — Валузия.— Он сглотнул слюну и с трудом продолжал: — Мне помнится, в предании шла речь о каких-то не то червях, не то змеях. Впрочем, ни тех, ни других на самом деле не существует, они только мерещатся тем, кто попал под власть этого чувства — ненависти. Я не знаю, что сейчас происходит, но очень похоже на то, что мы столкнулись...— Бурус вытер холодный пот со лба и, взглянув в глаза Кулла, сказал уже более спокойно: — Во всяком случае, если все это правда, то мы сейчас в одинаковом положении.

Атлант с трудом понимал смысл доносившихся до него слов, но он знал одно — надо как-то выбраться из этой обволакивающей пелены забвения и найти путь к своим. Это самое главное. Ненависть... какая ненависть? Он готов был дру-

жески похлопать по плечу этого молодого человека в меховой безрукавке, утешить его, сказать, что валузийцы никогда не хотели причинить зла бурусам....

Стоп! Не стоит расслабляться. Именно ненависть, о которой говорил сейчас покрытый испариной враг, привела полчища мохнатых тварей на благословенную землю Валузии. И сейчас, наверное, тяжелая кавалерия, наемники и Алые Стражи бьются не на жизнь, а на смерть, увлекаемые в кровавую гущу схватки не ради любви к Прекрасной Деве, а ради ненависти.

Но только ли сегодняшняя битва зиждется на ненависти? Нет, все таковы. Алый Страж никогда не вспомнит, что тот, в кого сейчас летит его копье, бегал с ним когда-то в детстве, веселый, лопоухий, удивлявшийся любому чуду на свете, — стрекозам, кружащим по вечерам у потайного отверстия в заборе, где можно было подслушать заветные беседы девочек. Рыбам, которые не боялись его рук, когда он погружал их в тихий прохладный ручей. Да мало ли чему удивлялся тот безмянный друг детства, когда в последний миг вспоминал глупые, невинные свои шалости, ощущая теперь только ненависть к поразившему его врагу.

Ненависть... Кулл поежился, пытаясь стряхнуть с себя бремя ненужных воспоминаний. И — не смог. Потому что их не было. Сколько раз он убивал, сколько раз по приказу короля валузийские солдаты уничтожали целые народы, — но он не мог вспомнить ни одного случая, чтобы в бой

его вела ненависть. Ярость атаки, жажда справедливого отмщения, неприятие навязанных противником условий войны... Да мало ли что еще? Но только не ненависть. Ее Кулл никак припомнить не мог.

Он оглянулся на буруса и увидел, что тот сполз на землю, судорожно хватая ртом воздух. «А вот тут, наверное, этого чувства хватило через край, — подумал Кулл. — Плохо сейчас, видно, бедняге приходится.» Ну что ж, за все надо платить, — и с этой мыслью король склонился над распростертым телом мужчины, пытаясь хоть как-то привести его в чувство. В тот момент он не думал ни о каком коварстве, он лишь слегка потрепал по щекам угрюмого парня в меховой безрукавке. Но то, что произошло потом, превзошло все его ожидания.

— Ы! — вдруг крикнул бурус. — Ы-ы-ы! Ты!

— Я? — доверчиво перепросил Кулл.

Бурус не договорил и, упав на землю, начал корчиться и извиваться. Он силился что-то сказать, но с его губ срывались лишь слабые хрипы, а глаза дико поблескивали в полумраке.

— Да что с тобой? — Кулл попробовал приподнять его за плечи, но вдруг отшатнулся. На губах буруса появилась зеленоватая пена, затем изо рта вялыми толчками потекла кровь. Тело его конвульсивно задергалось, в широко раскрытых глазах застыл ужас, лицо исказилось предсмертными муками.

Кулл прижался спиной к ледяной стене пещеры, пытаясь унять бившую его дрожь. Он закрыл

глаза, чтобы больше не смотреть на умирающего, но вместо темноты увидел какие-то яркие блики, сначала беспорядочно замелькавшие перед ним, а затем начавшие складываться в странные картины. Они постоянно менялись, и с такой скоростью, что Кулл не успевал рассмотреть ни одну из них. Тогда он открыл глаза, чтобы остановить этот неистовый жуткий водоворот становившихся все более яркими образов, и — вновь увидел их, теперь уже совершенно отчетливо.

Сначала перед атлантом появились очертания какого-то дворца, смутно показавшегося ему знакомым. Ну да, это же дворец правителя Валузии! Вот его башни, хрустальные шпили, золоченые крыши, его высокие стрельчатые окна, цветущие сады, журчащие фонтаны... Но как будто чего-то не хватает... Почему-то не видно часовых на башнях, нет отрядов Алых Стражей вокруг, нет дозорных на высоких городских стенах... И все же это тот самый дворец, где Кулл еще недавно восседал на топазовом троне. Внезапно вокруг прекрасных зданий вспыхивает пламя, оно неистовствует, пожирая все, что можно. Какие-то зловещие тени начинают метаться, образуя неистовый хоровод смерти... Они поднимаются все выше и выше по стенам, лезут в окна...

Неужели бурасы штурмуют Хрустальный город, и Кулл видит сейчас все это наяву? Их лица, горящие дикой яростью, мелькают все ближе и отчетливей, но Кулл почему-то не узнает в них знакомых черт бурасов. Где же их отборные воины, обезьянолюди? И почему захватчики воору-

жены — ведь бурасы не используют оружия! Атлант увидел широкие мечи и длинные кинжалы и окончательно понял, что видит не бурасов.

Значит, кроме них у Валузии есть и другой враг, который или был заодно с бурасами, или просто воспользовался подходящим случаем — ведь валузийская армия, в своем основном составе, покинула столицу, двинувшись к южным рубежам королевства. В Хрустальном городе осталось не так уж много защитников, но все они опытные и храбрые воины, и врагам, по-видимому, будет не так просто одолеть их. Но почему же не видно сражения?

Неведомые захватчики уверенно лезут по стенам, проникают в окна и не встречают никакого сопротивления... Кулл вновь закрыл глаза, надеясь, что страшное видение исчезнет, но оно лишь стало еще отчетливее. Теперь он уже мог разглядеть даже мельчайшие детали одежды и вооружения тех, кто осаждал дворец.

И тут он все понял.

То, что яркими картинами представало перед изумленным атлантом, было отражением событий далекого прошлого — нападение предков валузийцев на бурасов и захват их дворца. Да, ведь человек в меховой безрукавке рассказывал ему, что люди Буру-Теш не умели воевать и не оказали нападавшим никакого сопротивления. Они просто строили системы подземных ходов, чтобы в случае опасности уйти. Вот и теперь они просто ушли. Ушли, чтобы через много лет вернуться и покарать тех, кто отнял у них страну...

Король очнулся и недоуменно огляделся. Но что же тогда происходит сейчас? Почему его неожиданный спутник — бурус — корчится в предсмертных муках? Что за неведомые силы свалили такого крепкого парня с ног? Может быть, кто-то третий вступил в борьбу, приняв сторону валузийцев? Кто он? Ставленник Светлых богов или мерзкая тварь Великой Тьмы, приспешник Неназываемого?

Яркое видение штурма опять промелькнуло в сознании Кулла и исчезло. Боги словно подсказывали королю ответ, но он никак не мог понять его значение. Атлант стоял, по-прежнему прислонившись к стене и закрыв глаза, будто ожидая продолжения странных событий. Он был потрясен, хотя уже давно перестал чему-либо удивляться. Еще какое-то время назад Кулл твердо знал, что ему предстоит делать всю его дальнейшую жизнь — жребий и долг короля беспощадно, до последнего мгновения бороться с врагами Валузии и верить в победу, в справедливость этой борьбы. А сейчас он не был уверен ни в чем. Кого считать врагом? Что такое справедливость? У каждого народа своя правда и право решать свою судьбу!

Атлант с трудом заставил себя открыть глаза и взглянуть на неподвижно лежащего буруса, застывшего с необыкновенно спокойным, умиротворенным выражением лица. Как будто наконец свершилось то, о чем долго мечтал человек в безрукавке. Сколько же прошло времени с тех пор, как они оказались в этой странной узкой пещере? Мгновение, день, вечность?

Нет, это не трещина в скале — это трещина во времени.

Кулл опустился на корточки рядом с бурусом и слегка дотронулся до обнаженного плеча мужчины. Тот не шевельнулся, и атлант провел рукой по его холодной щеке. Никакой реакции не последовало, и король, вздохнув, поднялся на ноги и огляделся. Наверное, стоит выбраться отсюда побыстрее, решил он. Выйти из темноты пещеры наружу, постараться подняться по скале и оглядеться. А как действовать дальше, видно будет.

Может статься, там, наверху, его поджидают обезьянолюди, но это теперь уже не волновало атланта. Теперь король почему-то не мог себе представить, что бурусы проявят к нему хоть какую-то враждебность. После того, что он увидел, почувствовал и понял в ледяном мраке, атлант внутренне изменился. Но перемена произошла не только с ним, в короле росла уверенность: все изменилось вокруг, все будет по-другому.

Он посмотрел в глубь трещины, но ничего не увидел. Его руки коснулись глухой стены, и Кулл понял, что в этом направлении идти бесполезно. Ледяного холода он уже не ощущал — должно быть, те силы, что погубили буруса, отступили. А он, Кулл, им не нужен. Хоть кричи, они больше не появятся, атланту это казалось совершенно ясным.

Он сделал шаг в противоположную сторону, удивившись, каким невесомым вдруг стало его тело. Свет, попадавший в пещеру, был слабым и

призрачным, но Кулл хорошо различал дорогу. Дойдя до узкого выхода из трещины в скале, он остановился и оглянулся. За спиной царила мертвая тишина, и атлант, постояв еще немного, медленно шагнул на нависший над пропастью небольшой выступ.

Его сразу же оглушил невообразимый шум, а неяркие лучи заходящего солнца, на несколько мгновений ослепили его. Прижавшись к скале и стараясь не потерять равновесия, король взглянул вниз и увидел яростное сражение, развернувшееся на каменном плато. Легкая кавалерия, оставленная там Куллом, когда он со своим отрядом поднимался по горной тропе, ожесточенно рубилась с толпой беспорядочно скачущих обезьянолюдей. Они применяли свои излюбленные приемы — накидывали, словно арканы, длинные хвосты на шеи всадникам, стаскивая их с коней, мощными руками ловили на лету стрелы и копья. Валузийцы, однако, не уступали им, и бились столь яростно, что обезьянолюди то тут, то там падали замертво. Боевые кличи людей, вой и визг их мохнатых противников, ржание коней и громкие стоны раненых разносились далеко окрест и, казалось, поднимались к самым небесам.

«Сколько ненависти,— подумал вдруг Кулл, с каким-то новым, неведомым ранее чувством, глядя на кровавую бойню. Странно, но он почему-то совсем не ощущал в себе привычного боевого азарта воина, полководца, варвара, наконец. И тем более никакого желания немедленно спуститься вниз и ринуться в гущу битвы на подмогу своим

воинам.— Сколько чудовищной злобы и напрасной ненависти...»

Отсюда, с высоты, все происходящее казалось ему каким-то нереальным — он как будто наблюдал за сражением игрушечных солдатиков. Кулле вдруг захотелось вернуться в пещеру, где произошло то, что, возможно, перевернет всю его жизнь. Там он многое понял, хотя и не успел еще все полностью осознать.

Он взглянул на небеса, расцвеченные причудливыми красками заката, вздохнул полной грудью и вдруг сделал шаг вперед, застыв над самой пропастью. Птицы плавно кружили рядом с Куллом, и он, казалось, парил в воздухе вместе с ними. Атлант по-прежнему не ощущал тяжести своего тела, словно там, во мраке скалистой пещеры, он, незаметно для себя, совершил переход в какой-то другой, совершенно отличный от реального мир.

— Нет!

Король услышал вдруг чей-то голос, показавшийся ему странно знакомым. Может быть, он принадлежал погибшему бурусу, вместе с которым они вошли в трещину? Или это его собственный голос, звучавший как в сознании самого Кулла, так и в порывах ветра, шелесте птичьих крыльев, отзвуках дикой, кровавой битвы внизу?

— Нет! Ты обязан идти до конца! Ты правитель Валузии, в твоём королевстве бушует война, твои воины сражаются с теми, кого ты уже не считаешь врагами. Но валузийцы этого еще не знают, и ты должен быть вместе с ними. Ты не

можешь допустить бессмысленной гибели и тех и других. Ступай!

Внезапно ощутив чье-то присутствие, Кулл обернулся и различил смутную тень в проеме скалы. Она слегка подрагивала, излучая слабое свечение. В сгущающихся сумерках атлант узнал в бесплотном видении очертания человека в меховой безрукавке. «Бурус жив! — Король напрягся, пристально вглядываясь в полумрак. — Или...»

— Нет, я умер, — прозвучал ясный, но какой-то далекий и бесплотный голос. — Я вошел туда, в Царство Ненависти, и теперь меня больше нет.

— Но я же отправился туда вместе с тобой, — недоверчиво прошептал Кулл. Он хотел было подойти поближе к бурусу, но почувствовал, что его ноги словно приросли к скалистому выступу. — Я видел жуткие картины... Наблюдал, как предки валузийцев напали на столицу Буру-Теш. И решил, что схожу с ума... Но я вернулся! Или ты хочешь сказать, что я тоже умер?

— Нет, ты жив, потому что в тебе не оказалось ненависти, когда ты входил в преддверие ее обители, — печально произнес призрак. — А во мне была. Это я передал тебе то, что увидел сам, — то, как валузийцы напали на наших предков. Я сам не знал, как это происходило, но здесь мне открылось все. Я прикоснулся к полю вековой ненависти, и зрение времени и пространства было дано мне. Я начал видеть сквозь века и века, а в сердце моем зажглось пламя такой ненависти, что я не мог не сгореть в том огне. Ты должен был разделить мою участь... Я хотел показать тебе бу-

дущее, король, отчего и твое сердце воспламенилось бы ненавистью. Перед твоим внутренним взором предстали бы одна за одной картины гибели твоей страны, твоего королевства, твоего народа. И триумфа Буру-Теш. Ты должен был увидеть, как бурусы прошли по городам, деревням и полям твоих подданных и вместо цветущего края после нас осталась лишь выжженная пустыня. И как в панике бежали от нас несчастные жители, каким ужасом и скорбью наполнилась земля побежденной Валузии. Но я не успел представить все это. Поэтому ты здесь, а я... скажем так, далеко отсюда.

— Что это за Царство Ненависти? — мрачно спросил Кулл. — Я впервые услышал о нем от тебя, бурус, пока ты еще был человеком.

— Пока на земле между людьми существует вражда, будет существовать и Царство Ненависти. Оно сжигает всех, кто к нему приблизится. А когда пламя ненависти в мире людей достигает определенного накала, толща земли начинает трескаться, и из глубин неудержимо поднимаются потоки невидимой силы, обжигающе-ледяной, уничтожающей всех, кто попал в ее поле. Мы долгие годы копили и взращивали в себе ненависть к валузийцам, и вот теперь выплеснули ее. И земля ответила.

Он замолчал, безмолвствовал и Кулл, глядя на слабое свечение, исходившее от призрака буруса. Атлант чувствовал себя опустошенным.

— Как тебя зовут? — вдруг спросил он, и сам удивился своему вопросу.

— Сейчас — никак, — слышался легкий смешок. — А среди смертных меня называли Бур-Термир. Бурусы не открывают своих имен посторонним, потому что когда чужой произносит твое имя, ты попадаешь под его власть. Совсем немного, но попадаешь. А теперь мне это совершенно не важно — ни у тебя никогда не будет власти надо мной, ни у меня над тобой. Мы оба уже мертвы. А то, что ты пока еще жив, — это только вопрос времени.

— Ты в этом уверен, Бур-Термир? — усмехнулся Кулл. Он уже начал понемногу приходить в себя. Вновь взглянув вниз, он увидел, что обезьянолюди со всех сторон теснят валузийцев, постепенно загоняя их к обрыву. Что ж, медлить нельзя!

— Конечно, — призрак вышел, наконец, из проема и приблизился к атланту. — Неужели ты до сих пор не понял, что в войне между Буру-Теш и Валузией не может быть ни победителей, ни побежденных? Ведь тебе известно не хуже, чем бурусам, что мы имеем все права и на месть валузийцам, и на землю Валузии. И в то же время справедливость требует признать, что нынешние обитаели королевства ни в чем не виноваты. Но примирение невозможно, и значит, останется только один выход — перебить друг друга. Окончательно погубить два народа.

— Ты говоришь так, потому что сам уже умер, — возразил Кулл. — Но это не дает тебе права решать за всех остальных. Твои соплеменники могут опомниться и выбрать себе другую судьбу.

— Глупец! — презрительно усмехнулся Бур-Термир. — Мой народ желает только одного — стереть вас всех с лица земли. Ну а твои валузийцы, должно быть, надеются уничтожить нас всех до единого, а затем вновь забыть о бурусах и продолжать спокойно жить на земле, которая им не принадлежит. И вы, и мы полны ненависти друг к другу. Понимаешь, о чем я?

— То, что ты говоришь, уже не имеет никакого значения, — покачал головой атлант. — Ты мертв.

— Мертва лишь моя земная оболочка, — жестко произнес призрак. — А ты, пока жив, не забывай о Царстве Ненависти. И валузийцы, и бурусы сейчас целиком находятся в его власти. Они могут сколько угодно грызть друг другу глотки, но это ничего не изменит. С каждой пролитой на землю капель крови в ней будут образовываться все новые и новые трещины, и ледяные потоки, которые вскоре хлынут оттуда, уничтожат вас всех, без разбору.

— Посмотрим, — сквозь зубы процедил Кулл. Ему больше не хотелось продолжать этот разговор. Теперь все внимание его было сосредоточено на тех, кто сражался внизу. — Я не привык верить на слово, Бур-Термир. Да и верю только тому, что вижу сам. А сейчас я вижу, что моим воинам приходится совсем туго, и король должен быть с ними.

— Конечно, — легко согласился призрак. — Чем скорее ты присоединишься к своему войску, тем скорее умрешь. Чего тянуть? Как видишь, я первый показал пример. Теперь твоя очередь сделать этот шаг. У нас честный поединок, Кулл.

— Ну тогда не мешай мне,— хмуро бросил атлант, выискивая глазами ближайший выступ, на который он мог бы опереть ногу.

— Если хочешь, я тебе помогу,— Бур-Термир оттолкнулся от края скалы и повис в воздухе, протянув Кулла раскрытую ладонь.— Не бойся, держись за меня. Я не собираюсь сбрасывать тебя в пропасть. Приближая собственную гибель, ты все сделаешь сам.

— Почему я должен тебе доверять? — Кулл смотрел на протянутую ему руку, лихорадочно соображая, как же быть. Он, наверное, сумел бы и сам спуститься, но это заняло бы слишком много времени, а медлить было нельзя.

— Потому, что у тебя нет выбора,— улыбнулся призрак буруса.— И потом, я просто не в силах причинить тебе никакого зла, так же как и ты мне. Теперь мы с тобой существуем в разных мирах. Но вот помочь тебе я еще смогу.

— Ты хочешь мне помочь только для того, чтобы поскорей увидеть мою смерть? — нахмурился атлант.

— Не только. Мне — впрочем, как и тебе — нужна справедливость. Если хочешь знать, я никогда не питал личной ненависти к тебе, Кулл. Ведь ты не коренной житель королевства, а атлант. К тому же ты сделал доброе дело, убив чистокровного валузийца и заняв его трон. Но ты служишь народу Валузии и должен разделить с ним его участь. Это справедливо.

— Конечно,— согласно кивнул Кулл и, ухватившись за руку буруса, начал спускаться по скале.

Ему вновь показалось, что его тело стало невесомым. Он плавно скользил вниз по отвесной скалистой стене, почти не касаясь ее. Ладонь буруса была бесплотной, и все же Кулл ощущал ее мощную силу. Странно, подумал он, два врага, крепко держась за руки, спешат на поле битвы между их народами...

Что же будет дальше?

Советник Ту, спотыкаясь, бежал по туннелю вслед за рослым, длинноногим бурусом, уверенно петлявшим в бесконечном подземном лабиринте. Человек в меховой безрукавке оставался на удивление спокойным в отличие от советника, обливавшегося от страха холодным потом, и скачущих за ними обезьянолюдей, чьи гортанные крики выражали явную тревогу.

Подземный ход спускался все ниже и ниже, и Ту стало казаться, что скоро они достигнут самых недр земли. Но, наконец, свернув в один из боковых отсеков, бурус неожиданно остановился. Что-то пробормотав себе под нос, он повернулся к запыхавшемуся спутнику.

— Они должны были выйти наружу где-то здесь.— Бурус по-прежнему выглядел спокойным, но Ту чувствовал, что он тоже начинает нервничать.— Ну что ж, сейчас начнем копать.

— Только осторожнее,— умоляюще прошептал старик.— Постарайтесь не встревожить их.

— Кого? — подозрительно спросил бурус, сверля советника глазами.— Чей покой мы можем нарушить?

— Я не знаю,— с трудом выговорил Ту, стараясь держать себя в руках.— Там, должно быть, какие-то неведомые существа... жуткие твари.

Мужчина задумчиво похлопал рукой по земляной стене.

— Никаких существ тут никогда не было.— Он вновь бросил недоверчивый взгляд на советника.— Мы выгнали отсюда даже крыс, чтобы нам никто не мешал вести за вами постоянное наблюдение. Признавайся, твой приятель Брул задумал какую-то хитрость? Ну тогда ему несдобровать!

— Нет! Нет! — в отчаянии замотал головой Ту, зябко кутаясь в обрывки синего плаща.— Я ведь уже не раз говорил тебе, как все произошло! Из раскопанной дыры вдруг повеяло каким-то страшным ледяным холодом. А потом Копьебой исчез.

— Возможно, поблизости протекает какая-то подземная река, от нее и мог исходить холод,— предположил бурас.— Пикт, видимо, оступился, свалился в воду, и его унесло течением. А за ним и моего брата, и бурасаров.

«Бурасары — это обезьянолюди,— догадался старый советник.— Наверное, у них все слова и имена начинаются с приставки «бур». Впрочем, мне сейчас совершенно не об этом надо думать»,— одернул он сам себя.

— Хорошо, если там действительно подземная река,— неуверенно произнес Ту и тоже похлопал по стене.— Но почему тогда проход неожиданно завалило? Вы же копали там — и ничего!

— Ладно,— буркнул человек в меховой безрукавке и, обернувшись к обезьянолюдям, что-то

сказал им на своем языке.— Я и сам понимаю, что тут что-то не так. Будем искать.

Бурасары принялись рыть землю, и вскоре в стене образовалось огромное отверстие. Они продвигались все дальше и дальше, но впереди была только земля. Бесконечная, безмолвная, умеющая хранить свои тайны.

И вдруг бурасары гортанно завопили и отпрыгнули назад. В полумраке отсека, слабо освещаемого отблесками факела, советник с ужасом увидел, как стена медленно зашевелилась. Он тоже отпрянул и, тесно прижавшись к противоположной стене, попытался перевести дух, но вдруг почувствовал, что почва за его спиной движется. Обезьянолюди с визгом заметались, в панике молотя руками по земляным стенам.

И тут старый вельможа заметил, что проход, по которому они только что вошли сюда, сжимается. Через несколько мгновений он окончательно закрылся. Советник и его необыкновенные спутники очутились в замкнутом пространстве, постепенно наполнявшемся каким-то призрачным, серебристым сиянием. Ледяной холод становился все ощутимее, и бурасары, тоскливо завыв, громко застучали зубами.

И вдруг яркие всполохи зеленоватого света пронзили загадочную темницу. Стены задрожали, и огромная трещина расколола сначала одну из них, затем другую, третью, и нестерпимо яркое зеленое пламя, вырвавшееся оттуда, ослепило обезумевших от страха пленников. Ту закрыл глаза и, чувствуя, что ноги больше не держат его, мед-

ленно опустился на землю. Его была такая крупная дрожь, что, казалось, душа вот-вот покинет тщедушное тело старика. Внезапно он понял, что продолжает все видеть, хотя веки его плотно сжаты, и то, что предстало перед взором советника, ужаснуло его до такой степени, что он громко застонал.

Черные клубы пламени поднимались до неба, вместе с ними взвивались вверх яркие снопы искр и горящие головешки. Мелькали искаженные болью и ужасом лица, плачущие дети жались к матерям, в страхе метавшимся между зловещими языками пламени, замертво падали мужчины, вступая в неравный бой с врагом... И отовсюду надвигались злобные лица, напоминавшие звериные морды. Их было так много, что, казалось, они заполнили собой все пространство между небом и землей. Отвратительные, поросшие короткой шерстью физиономии надвигались на советника, со всех сторон к старику тянулись длинные мохнатые ручищи, норовя свернуть ему шею. В дико вытаращенных с красноватыми белками глазах мелькали отсветы пламени, широко разинутые огромные пасти как будто тоже извергали неукротимый огонь...

И вдруг Ту увидел Копьебоя — сначала только его неясный образ, бесплотный, призрачный. Но постепенно этот образ стал приобретать все более отчетливые черты, заслоня собой мечущиеся злобные морды. Разглядев Брула как следует, советник в ужасе содрогнулся. Лицо пикта было белым, как мел, в глазах, устремленных на Ту, зас-

тыла невыразимая мука. Он словно силился что-то сказать советнику, но язык не слушался его, а на едва шевелящихся губах пузырилась зеленоватая пена.

— Брул! — в отчаянии выкрикнул Ту и не услышал своего голоса. Задыхаясь, он из последних сил пополз навстречу пикту. Только бы дотянуться до него руками! Он поможет Копьебою... Он вырвет его из жутких объятий смерти! Только бы дотянуться...

Огромные светящиеся щупальца внезапно взвились перед самым лицом советника, и Ту замер, в ужасе обхватив голову руками. Омерзительные отростки извивались, окружая старика со всех сторон. Жадно чмокающие присоски приблизились к нему почти вплотную, и Ту обжигало их ледяное дыхание. Он уворачивался от жутких щупальцев, боясь их прикосновений. Но они не трогали его, а как будто только дразнили или старались до смерти напугать.

Советник действительно перепугался, однако не оставлял надежды пробиться к Брулу, поэтому хоть и медленно, но упорно продолжал двигаться вперед. Светящиеся, извивающиеся отростки заслоняли от него пикта, но сквозь их ужасную полупрозрачную плоть Ту все же изредка видел бледное искаженное лицо Брула с безумными застывшими глазами. Надо доползти, билось в висках у старого советника, вдвоем нам ничего не будет страшно. Мы справимся, мы выстоим!

Он уже почти не чувствовал холода, страх тоже начал отступать. Щупальца, словно почувст-

вовав это, сначала задергались еще яростнее, но затем вдруг движения их стали какими-то вялыми, безжизненными, и они начали одно за другим медленно исчезать, словно растворяясь в воздухе. Пришедшая на смену страху холодная решимость вела старого вельможу все дальше и дальше вперед, пока его дрожащие пальцы наконец не наткнулись на холодную, сведенную судорогой руку Брула.

— Брул,— еле шевеля губами, тихо прошептал Ту.— Сейчас... все будет хорошо... хорошо...

Пикт не отвечал, и лишь глаза его, с мольбой глядевшие на советника, говорили о том, что он еще жив, хотя жизнь его и висит на волоске. Подбравшись к Брулу еще ближе, Ту приподнял его голову и слабо потрепал по щеке. Губы пикта дрогнули, он вновь попытался что-то сказать, но старик уловил лишь свистящие хрипы.

— Ничего, Копьебой, все уже позади,— он принялся растирать ладонями лоб и виски пикта, стараясь привести его в чувство.— Ну, давай же, очнись! Ты же сильный, ты можешь. Я здесь, с тобой. Мы вместе!

— Ту,— наконец с трудом выговорил Брул, слабо сжимая советника за локоть. Его щеки слегка порозовели, а взгляд стал более осмысленным.— Ту, что это... что это было? Я как будто умер.

— Не выдумывай,— сердито отозвался советник, продолжая еще усерднее растирать виски воина.— Уж меня-то ты точно переживешь!

Пикт с усилием начал приподниматься с земли. Его движения оставались слабыми и неуве-

ренными, но Ту с радостью убедился, что сознание полностью вернулось к его спутнику и это прежний Брул, а не безумец с застывшим взглядом.

— Но я, словно побывал... там, за Воротами Вечности,— прошептал пикт и замотал головой, пытаясь стряхнуть с себя тягостное наваждение. Его пальцы слегка дрожали, и он крепко стиснул кулаки, чтобы унять дрожь. Взглянув на советника, Брул слабо улыбнулся.— Я потом как-нибудь расскажу, что там видел. Думаю, тебе это будет интересно.

— Я тоже много чего повидал,— облегченно выдохнул Ту.— Но я слишком много жил на свете, чтобы меня можно было бы чем-нибудь удивить. Ладно, вставай, надо двигаться дальше. Мы еще не на свободе.

И только тут Брул с удивлением огляделся.

— Да, в самом деле,— пробормотал он, стараясь подняться на ноги. Попытка удалась, и хотя его немного пошатывало, но все же он мог вполне самостоятельно передвигаться.— Видимо, я не вполне пришел в себя... Мы что, все еще в плену, у этих — как их там — бурусов?

— Если бы только у них.— Советник с нарастающей тревогой взглянул на трещины в стенах.— Боюсь, здесь вмешалась третья сила. И я думаю, она будет страшнее каких-то там обезьянолюдей.

— Третья сила? — задумчиво переспросил пикт.— Да, действительно, ведь бурусы — обычные люди и вряд ли способны устроить представ-

ление, которое мне пришлось пережить. Я сначала думал, что это они меня схватили и начали кружить в ледяном водовороте. Там были змеи или не змеи, а не знаю, кто... В общем, какие-то жуткие гадины. А затем у меня в голове все смешалось. Но вдруг я увидел, как они жгли деревни и поля. Нет, не гады — обезьянолюди. Они поджигали дома и убивали жителей. И я бросился им навстречу, чтобы сразиться, но потом... Не помню.

Воин замолчал, словно заново переживая увиденное. Через мгновение он вздрогнул и с признательностью посмотрел на валузийца.

— А ты молодец, старина Ту, что вытащил меня оттуда, — широко улыбнулся Копьебой, похлопав советника по плечу. — Я просто сразу не понял, что вступил в битву с теньями. Я готов был душить и рвать на куски этих бурусов и их мохнатых приспешников. Я просто задыхался от охватившей меня ненависти. Но тут... Зеленое пламя... И ледящий душу холод... Меня свалило с ног что-то потустороннее, необъяснимое, заставило корчиться в судорогах, и я забыл... Забыл все, даже кто я такой. Я сходил с ума и чуть не умер. В общем, если б не ты, Ту...

— Да ладно тебе, — немного смутившись, буркнул советник. — Ничего особенного я не сделал. И, если хочешь знать, я сам трясся от страха, когда все это началось.

— Но что же, однако, произошло в действительности? — задумчиво спросил Брул. Он сделал несколько шагов и, подойдя к земляной стене,

провел по ней рукой. — Странно — стена, как стена, а еще недавно я видел, как она ходила ходуным, словно живая. Или мне это приснилось?

— Не приснилось. Смотри. — И Ту указал на распростертое на земле тело одного из обезьянолюдей.

В полумраке подземелья, по-прежнему освещаемого отблесками света далекого факела, они не сразу заметили, что повсюду лежали скрюченные мохнатые тела. Достаточно было лишь взглянуть на вытаращенные остекленевшие глаза, в которых застыл беспредельный ужас, чтобы убедиться, что все бур-асары мертвы.

— Брул, пойдем поскорее отсюда, — прошептал советник, чувствуя, как в его душу вновь заползает страх. — Мне тут совсем не нравится.

— Но почему эти светящиеся твари убили только наших врагов, а мы остались живы? — недоуменно пожал плечами пикт. — Ничего не понимаю.

— Я думаю потому, что мы им не поддались, — торопливо проговорил старик, хватая Копьебоя за рукав. — Но все же нам надо как можно скорее убраться отсюда. Они могут вернуться.

— Хотел бы я на них посмотреть со стороны, — пробормотал пикт. — Чтобы знать, с кем имею дело.

— Ты что? — в испуге вскричал советник, изо всех сил дернув Брула за руку. — Хочешь, чтобы опять все повторилось? И потом, я думаю, они появляются только тогда, когда к ним подходишь слишком близко. И тогда от них уже не уйти.

Один раз нам повезло, а в другой... Даже подумать жутко. Пойдем лучше, посмотрим, что творится в других подземных ходах.

— Да, ты, наверное, прав,— согласно кивнул пикт и решительно направился к выходу из принявшего прежние очертания отсека.

Ту поспешно засеменял за ним, но вдруг Копьебой резко остановился и настороженно замер, к чему-то прислушиваясь. Советник вытянул шею, оглядываясь по сторонам, но ничего примечательного не увидел. Но спустя несколько мгновений и его слух уловил какие-то слабые звуки, исходившие из самого темного угла подземелья. Пикт бесшумно двинулся туда и, склонившись над лежавшим там телом, приглашающе махнул рукой.

— Посмотри-ка, это тот самый бурус, к которому меня привели, когда стянули с крыши.— Брул подхватил мужчину под мышки и подтащил поближе к свету.— По-моему, он еще жив.

— Нет, это тот, что привел меня сюда, чтобы искать тебя и своего брата,— возразил Ту, вглядываясь в едва подающего признаки жизни человека в меховой безрукавке.— По-видимому, их тут несколько братьев, и все они на одно лицо. Близнецы, должно быть.

— Понятно,— сквозь зубы процедил пикт.— Но это не важно. Главное, что он выжил. Мы постараемся привести его в чувство, и бурус станет нашим заложником. Он выведет нас отсюда, иначе я сверну ему шею, не хуже, чем это делают его хвостатые слуги.

— По-моему, нам вряд ли удастся использовать его подобным образом,— заметил советник.

Он присел на корточки рядом с бурусом и начал водить руками перед его бледным лицом. Тот пошевелился и открыл глаза. Ту отшатнулся и с непонятной для пикта жалостью пробормотал:

— Пойдем Копьебой. Бедняга совсем плох. Придется оставить его здесь.

— Подожди-ка, сейчас я попробую окончательно вернуть его в мир живых,— решительно сказал Брул и, отстранив старика, принялся с силой трясти буруса за плечи.— Ну-ка, давай просыпайся! Успеешь еще выспаться в королевской тюрьме. Вставай, говорю!

— Не надо, оставь его, Копьебой,— грустно произнес советник. Он еще несколько мгновений назад понял, что человек в меховой безрукавке ничем не сможет помочь своим недавним пленникам.— По-видимому, ему повезло меньше, чем нам,— он лишился рассудка.

Бурус внезапно сел и глухо забормотал, но ни одного слова разобрать было невозможно. Его глаза лихорадочно блеснули, он вдруг с силой оттолкнул руки Брула и приподнялся.

— Ы-ы-ы! — громко замычал бурус, раскачиваясь из стороны в сторону. Но не удержался на ногах и сполз по стене на землю.

Советник укоризненно взглянул на Копьебоя и вновь потянул его к выходу.

— Ну что я говорил! — горестно прошептал он.— Ты же видишь — он сошел с ума. Оставь его

здесь, не тревожь, а то он поднимет ненужный нам шум.

— Притворяется,— сказал пикт и внезапно влепил бурусу увесистую оплеуху.— А ну-ка, хватит мычать! Вставай, пойдешь с нами. И только попробуй пикни!

Безумец замолчал и покорно поднялся на ноги, выжидательно глядя на Брула. Советник растерянно заморгал глазами, переводя взгляд с одного на другого.

— Вот так-то лучше,— одобрительно хмыкнул пикт и слегка подтолкнул буруса к туннелю.— Пошли!

Что-то бормоча себе под нос, человек в меховой безрукавке двинулся вперед по подземному ходу. Брул шел чуть позади, крепко держа буруса за руку немного повыше локтя. На лице пленника блуждала рассеянная улыбка, он шел медленно и неуверенно, словно впервые попал в это подземелье. Дойдя до поворота, за которым туннель разветвлялся в разные стороны, он остановился и вопросительно взглянул на пикта.

— Ну что такое? — раздраженно прошипел Копьебой, угрожаясь глядя на буруса.— Не знаешь, куда идти? К выходу, что ведет наружу!

Пленник непонимающе захлопал глазами и робко улыбнулся. Брул нахмурился и крепко сдвинул его руку, так что бурус болезненно дернулся и замычал. Советник неодобрительно покачал головой.

— Он ничего не понимает,— прошептал он на ухо пикту.— Давай оставим его здесь, а сами бы-

стро уйдем. Даже если он и поднимет шум, то вряд ли сможет рассказать что-нибудь вразумительное. По-моему, он разучился говорить.

— Ничего, его ноги вспомнят, как идти к выходу,— упрямо мотнул головой Брул.— Не надо только давать ему расслабляться.

Он отпустил буруса и стал знаками объяснять ему, куда надо идти. Пленник, разинув рот, внимательно следил за руками пикта, а затем его лицо вдруг расплылось в счастливой улыбке.

— Гы-гы-гы,— радостно закивав головой, промычал он.— У-у-ы!

— Кажется, понял,— прошептал Брул.— Вперед!

Он вновь схватил буруса за локоть, и тот нетвердой походкой, будто ноги плохо держали его массивное тело, направился к одному из боковых туннелей — к тому, который был освещен тускло горевшим масляным факелом, укрепленным в стене.

— А вот это, пожалуй, нам пригодится.— Подойдя к факелу, пикт выдернул его из проржавевшего кольца.— В крайнем случае, его можно использовать как оружие. Хвостатые, должно быть, боятся огня — они прекрасно видят в темноте, едят сырую пищу, так что он для них является чем-то чуждым. Ну пошли дальше!

Туннель оказался длинным и достаточно широким, и Брул понял, что, должно быть, это один из основных ходов, ведущих к сердцу подземелья и, скорее всего, к выходам наружу. Пикт воспрял духом. Скорее наверх, в королевский дворец, где сейчас, наверное, уже разгорелось сражение! Дарг,

конечно, опытный командир, а пикты — храбрые и сильные воины, и все же Копьебой беспокоился. Он вспомнил о Кулле, и сердце его тревожно сжалось.

— Быстрее! — нетерпеливо подтолкнул он в спину буруса. — Что ты плетешься, как старый осел? Некогда нам тут болтаться!

Но пленник не обратил на тычки никакого внимания и продолжал идти все той же расслабленной неуверенной походкой, тихо напевая что-то себе под нос. Брул начал терять терпение.

— А ну быстрее! — рявкнул он и вдруг замер, уловив какие-то отдаленные звуки. — Стоять! За-мри!

Он с силой дернул пленника за плечо, заставив его остановиться. Мужчина непонимающе захлопал глазами, но, прислушавшись к шуму, радостно улыбнулся и замычал, указывая рукой в том направлении.

— Что это может быть? — встревожился Ту, переводя взгляд с буруса на пикта. — Похоже, там что-то происходит!

— Идем туда! — решительно сказал Копьебой и вновь подтолкнул буруса в спину. — Может быть, там бьются наши воины. Вдруг они прорвались сюда, в подземелье, чтобы спасти нас? Это, наверное, пикты и Дарг!

Они быстро пошли по туннелю, вслушиваясь в звуки нарастающего шума. Уже отчетливо стали слышны крики, но не такие, что обычно сопровождают сражения. Это были вопли отчаяния и ужаса.

— Брул! — Советник внезапно остановился и схватил пикта за плечо. Лицо его покрылось холодной испариной. — Там, похоже, то же самое... То, что было с нами, — эти извивающиеся змеи, щупальца... Я не пойду туда! Еще одной встречи с ними я не выдержу!

Но Копьебой уже не слушал его. Отпустив руку пленника и высоко подняв факел над головой, он устремился вперед. Старому валузийцу ничего не оставалось, как последовать за ним. Бурус радостно замычал и тоже побежал вперед, оживленно размахивая руками, — казалось, все происходящее его чрезвычайно забавляло. Люди добежали до поворота и остановились, ошеломленно вслушиваясь во внезапно наступившую тишину. Туннель здесь поворачивал направо, но через несколько шагов упирался в тупик.

Растерянно посмотрев на шероховатую земляную стену, Ту и Брул переглянулись. Шум и крики еще недавно доносились отсюда, но почему-то все вдруг стихло? И нет ни души...

Пикт подошел к стене и приложил к ней ухо. Ту, боясь сдвинуться с места, напряженно следил за ним, но по мрачному выражению лица Копьебой понял, что тому не удалось ничего расслышать. Советник предположил, что несколько мгновений назад здесь был проход, но он закрылся сам собой, замуровав попавших во внутренний отсек людей, которые теперь, должно быть, оказались во власти омерзительных щупалец. При воспоминании о них Ту почувствовал, как по спине поползли мурашки, а волосы на голове слегка

зашевелились. Он отступил на шаг и взглянул на усевшегося на землю буруса.

— Гы-гы! — промычал пленник и вдруг затрясся в беззвучном смехе.

— Заткнись! — гневно прошипел Брул, метнув на него угрожающий взгляд. — Скажи лучше — там был проход?

Он знаками пояснил свой вопрос, и человек в безрукавке с готовностью кивнул головой. Вскочив на ноги, он вдруг бросился на стену и с размаху ударился о нее плечом. В земляной толще тотчас образовалась небольшая трещина, и Ту в ужасе попятился назад.

— Нет! Не надо! — срывающимся от страха голосом закричал он.

Копьебой, напротив, одобрительно кивнул и жестом показал бурусу, чтобы он продолжал. Человек в меховой безрукавке разбежался и с радостным мычанием вновь кинулся на стену, на этот раз с такой силой, что осыпавшаяся земля толстым слоем покрыла его с головы до ног. Трещина значительно увеличилась, и Брул, оттолкнув пленника, нетерпеливо припал к ней.

— Ничего не слышно, — разочарованно пробормотал он. — Но все равно надо продолжать. Выбора у нас нет.

По его знаку бурус опять разбежался и ударился о стену, и тут в ней образовался огромный пролом, в который он и рухнул, не удержавшись на ногах. Слабое зеленоватое свечение, струившееся оттуда, окончательно убедило советника, что он не ошибся в своих предположениях.

— Ну все, — побелев от ужаса, прошептал он. — Сейчас начнется!

Копьебой меж тем решительно вошел в пролом и, перешагнув через полузасыпанного рыхлой почвой буруса, безбоязненно устремился навстречу смертельной опасности. С трудом преодолев охватившее его оцепенение, Ту осторожно двинулся вслед за пиктом. Заглянув за неровный земляной край проема, он увидел, что Брул вышел в просторное круглое помещение и озирается, прикрывая глаза рукой от слепящего зеленоватого света.

— Ну что там, Копьебой? — шепотом спросил советник, продвинувшись немного вперед. — Есть тут кто-нибудь?

— Может быть. — Голос пикта прозвучал глухо, как будто издали. — Ничего не разобрать, какой-то туман.

— Ты осторожнее там, — умоляюще прошептал Ту, сделав неуверенный шаг вперед. — Если никого нет, нам стоит поскорее убраться отсюда.

— Похоже, мы все-таки не одни, — отозвался Брул, склонившись над чем-то в дальнем углу. — Ту, скорее сюда! Здесь наши!

Забыв о страхе, советник поспешно кинулся вперед, но, споткнувшись и едва не упав. Переведя дух, он осторожно наклонился и увидел распростертого на земле человека. Рядом с ним лежали еще двое, и все они не подавали признаков жизни.

— Это пикты! — воскликнул Ту. — Кажется, они мертвы! О ужас! Как они попали сюда? Что происходит во дворце?

Копьебой не ответил. Встав на колени перед неподвижно застывшим на полу солдатом, он принялся растирать ему щеки и виски.

— Это бесполезно, Брул! — Ту коснулся ледяного лица лежавшего человека и, тяжело вздохнув, выпрямился. — Единственное, что мы можем сделать, — это вытащить их отсюда. Зеленоватый свет как-то ужасно действует на людей! Если пикты и живы, то здесь нам вряд ли удастся чем-нибудь помочь им.

— Ты прав, — сразу согласился Копьебой и, подхватив на руки бесчувственное тело воина, понес его к выходу. Проходя мимо буруса, который к тому времени очнулся и теперь сидел на полу, отряхиваясь и выплевывая изо рта комья земли, пикт слегка пнул его носком сапога. — Ну-ка, хватит отдыхать! Вставай, принимайся за дело, да поживее!

Пленник покорно поднялся на ноги и, подойдя к одному из солдат, легко поднял его и взвалил на плечо. Подхватив следующего, он закинул его на другое плечо и легкой походкой направился к выходу.

«Ну и силища у буруса, — с изумлением и восхищением подумал советник, глядя ему вслед. — Интересно, он всегда таким был или это проявилось у него после... после того, как он лишился рассудка?»

Ту нагнулся над пиктским воином и попробовал подтащить его к пролому, но вскоре почувствовал, что это явно ему не по силам, — солдат оказался рослым и мускулистым, к тому же за-

кованным в тяжелые доспехи. Советник уже начал задыхаться, когда его остановил Брул.

— Ты лучше возвращайся в тоннель и постарайся привести людей в чувство, — Пикт махнул рукой в сторону выхода. — Я думаю, они все-таки живы. А мы тут управимся вдвоем с этим... Эй, как тебя зовут? — спросил он буруса, взваливавшего на плечи очередную пару солдат.

Тот непонимающе уставился на Брула, и пикт раздраженно нахмурился:

— Ладно, я буду звать тебя Бур-Бур. Какая тебе разница?

Бур-Бур растянул губы в счастливой улыбке и, легко неся свою ношу, направился к выходу. Советник, невольно улыбнувшись в ответ, двинулся вслед за ним. Пройдя сквозь пролом, Ту подошел к лежавшим на полу туннеля солдатам и опустился на колени возле одного из них. Приложив ухо к его груди, старик уловил слабое биение сердца.

Жив! Горячая волна радости захлестнула советника, и он принялся энергично приводить пикта в чувство. Ту растирал и тормошил его довольно долго, и весь взмок, но застывший воин никак не реагировал. Ту совсем выбился из сил и уже собирался оставить бесполезные усилия, как вдруг услышал слабый стон. Старик замер, вглядываясь в бледное лицо пикта, который слегка пошевелился и открыл глаза. Посмотрев на Ту невидящим взглядом, бедняга попытался поднять голову, но не смог и, тяжело вздохнув, вновь смежил веки.

— Очнись! Очнись! — воскликнул советник. — Не засыпай! Сюда могут прийти, нам надо уходить!

Солдат наконец начал приходить в себя. С трудом приподнявшись на локте, он недоуменно уставился на Ту.

— Господин Главный советник? — еле ворочая языком, спросил он. — Это вы? Или мне снится? Где мы?

— В подземелье, — ответил обрадованный старик, помогая пикту сесть. — Тут, должно быть, полным-полно обезьянолюдей, так что вам, воинам Валузии, не стоит долго разлеживаться здесь. Помогите мне управиться с остальными.

Пикт огляделся и, увидев лежащих рядом на земле товарищей, нахмурился и озадаченно потер лоб.

— Что случилось? — Он попытался встать на ноги, но ему это удалось только с помощью советника. — Ничего не могу понять. Я помню, что мы с кем-то сражались... Это была жестокая схватка, море крови... Я не мог разглядеть лиц... Я рвал врага на куски...

Казалось, он начинал бредить, и Ту потряс его за плечо.

— Не надо сейчас об этом, лучше поможем остальным. Потом я тебе расскажу, что с вами случилось, — и советник, присев возле следующего воина, принялся тормошить его.

— Дарга среди них нет, — сказал Копьебой, подходя к Ту. — Кажется, мы вынесли всех. Командир был с вами? — обратился он к солдату.

— Дарг? Командир? Да, — растерянно пробормотал тот, оглядывая неподвижных пиктов. — Ну конечно, был! Где он?

— Значит, надо поискать еще. — Брул тронул буруса за руку. — Пойдем, Бур-Бур, поищем еще одного.

Они вошли в пролом, и вдруг земля задрожала, стена зашевелилась, и все вокруг озарилось яркой вспышкой зеленоватого пламени.

— Брул! — в отчаянии крикнул советник, метнувшись вслед за ушедшими.

Ослепленный вспышкой, он начал шарить по стене руками, ища пролом, и вдруг в ужасе отшатнулся. Слезы градом хлынули из его глаз.

Никакого пролома не было. Перед советником возвышалась совершенно глухая стена.

* * *

Алые Стражи с изумлением смотрели, как обезумевшие обезьянолюди с визгом и рычанием бросались друг на друга. Сцепившись в клубок, они катались по земле, перегрызая друг другу глотки и ломая шеи. Те из хвостатых, кто не впал в безумие, поначалу пытались разнять дерущихся, но усилия их были тщетны, и они с воем и криками отскакивали от яростно сражающихся собратьев, потирая ушибленные места и заливая раны от укусов. Повинуясь резкому, гортанному окрику сохранившие разум мохнатые солдаты собрались вокруг своих командиров в меховых безрукавках, а через мгновение, рассыпавшись в разные стороны, отправились на поиски

врага. Приказ им был отдан на незнакомом языке, но те из Алых Стражей, что сидели ближе всех к бурусам, отчетливо слышали, что в нем прозвучало имя Келкора.

Значит, Келкор где-то здесь. Он жив! Воины воспряли духом и начали внимательно следить за происходящим, внутренне готовясь к схватке с врагами. Они уже начали догадываться, что их командир сыграл какую-то роль в том, что часть обезьянолюдей обезумела, и горели желанием помочь ему. Теперь людей охраняло всего с десяток хвостатых стражников, а валузийцев было неизмеримо больше, и они с легкостью справились с обезьянолюдьми. Но Алые Стражи сидели крепко связанными, поэтому в первую очередь было необходимо избавиться от веревок.

Это оказалось не так-то просто, потому что поначалу охранники не спускали с них глаз. Но тут валузийцам неожиданно помогли собратья обезьянолюдей, что впали в безумие, — они набросились на тех хвостатых, что остались сторожить Алых Стражей. Видимо, коричневое снадобье удесярило их силы, и они легко расправились с мохнатыми соплеменниками, а затем направили свою ярость на валузийцев.

Но Алые Стражи не растерялись — в хищно оскаленные пасти обезьянолюдей они совали свои веревки, которые хвостатые перекусывали так же легко, как травинки. Освободившись от пут, валузийцы бросались к костру и, выхватывая оттуда горящие головешки, швыряли их в обезумевших противников.

Когда последний обезьяночеловек, визжа от боли и страха, скрылся в ближайшей рощице, избавившиеся от веревок воины освободили остальных и, подобрав с земли камни и палки, устремились на поиски своего командира.

Уже стемнело, и Алым Стражам приходилось продираться сквозь густые заросли кустарников и петлять между деревьями почти вслепую. Они едва видели друг друга в темноте, зато обезьянолюди, обладавшие чрезвычайно острым зрением, не пропадая даже в полном мраке, и, кроме того, великолепным нюхом, позволявшим им чуют врага на расстоянии, быстро обнаружили валузийцев. Обладая явными преимуществами, хвостатые быстро окружили безоружных воинов.

Но валузийцы не дрогнули. Слишком сильна была их ненависть к врагам и слишком горячим желание найти своего командира. Образовав мощный непробиваемый строй, они ринулись в атаку на обезьянолюдей. Завязалось ожесточенное сражение, в котором каждая из сторон стояла на смерти. Крики, хрипы, визги, стоны раненых прорезали тишину, вспугнув задремавших обитателей нор, гнезд и берлог. Земля, быстро покрывавшаяся телами павших, казалось, начала стонать и дрожать...

Телур, командир подразделения разведчиков, сцепился в рукопашной с человеком в меховой безрукавке. Бурус, явно более сильный и ловкий, одним ударом сбил валузийца с ног, но тот, падая, все же сумел увлечь за собой противника. Сжимая руки на горле друг друга, они покати-

лись по земле. Враг стал одерживать верх — его железные пальцы с такой силой сдавили горло Телура, что в глазах у валузийца потемнело и он едва не потерял сознание. Но в последний миг командиру разведчиков удалось ткнуть в лицо противнику острым обломком ветки, который он нашупал рядом с собой на земле. Глухо вскрикнув, бурус ослабил хватку, из его разорванной щеки текла кровь, и Телур тотчас ударил его еще. Не давая бурусу опомниться, валузиец принялся наносить ему удар за ударом, и противник, тщетно пытаясь перехватить руку Телура, теперь вынужден был лишь защищаться.

Однако ярость придала бурусу новые силы, и он, озверев от дикой боли, начал беспорядочно молотить огромными кулачищами по лицу валузийца. Увернувшись, Телур сбросил его с себя, и они, вновь сцепившись, покатались по земле. Под их телами трескали ветки валежника, а сверху посыпалась земля, но в пылу схватки противники не замечали этого. Они вкатились в какую-то берлогу и продолжали там ожесточенно драться. Окровавленные и полужасыпанные землей, они забыли обо всем на свете, все их чувства и желания слились в одно — уничтожить врага.

Бурус вновь начал одолевать Телура. Последним отчаянным усилием валузиец попытался оторвать железные пальцы врага от своего горла, но силы уже покидали его. Свет в глазах померк, сознание начало угасать, и командир разведчиков, судорожно глотнув воздух, обмяк и затих. Не замечая этого, бурус все так же яростно продолжал

сжимать шею Телура, как вдруг страшный удар по затылку заставил его разжать хватку и с глухим стоном рухнуть на землю. Тот, кто нанес человеку в безрукавке этот удар, приподнял его безвольное тело, перевернул и ударил еще раз, на этот раз с такой силой, что шейные позвонки буруса хрустнули, и голова безжизненно откинулась назад. Затем нападавший подхватил валузийца и вытащил его из берлоги.

— Эй, Телур, очнись. — Принялся тормошить он не подающего признаков жизни воина. — Это я, Келкор, твой командир! Да очнись же!

Но Телур продолжал лежать неподвижно, и Келкор, оставив его, бросился туда, где раздавались звуки сражения. Над полем битвы висела густая мгла, и лишь слабый свет луны из-за облаков изредка выхватывал силуэты дерущихся.

— Эй, бурусы! — громовым голосом прокричал командир Алых Стражей, перекрывая своим криком шум битвы. — Эй вы, жалкие обезьянолюди! Вам нужен я? Так я здесь! Я, Келкор! Ну-ка, кто самый смелый, подойди ко мне!

Шум сражения мгновенно стих, противники выпустили друг друга из смертельных объятий, и все взоры обратились в ту сторону, откуда только что раздался голос лемурийца. Обезьянолюди радостно взвизгнули и, забыв об Алых Стражах, бросились ловить своего самого главного врага. Впереди бежал человек в меховой безрукавке.

Келкор стоял на небольшом пригорке, хорошо видимый со всех сторон даже при едва пробивающемся из-за туч свете луны. Он был безоружен,

но весь его вид говорил о том, что командир Алых Стражей готов к решающему бою и ничего не боится. Мохнатые твари принялись гоготать и улюлюкать, предвкушая легкую добычу, но бурус, обернувшись, что-то крикнул им, и они замерли как вкопанные.

— Ну что, Келкор, ты решил сдаться? — насмешливо спросил человек в меховой безрукавке, остановившись в нескольких шагах от валузийца. — Только знай, что пощады тебе не будет. Ты подло обманул меня!

Лемуриец лишь усмехнулся в ответ и поманил бурса пальцем. В глазах человека в меховой безрукавке сверкнула злоба, и он ринулся на командира Алых Стражей.

И тут произошло неожиданное. Высоко подпрыгнув в воздух, Келкор ударил обеими ногами в голову врага. Удар был такой страшной силы, что противник отлетел на несколько шагов и рухнул на землю. Одним прыжком очутившись рядом с ним, лемуриец рывком поднял врага и двинул его кулаком в челюсть так, что тот вновь распластался на каменистой почве. Столпившиеся вокруг обезьянолюди тревожно завывали, но с места никто из них не сдвинулся. Стоявшие позади них Алые Стражи смотрели на своего командира с немим восхищением, но и с некоторым изумлением — ведь Келкор никогда так не прыгал! Когда же он успел этому научиться?

А лемуриец тем временем подскочил к бурису, и, высоко подняв над головой, с размаху швырнул на землю. Раздался хруст переломанных

костей, и человек замер в неестественной позе. Он лишь глухо стонал, сясь что-то сказать.

— Тра катриам хе но! — наконец хриплым голосом прошептал он.

Это послужило сигналом к действию, и обезьянолюди, дико завизжав, бросились на валузийца. Но Алые Стражи, вдохновленные отвагой своего командира, издав громкий воинственный клич, принялись молотить хвостатых руками и ногами. Вновь разгорелась жаркая схватка, исход которой было бы трудно предугадать, если бы опять в действие не вступили обезумевшие братья косматых нелюдей. Покинув свои убежища, они сбежались на шум и снова ринулись в бой. Валузийцы их почему-то интересовали меньше — очевидно, безумцы еще не забыли летевших в них горящих головешек, — и они их почти не трогали. Зато обезьянолюдям досталось как следует. Обезумевшие хвостатые рвали их на куски, ломали шеи, перегрызали глотки. Теперь исход битвы был ясен. Алым Стражам удалось одолеть большую часть обезьянолюдей, обратив немногих уцелевших в бегство.

Потерь со стороны валузийцев тоже оказалось немало, и Келкор, окинув взглядом сильно поредевшие ряды своих воинов, нахмурился и стиснул зубы. Приказав им построиться, командир начал обходить строй Алых Стражей, вглядываясь в лицо каждого бойца. Уже начало светать; в бледных лучах восходящего солнца солдаты выглядели усталыми и изможденными, и лишь горящие глаза говорили о том, что боевой дух про-

славленного валузийского отряда по-прежнему высок.

— Солдаты! — обратился к ним Келкор. Его голос был хриплым, но все же достаточно громким, так что его могли слышать все. — Сейчас мы одержали победу. Я не сомневался, что Алые Стражи покажут врагам, на что они способны. И мы показали. Но война еще не окончена. Здесь, на южных рубежах, сражается армия короля Кулла, и хотя мы все устали, время отдыхать еще не пришло. Мы немедленно идем на помощь нашим войскам! Вперед!

Алые Стражи одобрительно загудели и двинулись вслед за своим командиром. Никого не встретив на своем пути, они подошли к подножию высокой горы, где Келкор все же разрешил им немного передохнуть. Воины устало опустили на землю, а командир, взяв с собой двоих подчиненных, пошел вдоль скалистых склонов, чтобы разведать местность.

В душе Келкора росла тревога, он не мог понять, почему кругом стоит мертвая тишина, — он ведь был уверен, что и в горах, и на равнине сейчас идут ожесточенные бои. Но где же валузийская армия, где бурусы? Неужели все кончено? При мысли об этом сердце Келкора тоскливо сжалось.

— Поднимемся повыше, — приказал он разведчикам и первым начал карабкаться по каменистому, кое-где поросшему скудной растительностью склону. — Разойдитесь шагов на двадцать друг от друга и следуйте за мной. И не забывайте об

осторожности — бурусы очень хитры и вполне могут заманить нас в ловушку.

Они поднялись на широкий выступ, откуда вся местность достаточно хорошо просматривалась. Яркие лучи солнца, стоявшего уже высоко, освещали равнину, но ни Келкор, ни его разведчики не увидели внизу ни одной живой души.

«Надо добраться до самой вершины, — решил командир Алых Стражей, махнув рукой своим солдатам, показывая, что те должны идти в обход. — Наверное, события развиваются по ту сторону гор».

Он вновь начал карабкаться вверх, чутко прислушиваясь к малейшим шорохам и звукам. С трудом взобравшись на узкую площадку почти у самой вершины, Келкор решил перевести дух и еще раз осмотреться. Он взглянул вниз и вдруг в высокой траве прямо у подножия горы увидел множество тел воинов и трупов лошадей.

«Тяжелая кавалерия! — пронзила страшная догадка Келкора. — Значит, она приняла здесь бой. И... неужели это все, что от нее осталось? А где же остальные — в плену?»

Командир Алых Стражей осторожно двинулся по площадке, огибавшей вершину. Оттуда он мог разглядеть, что за события развернулись по другую сторону горной гряды.

Но там ничего не происходило. Перед взором Келкора расстилалась лишь унылая выжженная пустыня, над которой кружили зловещие вороны. Видеть, во что превратилась цветущая земля Валузии было невыразимо тяжело, и командир

Алых Стражей, тяжело вздохнув, отвернулся. Заметив своих разведчиков, он подал им знак, приказывая прекратить подъем, и двинулся им навстречу.

Келкор не сразу понял, что происходит, когда каменистая тропа под ним вдруг как будто начала оседать и прогибаться. Но, догадавшись, в чем дело, он метнулся обратно и, обдирая до крови руки, попытался вновь забраться на скалистую площадку.

Но не успел. Гора задрожала; огромная трещина расколола ее от вершины до самого подножия. Разлом прошел совсем рядом с Келкором, который, зацепившись за острый выступ, еще надеялся спастись, но это ему не удалось. Страшная сила затянула его внутрь, и он полетел в бездну, навстречу слабому зеленоватому свечению.

«Нет! — рвался беззвучный крик из его груди. — Это невозможно! Я был там! Я уже все испытал! Я больше не хочу!»

Лемуриец не заметил, что вслед за ним та же сила затянула в трещину и обоих разведчиков. Он ничего не видел, кроме страшного зеленого пламени, к которому его неудержимо несло. Он снова плыл по воздуху, не чувствуя своего тела, как это случилось с ним совсем недавно — в той берлоге, где он прятался от искавших его бурусов. Там ему предстали страшные картины — обезьянолюди ломают шеи его Алым Стражам, крадутся по коридорам дворца, подбираются к покоям Кулла... Повсюду на своем пути враги сеют смерть и ужас; они жестоки, беспощадны, коварны. Кел-

кор кинулся им навстречу, пытаясь остановить хвостатых тварей, но они проходили сквозь него, как сквозь бесплотное облако, злобно оскалив хищные пасти и дико сверкая горящими ненавистью глазами. Он бросался на них снова и снова, но они все продолжали надвигаться на него неудержимой лавиной. Наконец, обессилив, он упал, и все поплыло у него перед глазами. Тогда из небытия Келкора возвратило какое-то странное ощущение — сначала сильная боль пронзила сердце, и он вновь начал чувствовать свое тело. Затем лемуриец внезапно осознал, что рядом кто-то есть. Тот, кто нуждается в его помощи. И Келкор встал в полный рост, обвалив земляной свод берлоги, и пошел к тому, кому надо было помочь.

Судьба опередила его, и к Телуру он опоздал, но Келкор жестоко отомстил убийце валузийца. Сила в нем как будто утроилась, он сам не узнавал себя, но размышлять об этом не было времени...

И вот теперь он вновь увидел тот самый зеленоватый свет, как тогда, в берлоге. Келкор не хотел вновь испытывать те жуткие ощущения, которые едва не свели его с ума. Он отчаянно сопротивлялся, выл и стонал, но уже не слышал своего голоса. И вновь страшные видения окружили лемурийца со всех сторон...

Он отбивался от змей, извивающихся и светящихся, летающих по воздуху и стремящихся броситься ему прямо в лицо. Ледяной холод сковывал его тело. Келкору хотелось свернуться калачиком, заползти в какую-нибудь нору и заснуть.

Но лемуриец знал, что этого делать нельзя — в первый раз его разбудил беззвучный крик Телура, а сейчас он совсем один, в окружении мерзких чудовищ.

И вдруг сквозь оскаленные хищные морды командир Алых Стражей различил неясные мечущиеся тени людей. Устремившись туда, он увидел тускло поблескивавшие доспехи воинов, остроконечные шлемы и длинные широкие мечи. Да это же тяжелая кавалерия! Вот и кони — они взвиваются на дыбы, из их ртов и ноздрей летит пена. Лошади падают замертво, сбрасывая всадников, которые тут же оказываются во власти чудовищ. Келкор молотит кулаками по змеиным мордам, прокладывая путь к своим, он выбивается из сил, падает, но снова поднимается, потому что знает — надо идти, нельзя останавливаться, иначе светящиеся твари безжалостно и беспощадно поглотят свою добычу.

Наконец лемурийцу удастся дотронуться до одного из всадников, вывалившегося из седла. «Вставай!» — беззвучно кричит он латнику и тянется рукой к лежащему рядом. — «Вставай!» Этот крик рвется из души Келкора, из каждой частицы его тела, он заполняет собой весь мир и поднимается к небесам...

И валузийские воины начали подниматься. Чудовища, извергая вспышки зеленого пламени, стали извиваться еще яростнее, но на их хищных мордах вдруг появилось выражение бессильной злобы. Подобрав с земли меч, Келкор принялся рубить их, расшвыривать в разные стороны, топ-

тать ногами. И мерзкие твари отступили, а затем и вовсе растворились в призрачном зеленоватом свете, как будто их никогда и не было.

И только тут Келкор огляделся. Валузийцы находились в огромной каменной пещере, тускло освещенной угасающими отблесками зеленого пламени. Воины с трудом держались на ногах; их кони, хрипя, поднимались с земли и ходили по пещере, глядя на людей безумными блуждающими глазами. Сначала лемурийцу показалось, что все, что он видит, — лишь бред, игра воображения, навязчивые видения прошлого. Но, разглядев в толпе двух своих разведчиков, с которыми он вместе поднялся на гору, Келкор понял, что все происходит в действительности.

— Где здесь выход? — выкрикнул он. — Надо быстро выбираться отсюда, пока змеи не появились вновь! Командир, ко мне!

— Командир убит, — отозвался один из воинов. — Он погиб первым, когда на нас напали обезьянолюди. А нас заманили в ловушку и замуровали в этой пещере. Мы пытались выбраться, но не смогли. А потом началось... все это. — Латник подошел поближе к лемурийцу, с изумлением глядя на него. — Келкор! Не может быть... Разве Алые Стражи тоже здесь?

— Нет, они ждут снаружи, — мрачно отозвался воин, ища глазами разлом, через который он провалился в пещеру. Но его не было, и командир Алых Стражей, подойдя к каменной стене, принялся простучивать ее мечом. — Ищите выход! Хоть какую-нибудь трещину или щель!

Воины принялись простучивать камни. Они уже делали это, едва попали сюда, и не смогли найти ни одной лазейки. Но теперь, после победы над чудовищами и появления Келкора, сказавшего им, что Алые Стражи здесь неподалеку, они обрели веру в успех.

— Вот здесь проход в пещеру, через который мы попали сюда! — крикнул один из солдат. — Но он наглухо закрыт.

— Откроем! — Келкор бросился туда, почти в полной темноте, спотыкаясь о тела тех, кто так и не смог подняться с земли. — Скорее все сюда!

Столпившись у входа в каменную ловушку, латники принялись ожесточенно наваливаться на огромную каменную плиту, закрывавшую его, но она, казалось, намертво приросла к месту. Выбываясь из сил, валузийцы давили и давили на неподатливый камень, но все их старания оказались тщетны. Келкор, скрестив на груди руки, мрачно наблюдал за происходящим. Он не позволял себе отчаиваться, но надежда выбраться отсюда, понемногу угасала вместе с зеленоватым призрачным светом. Вскоре крошечный мрак скрыл шероховатые стены огромной пещеры, но солдаты, сменяя друг друга, все продолжали биться с плитой, преграждавшей им путь к свободе.

И вдруг Келкор услышал радостные крики. Густую черную тьму прорезал тоненький лучик света — злосчастный камень наконец поддался! С неожиданной легкостью он откатился в сторону и рухнул на землю. Яркие лучи солнца залили мрачную сырую пещеру. Увидев у входа какие-то

фигуры, воины замерли, выставив вперед мечи и приготовившись к схватке, — ослепленные солнцем, они не видели, что это подошли Алые Стражи. Но это длилось всего лишь мгновение, и вскоре счастливые валузийцы уже заключали друг друга в объятия.

— Келкор! — пронесся радостный крик над рядами воинов. — Келкор здесь! Он жив! Победа!

Щурясь от яркого света, командир Алых Стражей вышел из пещеры и с улыбкой окинул взглядом своих бойцов.

— Как вы меня нашли? — спросил он. — Я ведь провалился в трещину в горе, а она потом закрылась.

— Мы видели, как гора задрожала и с нее начали сыпаться камни, — ответил один из воинов. — Мы поняли: что-то случилось и сразу бросились на поиски. На вершину подняться оказалось невозможным — нескольких наших побил камнями, когда они попытались это сделать. И тогда мы пошли в обход. И вот тут, в зарослях, мы обнаружили железную решетку, а за ней плиту и поняли, что это ход внутрь горы. Нам пришлось повозиться с решеткой, но все же удалось ее открыть. Мы слышали шум и крики оттуда и приготовились к бою. А оказалось...

— Понятно, — кивнул Келкор, похлопав Алого Стража по плечу. — Вы, как всегда, оказались на высоте. Я горжусь вами!

И он был действительно счастлив и горд в этот миг, хотя в глубине души его мучила тревога — как там Кулл, жив ли он? И что сейчас происхо-

дит в Хрустальном городе, во дворце? Нет, отдыхать некогда. Скорее на помощь к своим — может, именно сейчас им угрожает смертельная опасность!

Командир Алых Стражей и не догадывался, что смерть уже раскинула свои черные крылья над всей Валузией.

* * *

— Бур-Бур, где ты? Я тебя не вижу! — кричал Брул, ослепленный яркими вспышками зеленоватого пламени. — Ломай стену! Скорее!

Услышав глухой удар, пикт понял, что с буром все в порядке и он по-прежнему готов с радостью выполнять все приказания Копьебоя, которого, по-видимому, теперь считал своим командиром. Или другом. Неизвестно, что творилось в его больном мозгу, но Брул об этом не особенно и задумывался. Главное, что Бур-Бур оказался верен ему и на него можно было положиться.

Наконец, пикт разглядел промелькнувшую рядом с ним смутную тень, и вновь послышался сильный удар о стену. Но она не поддавалась, наглухо замуравав людей в страшной светящейся тюрьме.

— Попробуй копать, Бур-Бур, — крикнул Копьебой, едва расслышав звук собственного голоса, словно тонувшего в вязкой пелене зеленоватого тумана. Кинжал советника пикт давно потерял, и ему пришлось снять нагрудный панцирь. Ухватив латы поудобнее Брул принялся рыть ими мягкую землю.

Бурус, присев на корточки рядом с ним, принялся усердно работать руками, и вскоре в стене образовалось довольно большое углубление.

— Ты! Советник! Ты там? — Бросив нагрудник, пикт забарабанил руками по стене. Не услышав ни малейшего звука в ответ, он мрачно взглянул на спутника. — По-моему, мы роем не в том месте. Попробуем в другом, пока мы здесь окончательно не замерзли!

Он встал на колени и принялся копать в другом месте, но вскоре убедился, что и здесь выхода нет. Не сдаваться, твердил себе Брул, нужно продолжать поиски. Они непременно увенчаются успехом! И Ты где-то совсем рядом, и пикты — они ведь не бросят своего командира, они, наверное, вгрызаются в землю с другой стороны и вот-вот появятся здесь. А то, что не слышно шума их приближения, и не удивительно — зеленый туман поглощает все звуки.

Неожиданно сквозь светящуюся пелену до него донеслось радостное мычание буруса, и Копьебой немедленно бросился к нему. Бур-Бур стоял на коленях у небольшого отверстия и оживленно размахивал руками. Заглянув внутрь, пикт увидел проход, но радости это у него не вызвало, — по ту сторону лаза призрачно светилось мертвенно-бледное зеленоватое пламя. Там то же самое, что и здесь! Брул в отчаянии застонал, не зная, что делать дальше. Он сел на землю, обхватив голову руками, и начал лихорадочно соображать, как лучше поступить — посмотреть, что там, или остаться здесь и продолжать искать выход.

В конце концов взяло верх обыкновенное любопытство, и Копьебой, приказав бурису следовать за ним, решительно полез в отверстие. Выбравшись наружу, пикт осторожно двинулся вдоль стены, но, не сделав и двух шагов, наткнулся на чье-то тело, лежащее на земле.

— Дарг, это ты? — Брул приподнял голову человека, казавшегося бездыханным. — Тору! Ты жив? Как ты здесь очутился?

Шпион не отвечал, но Копьебой, приложив ухо к его груди, услышал слабое биение сердца. Брул принялся быстро растирать ему виски, но вдруг мощная рука мягко, но уверенно отстранила его от Тору. Бурис, встав на колени возле потерявшего сознание мужчины, начал сильными движениями надавливать ему на грудную клетку, а затем, скинув с Тору сандалии, принялся разминать его ступни. Он трудился так усердно, что Брул даже испугался за пикта — казалось, у того вот-вот затрепчат кости. Но этого, к счастью, не случилось, напротив — шпион открыл глаза и глубоко вздохнул. Пристально взглянув на буриса, он нахмурился, а затем перевел взгляд на Копьебоя.

— Что это значит, Брул? — строго спросил он. — Почему здесь этот человек? Он же враг! Ты у них в плену? Ну ладно, раз я тебя все-таки нашел, то и спасу. Не бойся!

В первое мгновение командир пиктов опешил, изумленно глядя на согладая.

— Тору, ты что, тоже рехнулся? — наконец выдавил он хриплым шопотом. — Кто кого нашел, ты хоть понимаешь? И кто кого спас?

— Обнаружил тебя я, — сурово отрезал Тору. — Хотя бы потому, что искал. А ты меня нет. Ты даже не подозревал, что я здесь. А я, между прочим, специально проник сюда, чтобы найти тебя. И рисковал жизнью, и едва не умер, когда на меня набросились какие-то омерзительные змеи... Но вместо доброго слова тут же нарвался на грубость. Если б ты только знал, какой переполох поднялся во дворце, когда командующий оборонной исчез! И никто — заметь, никто — не полез в подземные туннели добровольно, чтобы тебя разыскать. Все, кто находятся здесь, стали жертвами коварства обезьянолюдей, и только я один, перехитрив их, пролез сюда сам. Поверь, это было не так-то легко!

— Ну ладно, ладно, — примирительно пробормотал Брул, не в силах сдержать улыбку. Слишком неожиданным после всех пережитых ужасов оказалось это самодовольное выступление лучшего из шпионов. — Ты, как всегда, блестяще проявил свои недюжинные способности. Просто герой из героев! Тогда, может быть, многомудрый Тору, тебе известно, что делать дальше? Или хотя бы как отсюда выбраться? А то мы тут совсем запутались и без твоей помощи, боюсь, не справимся.

— Мы? — подозрительно переспросил шпион, окинув улыбающегося буриса цепким взглядом с головы до ног. — Кто это — мы? Ты и этот представитель вражеского племени? Выходит, вы с ним спелись, Копьебой? Интересно получается, — голос тщедушного человечка даже зазвенел от презрения. — Не ожидал подобного от тебя, пикт. Если

бы я знал, как все обернется, не полез бы сюда спасать лучшего друга короля Валузии! Но, может, ты все-таки объяснишь, в чем дело?

— Ты сам скоро все поймешь, если не дурак, — усмехнулся Брул. — Да, между прочим, тебя-то как раз и спас этот бурус. Если бы не он, ты бы еще долго бился со змеями... И неизвестно, чем бы кончилась эта битва. Так что лучше не обижай парня — ему и так повезло куда меньше, чем нам.

Подойдя почти вплотную к Бур-Буру, Тору впился взглядом в его лицо. Бурус, до этого времени дружелюбно улыбавшийся, вдруг понял, что речь идет о нем, и, опустив голову, растерянно захлопал глазами. У него был такой виноватый вид, что Брулу стало искренне жаль гиганта.

— Все нормально, Бур-Бур. — Он ободряюще потрепал спутника по широкому плечу. — Ты молодец! Спасибо тебе, что вытащил Тору из змеиного дурмана.

— Так, я все понял, — объявил шпион и неожиданно, привстав на цыпочки, тоже похлопал своего спасителя по плечу. — Так бы сразу и сказали!

Бур-Бур радостно заулыбался и вдруг осторожно погладил огромной ручищей по голове маленького худощавого человечка, не достававшего ему даже до груди. Брул едва не прослезился, глядя на все это.

— Ладно, хватит, — проворчал он, поднимая с земли свой нагрудный панцирь. — Успеете еще выразить друг другу свое почтение. А сейчас надо поскорее выбираться отсюда. Тору, ты проявил

необыкновенные способности, проникнув сюда. Прояви-ка их еще раз, чтобы мы могли вернуться обратно! А то, знаешь, здесь как-то холодно, да и чудовища могут появиться в любой момент.

— Ты их тоже видел? — встрепенулся шпион. — Значит, мне это не приснилось...

— Еще бы! — усмехнулся Копьебой. — Ты ведь сюда не спать пришел, а меня спасать.

Пропустив насмешку мимо ушей, Тору решительно шагнул к стене и постучал по ней кулаком, затем припал к стене ухом и, закрыв глаза, внимательно прислушался. По-видимому, не расслышав ничего интересного, он разочарованно хмыкнул и демонстративно пожал плечами.

— Ну это делается не так. — Брул сделал условный знак бурусу. — Бур-Бур, покажи-ка нашему спасителю, как надо проходить сквозь стены.

Гигант с готовностью разбежался и со всего маху врезался в земляную толщу, не оставив на ней, однако, даже вмятины. Бросив виноватый взгляд на Копьебоя, он разогнался и вновь попытался пробить неподдающуюся преграду уже в другом месте, но результат оказался тем же. Не останавливаясь, он принялся снова и снова бросаться на стены, пока наконец до слуха Копьебоя не донеслось долгожданное радостное мычание. Схватив Тору за руку, Брул двинулся сквозь густой зеленоватый туман туда, откуда доносился этот ласкающий ухо звук.

Подойдя к стене, у которой с довольным видом стоял Бур-Бур, они увидели огромную трещину, в которую без труда можно было протиснуть-

ся. Но не успел Копьебой обрадоваться, как полыхнувшее оттуда зеленое пламя заставило его зажмуриться и отступить.

— Ну вот опять! — Он в отчаянии заскрежетал зубами. — Да что же это такое! Неужели этот проклятый туман наполнил все подземелье? Я уже забыл, как выглядит обычный солнечный свет! Но где же Ту? Куда подевались пикты? Где в конце концов обезьянолюди? Лучше я буду всю жизнь сражаться с ними, чем хоть еще один раз встречусь с мерзкими тварями, которые выползают из этого колдовского марева!

— От судьбы не уйдешь, — философски изрек Тору и спокойно шагнул к трещине. Он легко прошел сквозь нее, оказавшись по ту сторону стены. — Здесь ничуть не страшнее, чем там. Смелее, Копьебой!

Рассвирепев, Брул решительно протиснулся в узкое отверстие и, подойдя к шпиону, смерил его презрительным взглядом.

— Я ничего не боюсь, — зловеще прошипел он. — Просто я солдат, а не змеелов. И не фокусник, под чью дудочку пляшут эти твари. Пока я здесь прохлаждаюсь, в буквальном смысле слова, — там, наверху, идут бои. А может быть, и тут, в подземелье. И если ты еще раз...

— Да ладно тебе, дружище, — устало махнул рукой Тору. — Я все понимаю. Не горячись. Тем более что рядом с нами кто-то есть. Я это чувствую.

Бросив недоверчивый взгляд на шпиона, Брул молча двинулся вдоль стены, вглядываясь в мер-

цающую пелену. Он, как и Тору, нутром ощущал чье-то постороннее присутствие, но пока ничего подозрительного не заметил. Неожиданно сильная рука легла пикту на плечо, и Копьебой, обернувшись, увидел гиганта в меховой безрукавке.

— Ты чего, Бур-Бур? — шепотом спросил он. — Нашел кого-нибудь?

— Я не Бур-Бур, — покачал головой гигант. — И нашел тебя. Честно говоря, я рад. Одному тут страшновато и одиноко. Какие-то твари, правда, пытались скрасить мое одиночество, но мне их общество почему-то не понравилось.

— Понимаю, — сочувственно кивнул Брул. — Они ужасно навязчивы и в любой момент могут предложить пообщаться снова. Ты давно здесь скучаешь? Не пробовал искать выход?

— А как ты думаешь? — усмехнулся мужчина. — И не раз находил. Но везде оказывалось то же самое. А сюда я пролез совсем недавно, вот через эту дыру, — Он указал рукой на небольшое круглое отверстие. — Ты, я полагаю, попал сюда примерно таким же путем.

Копьебой не успел ответить, потому что в это мгновение рядом с ним из зеленоватого марева возник Тору. Внимательно посмотрев на бурса, шпион нахмурился и сунул руку за пазуху, где у него был припрятан кинжал.

— Это не Бур-Бур, — сказал он, не сводя настороженного взгляда с гиганта. — Они, конечно, очень похожи, но все же это не наш приятель. Должно быть, они братья, но это не важно. Что он тебе сказал, Брул?

— Ничего особенного,— пожал плечами Копьебой.— Сказал, что продолжим сражаться, когда выберемся отсюда. Здесь это бесполезно. Стоит нам по разочку стукнуть друг друга, как на нас тут же навалятся твари из тумана, и мы станем для них легкой добычей. Так что лучше нам не тревожить змей, а вместе попытаться найти выход отсюда.

— Разумно,— одобрительно кивнул Тору.— Он здесь один или к нам сейчас присоединится еще десятка два обезьянолюдей?

— Пока один,— многозначительно произнес бурус.— Но никогда не знаешь, что ждет тебя в следующее мгновение.

— Мы готовы к любым неожиданностям,— храбро заявил шпион.— Нас-то тут много. Правда, остальные где-то за стеной, но совсем неподалеку.

— В таком случае, нас еще больше,— рассмеялся гигант.— И они тоже совсем рядом. Но мне кажется, мы зря теряем время, рассуждая об этом. Там видно будет, кому из нас повезет, но в данный момент мы вынуждены быть вместе. Или ты что-то имеешь против, Тору?

— Откуда тебе известно мое имя? — недоуменно воскликнул шпион.

— Какая разница? — усмехнулся бурус.— Главное — чтобы ты не узнал, как зовут меня. Кстати, что это за Бур-Бура вы упоминали? Где он?

— Не смей трогать его! — В глазах Тору мелькнула тревога, и Брул с удивлением понял, что шпион, за столь малое время успел привязаться

к их лишившемуся рассудка спутнику.— Он немного.. нездоров.

— Кстати, действительно куда он подевался? — Копьебой шагнул в туман, и его голос прозвучал едва слышно.— Бур-Бур, где ты? Иди сюда!

— Пошли за ним,— Тору махнул рукой бурусу.— Его надо обязательно найти, без него мы не справимся.

Они принялись бродить в тумане, зовя Бур-Бура, но в ответ не раздавалось ни звука. Копьебой, на ощупь шаря руками по стенам, внезапно наткнулся на какую-то новую трещину, чуть короче, но шире той, через которую они пролезли сюда. Ровное зеленоватое свечение, лившееся из нее, уже не вызвало у Брула никаких чувств, кроме скуки.

— Идите сюда, здесь есть проход! — как можно громче крикнул он и, не дожидаясь спутников, начал протискиваться в лаз.

Туман здесь оказался еще более густым и плотным. Не видя ничего вокруг себя, Копьебой брел сквозь него, время от времени окликая буруса. Услышав наконец знакомое глухое мычание, Брул облегченно вздохнул. Он повернул на звук и почти сразу на кого-то наткнулся.

— Бур-Бур, что с тобой? — Пикт принялся трясти лежавшего на земле человека, но вдруг замер и, наклонившись пониже, начал всматриваться в его лицо.— Дарг! Наконец-то! Долго же тебя пришлось искать!

Рядом с ним вновь раздалось знакомое мычание, такое тоскливое, что у Брула по спине по-

ползли мурашки. Протянув руку, Копьебой нашел в мерцающей пелене плечо Бур-Бур и крепко сжал его.

— Успокойся, малыш. Что случилось? — Пикт подобрался к нему поближе и вдруг увидел, что бурус горько плачет, размазывая слезы по щекам. Пошарив в тумане, Брул нащупал рукой край меховой безрукавки. — Это твой брат, Бур-Бур? Он жив?

Бурус вдруг вскочил на ноги и с воем принялся метаться в светящемся мареве. Наклонившись поближе к лежащему человеку, Копьебой увидел его широко раскрытые застывшие глаза и понял, что тот мертв. Все лицо его было залито кровью — очевидно, раны нанес бурусу Дарг, с которым он здесь схватился. Повернувшись к командиру пиктов, Брул приподнял его голову, заглянул ему в лицо и осторожно опустил тело на землю. «Бедняга Дарг, — грустно подумал Копьебой, — ты был храбрым, но непримиримым и упрямым. Кто же отнял у тебя жизнь — бурус, нанесший тебе смертельный удар, или чудовища, из ледяных объятий которых ты так и не смог выбраться?» Тяжело вздохнув, чувствуя себя совершенно опустошенным, Брул поднялся на ноги и побрел наугад сквозь зеленый туман.

Обезьянолюди, образовав плотное полукольцо, оттеснили валузийцев почти к самому краю обрыва, когда на поле боя, словно спустившись с небес, появился король Кулл. Взяв из руки павшего воина меч, он вышел вперед, и дружный радо-

стный рев валузийцев эхом откликнулся в горах. Будто обретя новые силы, воины прекратили гибельное отступление и ринулись в яростную атаку на хвостатых противников. Кулла захватила дикая стихия боя, и он, забыв о недавних сомнениях, бросился вперед, ожесточенно рубя мечом мохнатых тварей, явно растерявшихся от столь неожиданного появления короля Валузии.

Теперь уже они оказались оттесненными к краю каменистого плато, резко обрывававшемуся над пропастью. Еще немного, и бешеная лавина валузийцев неминуемо смела бы их с обрыва, но тут словно неведомая сила толкнула вперед обезьянье воинство, и воины Кулла вновь начали отступать.

— Ты, кажется, решил, что победа близка? — внезапно где-то рядом с королем раздался знакомый насмешливый голос. — И не надейся, я же сказал, как все должно кончиться и для нас, и для вас. Вы уничтожите друг друга, а оставшихся в живых поглотит Царство Ненависти.

Быстро оглянувшись, Кулл увидел рядом с собой едва различимую светящуюся тень и в ярости закричал зубами.

— Уйди, Бур-Термир! — задыхаясь, крикнул он, продолжая яростно рубиться. — Ты больше не принадлежишь миру смертных, так что не вмешивайся в наши дела! Мы сами разберемся! Без твоей помощи.

— Несчастный упрямец! — рассмеялся призрак. — Ну что ж, не говори потом, что тебя не предупреждали. До скорой встречи!

Прозрачная тень взвилась в воздух и тут же исчезла. Не успев обрадоваться этому, король занес меч, чтобы обрушить его на ближайшего из врагов, как вдруг земля под ним словно поплыла. Кулл едва удержался на ногах; поначалу решив, что у него просто закружилась голова. Атлант замер с поднятым клинком в руках, стараясь обрести равновесие. Но земля продолжала двигаться, а затем вдруг задрожала и начала трескаться. И валузийцы и обезьянолюди валились с ног, они цеплялись за края разломов, в которые их неудержимо затягивала неведомая сила, но один за другим начали исчезать в черных раскрывшихся недрах. Кулл, как и все остальные, рухнул на камни, с невероятным трудом сумел приподняться и окинуть взглядом поле боя.

Его взору предстала ужасающая картина. Посреди множества мертвых тел барахтались уцелевшие участники сражения, отчаянно пытаясь удержаться на бешено вздымавшемся и трескавшемся каменистом плато. Валузийцы помогали друг другу, протягивая руки тем, кто проваливался в быстро расширяющиеся щели, но в результате падали туда вместе с товарищами. Обезьянолюди, дико визжа, прыгали между разломами; цепляясь за сородичей длинными хвостами, они старались образовать непрерывную живую цепь, но она каждое мгновение рвалась, когда какое-нибудь из мохнатых существ исчезало в очередной бездонной яме.

Увидев, как почва треснула прямо под лежащим рядом с ним латником, Кулл, не раздумывая,

вая, схватил его за руку и изо всех сил стал тащить на себя. Он чувствовал, что воина неудержимо тянет вниз, и понимал, что и сам сейчас провалится в недра земли, но отпустить руку солдата не мог. Это был его солдат, его подданный, который с радостью отдал бы свою жизнь за короля. А Кулл всегда считал, что его долг и судьба — защищать своих людей до последнего мгновения.

Он продолжал удерживать латника, не давая ему скрыться в беспрерывно растущей трещине. Мышцы на могучих руках атланта вздулись, лицо заливал горячий пот, но Кулл не сдавался. Он всегда боролся до конца, поэтому и теперь, осознавая бесполезность своих усилий, все же не отступал. Ему почти удалось наполовину вытащить воина из ямы, как вдруг огромная щель расколола землю прямо под ними, и Кулл, не успев ни за что уцепиться, стремительно полетел в черную дыру.

Его словно подхватил и понес невидимый воздушный поток. Все мелькало перед глазами — и бледные лица его воинов, и обезумевшие от ужаса глаза обезьянолюдей, и яркие вспышки зеленоватого пламени. Что будет дальше, король уже знал, но его люди еще не догадывались, что их ждет испытание пострашнее, чем схватка с хвостатыми. Их надо предупредить, чтобы не пытались бороться с тенями и призраками, стучало в голову у атланта. Они должны просто держаться вместе, крепко взявшись за руки, не позволяя товарищам свалиться под бременем кошмарных видений.

А страшное подземное царство уже распахнуло свои кровавадные объятия, в которые один за другим попадали как валузицы, так и обезьянолюди. Отблески зеленого пламени зловеще играли на мечах королевских воинов — валузийцы яростно рубили воздух, уже попав в плен жутких иллюзий. Кинувшись к ближайшему из них, Кулл вырвал у него меч и с силой встряхнул солдата, но тот, ничего не замечая, продолжал бросаться на воображаемых врагов, молотя их кулаками. Наконец, обессилев он рухнул на землю и, неестественно скрючившись, застыл. Взглянув на остальных, король едва не отчаялся — его солдаты вели себя, как безумцы, сражаясь с призраками до полного изнеможения, и падали на землю один за другим.

Обезьянолюди, напротив, и не пытались биться — дико визжа, они расползались в разные стороны, закрывая голову мохнатыми руками. Слово побитые собаки, подумал вдруг Кулл и вновь повернулся к своим воинам. Большинство уже лежало на земле, а те, кто еще держался на ногах, теперь походили на безумцев, — пошатываясь, они неуверенно бродили в сгущающемся зеленоватом тумане, натываясь на товарищей. Из груди атланта вырвался стон отчаяния.

Неужели Бур-Термир оказался прав? Нет, Кулл все еще не хотел признавать этого. Он взглянул наверх в надежде увидеть небо, но беспощадная светящаяся пелена поглотила все вокруг. Перед глазами атланта замелькали неясные тени, и он, чувствуя, что силы покидают его, устало сомк-

нул веки. Короля начало охватывать полное безразличие ко всему, что происходит вокруг, и он стал медленно опускаться на землю, но невероятным усилием воли заставил себя вновь подняться и сделать шаг вперед: «Не останавливаться. Не спать, иначе я никогда не проснусь. А это — бесславная смерть. Ведь я же воин, полководец, и мне суждено погибнуть только в бою. И моим солдатам тоже. Они не останутся здесь, пусть не надеется Бур-Термир! Они не станут легкой добычей призраков, и Царство Ненависти не отнимет их у меня! За мной, мои воины! Вставайте!»

Вставайте! Отчаянный призыв, рвавшийся из его груди, казалось, мог разрушить гору, в раскрывшееся чрево которой угодили валузийцы. Этот беззвучный приказ мог поднять на земле ураган, который развеял бы, как песчинки, всех врагов, снес все преграды на пути короля и его воинов.

И земля задрожала, зашаталась стены подземелья, и люди стали подниматься. Они с удивлением озирались и, видя скорчившихся на земле товарищей, помогали им встать на ноги. Не всех удалось вернуть к жизни — некоторые так и остались лежать, сжимая в руках мечи, но их оказалось немного. Зеленый туман как будто слегка рассеялся, и Кулл, внимательно осмотрев своих воинов, с облегчением убедился, что самое страшное осталось позади. Ободряюще улыбнувшись, он взглянул туда, где недавно в панике метались и ползали обезьянолюди. Но их не было — ни одного, — они словно растворились в мерцающем све-

те, и королю на мгновение подумалось, что они ему просто привиделись. Реальны ли мохнатые нелюди на самом деле или все, что произошло с Куллом за последние дни, лишь плод его воображения? Атлант закрыл глаза и встряхнул головой, стараясь сосредоточиться и рассуждать спокойно.

Нет, хвостатые все-таки существовали в мире смертных. И их вожди, бурусы, тоже! С одним из них Кулл даже знаком — это Бур-Термир, ставший теперь призрачной тенью. И вдруг, словно в подтверждение его мыслей, раздался знакомый голос, прозвучавший спокойно и насмешливо:

— Ну что, король Кулл, теперь ты убедился, что я прав? — Из тумана возник неясный размытый образ, который постепенно уплотнялся, приобретая все более определенные очертания и вскоре перед атлантом предстал улыбающийся призрак. — А ты сомневался, упрямец! Теперь вы все останетесь здесь навечно, и у тебя еще есть время подумать и согласиться со мной. Правда, немного времени. Царство Ненависти всколыхнулось — слишком сильно его растревожили, и теперь вы у него в вечном плену, нравится тебе это или нет.

— Напрасно ты радуешься, — усмехнулся Кулл. — Со мной и моими воинами все в порядке, да ты и сам это видишь. Позаботься лучше о своих хвостатых друзьях — похоже, они утонули в проклятом тумане.

— Вот о них-то как раз беспокоиться нечего, — язвительно рассмеялся призрак, глядя на атланта снисходительно, как наставник на несмышле-

ного ученика. — Их разум и душа по сравнению с людскими находятся в зачаточном состоянии. Им неведомо большинство человеческих чувств. У них нет воображения, и никакие видения моих хвостатых друзей, как ты выразился, не мучают. Они просто немного испугались, поэтому и убежали отсюда.

— Убежали? — Кулл недоверчиво взглянул на Бур-Термира, затем огляделся по сторонам. — Куда? Здесь есть другие пещеры?

— Множество. Мы прорыли тут целый подземный город. А может, даже целую страну. Знаешь, за тысячу лет у нас было достаточно времени и сил для этого. Бурусы жили в лесах, но уходили и скрывались в подземельях, когда появлялись чужие племена. Мы не хотели ни с кем сражаться, но не потому, что боялись или чувствовали, что недостаточно сильны. Просто берегли силы для войны с вами. — Бурус перестал улыбаться, лицо его помрачнело. — Но не достигли своей цели. Бурусы не вернутся в свою страну, но и вы больше не будете топтать нашу благословенную землю. Пусть все получилось не так, как мы себе представляли, но все же главного наш народ добился — мы вам жестоко отомстили.

— Я вижу, ты даже за Вратами Смерти не помнил, — устало махнул рукой Кулл. — Царство Ненависти ничего не сможет с нами поделать. Ты сам убил себя, Бур-Термир. А теперь размышляешь, что и валузийцы поступят точно так же. Но этого не будет. Никогда. Когда же твоя душа наконец успокоится?

— Когда никого из вас не останется в живых, — прошелестел призрак, растворяясь в зеленом тумане. — И это будет очень скоро.

Он исчез, а король, оглядевшись, увидел, что его со всех сторон окружает плотная толпа воинов. Они молча смотрели на него, не решаясь подойти ближе, и лишь один из них, командир легкой кавалерии Талит, шагнул наконец к Куллу.

— С вами все в порядке, Ваше Величество? — пряча глаза, осторожно спросил он. — Вы сейчас с кем-то разговаривали, и я подумал...

— Ты подумал, что я спятил и беседую с призраками? — усмехнулся король, похлопав взволнованного латника по плечу. — Все нормально, мой друг. Я действительно разговаривал с призраком, но можешь не сомневаться — я в своем уме. Воины! — громко обратился он к валузийцам. — Из этой пещеры есть выход, через него ушли обезьянолюди. Надо найти его и выбраться наружу. Будьте осторожны — кругом враги!

Напряженное молчание сменилось радостным гулом. Возбужденные люди разбрелись во все концы необъятной пещеры искать выход, а Кулл остался вдвоем с Талитом. Командир кавалеристов выжидательно смотрел на короля, по-видимому, все еще не зная, как отнестись к его приказу.

— Талит, послушай меня внимательно. — Король вложил в ножны меч, который до сих пор сжимал в руке. — Вы только что столкнулись с первым испытанием, которое преподнесла эта пещера. Но я уверен, что оно не последнее, и вы должны быть готовы к любым неожиданностям.

Посмотри, сколько наших воинов осталось лежать здесь, в этой пещере, а таких пещер здесь множество. И я не хочу, чтобы в каждой из них оставались валузийцы. Твои солдаты не должны больше сражаться с призрачными видениями. Они должны взяться за руки и держаться вместе. Ты меня понял, Талит?

— Да, мой король, — кивнул командир кавалеристов, хотя его продолжали грызть сомнения. — А что это за призрак, с которым вы разговаривали?

«Значит, кроме меня, Бур-Термира никто не видит, — понял атлант. Он не хотел ничего объяснять, да, наверное, и не смог бы. Какие-то странные нити судьбы связали его с непримиримым врагом Валузии, какое-то тягостное смутение поселилось с тех пор в душе короля. — И призрачная тень буруса, наверное, долго не оставит меня в покое».

— Я думаю, ты и сам недавно столкнулся здесь с призраками, — вслух сказал он. — И надеюсь, понял, как надо вести себя с ними.

— Думаю, да. — Талит опустил руку с рукоятки своего меча и огляделся. — Я понял вас, Ваше Величество.

— Ладно, пойдем, — кивнул Кулл. — Кажется, солдаты что-то нашли.

Он быстрым шагом направился в дальний конец пещеры, где оживленно разговаривая и возбужденно размахивая руками, собралась целая толпа валузийцев. Подойдя ближе, король увидел огромный пролом в стене, из которого веяло ле-

дяным холодом и мелькали отблески зеленоватого пламени.

— Там то же самое, что и здесь, — сказал седой ветеран-латник. — Но стоит пойти и разведать — тут-то уж точно нам нечего делать.

— Вперед! — коротко приказал король.

Воины, держа мечи наготове, ринулись в пролом. Некоторые из них закрывали глаза руками и падали на землю, корчась в судорогах, но большинство уверенно шло вперед. Выставив руку с мечом вперед, Кулл шагнул вслед за ними — он уже не боялся ни ледяного холода, ни омерзительных тварей, выныривающих из тумана, ни своих собственных ощущений. «Мы победим, — твердил он себе. — Мы не жили, веками лелея в себе лишь ненависть, поэтому Царство ее бессильно против нас».

Сначала он увидел только какие-то смутно мелькающие тени и, приняв их за видения, крикнул солдатам, чтобы они не пытались вступить в бой, а продвигались дальше, держась за руки. Но внезапно, едва не столкнувшись с появившимся из полумрака человеком, король понял, что это реальные люди, а не бесплотные призраки.

Бурусы! Да, несомненно, это они — высокие, мускулистые, загорелые, одетые все, как один, в меховые безрукавки и кожаные штаны до колена. Их было много — примерно столько же, сколько и валузийцев, — и Кулл решил, что схватки, видимо, не миновать. Но если так, то живым отсюда уж точно никто не выберется. Значит, Бур-Термир не зря пророчил им всем печальный ко-

нец. Ну что ж, не страшно погибнуть в бою — и не с какими-то мерзкими светящимися тварями, а с реальным и вполне достойным противником. И, выхватив меч, атлант приготовился к бою.

— Король Кулл! — прозвучал рядом с ним резкий хрипловатый голос. — Долго же я ждал встречи с тобой, хотя и представлял, что она произойдет совсем при других обстоятельствах.

— Кто ты? — спросил атлант, вглядываясь в едва различимое в мерцающей пелене лицо буруса. Человек в меховой безрукавке неудовимо походил на Бур-Термира, но выглядел намного старше.

— Я Бур-Калет-Гир, верховный властитель бурусов, — немного помолчав, ответил тот, затем обернулся и что-то крикнул.

Один за другим бурусы начали появляться из полумрака, строясь плотными рядами за спиной своего повелителя. Ближе всех стояли несколько очень похожих друг на друга молодых людей — видимо, братья Бур-Термира, решил Кулл. Валузийские воины замерли в ожидании атаки, нетерпеливо поглядывая на своего короля, но атлант поднял вверх сжатую в кулак руку, приказывая не двигаться с места.

— А это мои сыновья. — Верховный властитель бурусов указал рукой на троих братьев, стоявших плечом к плечу с непроницаемо-суровыми лицами. — Их всего девять, а теперь уж не знаю, сколько осталось в живых. Но мы никогда не боялись смерти, Кулл, и я не жалею, что мои сыновья отдали жизнь за наш народ.

— Ты собираешься принести в жертву ненависти и остальных? — мрачно промолвил атлант. — Тогда чего же ты ждешь? Если сейчас мы вступим в бой, то в живых никого не останется, и ты это знаешь не хуже меня, — ведь и мы, и вы будем сражаться во владениях Царства Ненависти. Валузийцы тоже не боятся смерти, но одно дело — погибнуть в честном бою, и совсем другое — умереть от собственного безумия, как это сделал один из твоих сыновей, Бур-Термир.

Лицо Бур-Калет-Гира по-прежнему оставалось непроницаемым, но правая рука судорожно сжалась в кулак.

— У нас нет выбора, Кулл, — наконец глухо произнес он. — Я согласен принять любую смерть, если буду уверен, что и тебе от нее никуда не деться.

— А если нет? — Кулл решительно вложил в ножны меч и спокойно скрестил руки на груди. — Если я скажу тебе, что прошел уже через все испытания Царства Ненависти и понял, что оно бессильно против меня? Мы попали в его преддверие вдвоем с твоим сыном, Бур-Термиром, и он умер у меня на руках, корчась в судорогах, хотя я не причинил ему никакого вреда. Он сам сжег себя в огне ненависти, а я, как видишь, остался жив. Что ты на это скажешь?

— А то, что ничего у тебя не выйдет, — усмехнулся верховный властитель бурусов. — Мы легко могли победить вас, но ты прав — мы в чужом владении, которое диктует нам свои законы. Поэтому сейчас против вас сражаться будут наши

бур-асары, которые так же неуязвимы против смертоносной силы Царства Ненависти, как и ты, храбрец Кулл.

— И где же твои непобедимые хвостатые воины? — усмехнулся в ответ король. — Я видел, как они в страхе разбежались, и с тех пор их и след простыл.

— Не беспокойся, они неподалеку. — Бур-Калет-Гир обернулся к своим сыновьям и что-то тихо приказал им, после чего все трое молча исчезли в тумане. — Мои бур-асары просто немного испугались холода, вот, все. Но их безграничная преданность нам, надеюсь, позволит им не замечать его.

Взглянув на своих воинов, Кулл понял, что они полны решимости вступить в этот, может быть, последний для них бой. Он подал им знак приготовиться и, положив руку на рукоять меча, вновь обернулся в сторону верховного властителя бурусов.

Но его на прежнем месте не было, как не было и остальных бурусов. Вместо них теперь из тумана одна за другой выплывали оскаленные ухмыляющиеся морды обезьянолюдей.

— Ты трус, Бур-Калет-Гир! — крикнул атлант, выхватив из ножен клинок и с шумом рассекая им густой влажный воздух. — Я думал, ты сочтешь за честь помериться силой с самим королем Валузии, но ты предпочел трусливо спрятаться за спины своих мохнатых нелюдей, уступив эту честь обезьяне! Так вот, знай — теперь мы не сотрем из нашей памяти имя бурусов, но отныне и

навсегда имя их верховного властителя будет предано позору!

— Не горячись, Кулл,— раздался где-то рядом знакомый голос Бур-Термира, и атлант почувствовал его легкое неуловимое прикосновение.— Ты же сам говорил, что Царство Ненависти бессильно против тебя, а вот мой отец может сгореть в его ледяном пламени, даже не успев вступить с тобой в бой. Согласись, вы оказались в неравных условиях, а это несправедливо. А вот, если ты сумеешь выбраться отсюда живым, то отец найдет тебя где угодно. Вот тогда и меряйся с ним силой, а сейчас просто постарайся уцелеть.

— Ты предлагаешь мне сбежать с поля боя? — взревел от негодования Кулл.— В который раз говорю тебе, Бур-Термир, убирайся отсюда и не вмешивайся больше в дела живых!

Волна ярости так захлестнула его, что атлант больше не чувствовал ледяного холода, из-за которого онемевшие руки едва удерживали меч. Издав боевой клич, он бросился вперед, с ужасающим хрустом раскроив череп метнувшемуся к нему обезьяночеловеку. Второй, вынырнувший из тумана сбоку, мгновенно лишился головы, когда широкий клинок со свистом опустился на его шею. Кулл рубил и колот, не делая передышки ни на мгновение, зная, что необходимо выиграть время, пока темные силы Царства Ненависти вновь не зашевелились.

Обезьянолюди были напуганы все же куда больше, чем уверял их верховный властитель, и хотя они продолжали ухмыляться и угрожающе

скалить огромные зубы, атлант отчетливо видел страх в их вытаращенных глазах. «Теперь, наверное, справиться с ними будет легче,— мелькнуло в голове Кулла,— ведь страх — не помощник бою, а лишь помеха».

Но, взглянув на своих воинов, он увидел, что многие из них уже лежат на земле, а некоторые, словно ничего не видя вокруг себя, кружат на месте, беспорядочно размахивая мечами. Заметив легкую добычу, к ним тотчас бросалось несколько бур-асаров, набрасывая хвосты на шеи валузийцев и сбивая их с ног.

— Талит! — в отчаянии крикнул Кулл, ища глазами командира легкой кавалерии.— Скорее к ним! Заставь их взяться за руки, пока хвостатые не передушили их, как слепых щенят!

Но Талит не откликнулся, и, заметив на земле его распростертое тело, король понял, что надежда на победу становится все более и более призрачной. В ярости скрипнув зубами, он выхватил из мертвой руки командира конников длинный меч и вдруг неожиданно для себя крикнул громовым голосом:

— Тра катриам хе но!

Бешено размахивая обоими мечами, Кулл бросился вперед, круша обезьянолюдей, которые, услышав этот клич, дико завизжали и плотной массой начали наступать на короля Валузии, словно забыв обо всех остальных, с кем они только что сражались. Атлант оказался в кольце, сжимавшемся с каждым мгновением, но это не испугало его, а лишь придало новых сил. Оба клинка свер-

кали в воздухе с такой силой и скоростью, что те немногие из хвостатых, что осмеливались сунуться чуть ближе, тут же, обливаясь кровью, бездыханными падали на землю. Но мохнатые противники не отступали — по-видимому, та фраза, что выкрикнул Кулл на незнакомом ему языке и которой привлек к себе едва ли не всех хвостатых, стремясь спасти своих борющихся с видениями воинов, зажгла в сердцах обезьянолюдей такую звериную ярость, что уже никакая сила не могла их остановить. Должно быть, их специально натравливали на добычу, как голодных псов, и они набрасывались на нее, едва слышали эти слова, успел подумать атлант, но в этот момент мощный длинный хвост обвил его шею, и в глазах у короля потемнело. Собрав все свои силы, он ударил мечом по мохнатой удавке, но едва почувствовал, что свободен, как несколько других живых канатов захлестнули его руки и ноги. Отчаянно вырываясь из опутавших его уз, Кулл продолжал рубить врагов, но силы оказались слишком не равны.

«Мои воины — они помогут мне! — билось в мозгу атланта. — Надо продержаться немного! Еще немного...»

Обезьянолюди дико хохотали и бесновались, празднуя победу, но атлант и не собирался сдаваться. Поняв, что мечом взмахнуть не удастся, он наугад ткнул рукоятью в чью-то оскаленную рожу, с радостью услышав хруст зубов и глухой стон боли. Озверев, мохнатое существо сцепило на горле Кулла железные пальцы, но в это мгнове-

ние раздался такой ужасающий грохот, что все замерли в оцепенении. Земля под ногами задрожала, стены начали рушиться, а вся пещера наполнилась нестерпимо ярким зеленоватым светом. Дико завыв, обезьянолюди в панике стали разбегаться в разные стороны, а Кулл, едва не рухнув на землю от очередного сильного толчка, все же удержался на ногах и огляделся. В пещере творилось что-то невообразимое — одна за другой, словно картонные домики, падали мощные каменные стены, блуждающие зеленые огни сплелись в один бешено вращающийся хоровод, из которого прямо на атланта смотрели холодные глаза Ненависти.

— Ты ничего не сделаешь мне! — крикнул Кулл, ощущая удивительное спокойствие. — Я никогда не был твоим рабом, не стану и твоей добычей! От твоего взора рушатся горы, но я — человек — атлант — король Валузии — даже не дрогну перед ним!

Он гордо вскинул голову и хрипло рассмеялся, не отводя взгляда от ледяных глаз. Это длилось, возможно, целую вечность — а может быть, всего лишь мгновение, но горящие мертвенным пламенем очи вдруг стали меркнуть и растворяться в хороводе угасающих зеленых огней.

* * *

— Пойдем, Бур-Бур, — устало сказал Брул, положив руку на плечо своему вздрагивающему от рыданий спутнику. — Мы все равно не вернем их к жизни, а вот живым еще сможем помочь.

Взглянув в последний раз на лежащее на земле тело Дарга, пикт огляделся, с удивлением заметив, что зеленый туман почти рассеялся и ледяной холод отступил. Слабое зеленоватое свечение еще позволяло видеть в сгущающейся тьме, но оно постепенно угасало, и Копьебой решил поторопиться. Пройдя вдоль земляной стены, он обнаружил в ней аккуратно вырытый ход высотой в человеческий рост, заглянув в который, убедился, что это обычный туннель, каких в подземелье было немало. Где-то вдалеке горел факел, и его отблески неровными пятнами ложились на стену подземного хода, освещая дорогу.

— Бур-Бур, иди скорее сюда! — позвал пикт, вглядываясь в глубину туннеля. — Кажется, наконец-то я нашел нормальный проход, и нам больше не придется использовать тебя в качестве тарана для стен.

Услышав рядом с собой горестные невнятные причитания, Брул не оглядываясь, двинулся вдоль туннеля, чутко прислушиваясь к малейшим звукам. Бур-Бур покорно пошел вслед за ним, продолжая всхлипывать и бормотать, как вдруг Копьебой резко обернулся и приложил палец к губам.

— Тихо! Там кто-то есть, — еле слышно прошептал он. — И, судя по гортанным крикам, это твои хвостатые прислужники. Мы друзья, Бур-Бур?

Пикт знаками пояснил свой вопрос, и бурус, перестав сдавленно рыдать, радостно закивал головой. Крепко сжав его руку, Брул провел своего

неожиданно преданного друга в конец туннеля, где из-за поворота голоса звучали уже совсем отчетливо. Несомненно, это были обезьянолюди — они глухо переговаривались между собой, и в голосах их звучала явная тревога. Теперь надо было пройти мимо них, но поможет ли в этом Бур-Бур — неизвестно. А что, если он все вспомнит и из друга вновь превратится в врага? Рисковать, конечно, опасно, но и медлить нельзя. Копьебой решительно повернулся к бурусу.

— Теперь ты пойдешь вперед, Бур-Бур, а я посмотрю, что будет дальше, — жестами объяснил пикт и легонько подтолкнул гиганта за поворот. — Иди и ничего не бойся!

Бур-Бур кивнул и бесшумной походкой двинулся по коридору, а Брул легкой тенью скользнул вслед за ним. Он увидел, как бурус свернул в один из боковых проходов. Заглянув за угол, Копьебой сначала не поверил своим глазам, — в отсеке, надежно отгороженном толстой железной решеткой, металось десятка два-три хвостатых. Они царапали руками стены, вгрызались в них зубами, но те не поддавались — очевидно, в этом месте земля была слишком твердой. А может быть, стены были укреплены специально для содержания в этой темнице слишком уж буйных узников. Но кто же их запер? Их повелители бурусы или проникшие в подземелье валузийцы? Возможно, Кулл уже здесь! Может быть, старому Ту и пиктам удалось перехитрить бур-асаров и заманить их в ловушку? Брул облегченно вздохнул — как бы то ни было, а путь все же оказался

свободен, и Копьебой, уже не прячась, решительно шагнул вперед.

Увидев Бур-Бура, обезьянолюди радостно заурчали и приникли к решетке, протягивая к нему свои длинные мохнатые руки. Но, заметив за его спиной представителя вражеского народа, они сначала притихли, а затем начали оживленно жестикулировать, словно предупреждая буруса о приближающейся к нему опасности.

И тут Бур-Бур повел себя неожиданно. Повернувшись к Брулу, он похлопал его по плечу, как будто давал понять хвостатым приспешникам, что это свой, а затем подошел к решетке и начал отодвигать довольно хитроумно устроенный засов. Метнувшись к нему, словно дикая кошка, пикт едва не сбил гиганта с ног, но тут же был отброшен в сторону мощным ударом. Такой неожиданный поворот событий Брула совсем не устраивал — вот-вот на волю вырвется целая толпа мохнатых тварей, которые, несмотря на все заверения безумца Бур-Бура, что это друг, тут же разорвет Копьебоя на куски.

— Бур-Бур! — в отчаянии крикнул он, с ужасом видя, что его неразумный друг почти справился с засовом. — Иди сюда! Мне нужна твоя помощь!

Но бурус лишь радостно замычал в ответ, всем видом показывая, что все будет хорошо — все живы, все сейчас обнимутся и пойдут бродить по бесконечным лабиринтам в поисках новых друзей.

— Вот глупец! — в сердцах крикнул Копьебой, отступая в глубину подземного хода. — Нельзя же

до такой степени сходить с ума, чтобы во всех окружающих видеть только друзей! Хотя, может быть, ты в чем-то и прав, Бур-Бур!

Но философствовать пикту было некогда, и он, повернувшись, пустился наутек по туннелю, ведущему его обратно в отсек, где лежали тела Дарга и одного из бурусов-близнецов. Может быть, там есть еще один выход!

Брул ворвался в мрачное помещение и тут же едва не упал, споткнувшись о лежащее на земле тело. меховая безрукавка! Еще не вполне представляя себе, что будет дальше делать, пикт стремительно стянул свою порядком изорванную одежду. Вслушиваясь в нарастающий гул голосов и топот ног, он так же поспешно стащил с мертвеца безрукавку и натянул ее на себя. Оставалось только одеть покойника в лохмотья пикта и оттащить куда-нибудь подальше, но времени на это не оставалось, и Копьебой лишь накинул на труп свои тряпки, слегка прикрыв лицо, чтобы нельзя было сразу узнать буруса.

Он рванулся к противоположной стене, ища хоть какую-нибудь щель, как вдруг увидел такой же аккуратно прорытый ход, как и тот, через который он только что ворвался сюда. Почти не веря в удачу, пикт помчался по узкому, едва освещаемому туннелю, уже не боясь ничего, — теперь он сошел бы за своего как среди бурусов, так и среди валузийцев. Свой известный всем в Валузии браслет с изображением дракона он никогда не снимал. Навстречу никто не попадался, и Брул, не останавливаясь, бежал и бежал вперед, к сво-

ему удивлению, совсем не слыша звуков погони за спиной.

Впрочем, он уже давно перестал чему-либо удивляться. Еще недавно рядом с ним был шпион Торугу, самодовольно заявлявший, что это он нашел Копьебоя, и еще один из близнецов-бурусов, проявивший невиданное благоразумие, не затеяв бессмысленную драку здесь, где каждое мгновение может все рухнуть. И где же они сейчас? Растворились в жутких дебрях зеленого тумана или отправились искать Брула и Бур-Бура по бесчисленным закоулкам и туннелям подземелья?

Некогда, некогда думать и без конца бродить вслепую, натываясь на каждом шагу на знакомых и незнакомых, на живых и мертвых, теперь надо мчаться изо всех сил и во что бы то ни стало найти путь наверх, где оставшиеся без командующего защитники дворца сейчас, возможно, бьются из последних сил... Знать бы, знать бы, что там происходит!

Копьебой свернул в один из боковых туннелей, полностью погруженный во мрак, — теперь он видел каким-то другим зрением, и ему не нужны были ни тусклые факелы, ни зеленоватые отблески. Он летел, не чуя ног, ясно различая перед собой только одну цель — выбраться наверх, попасть во дворец, который король доверил защищать ему, Копьебою. А он не смог.

Добежав до очередного поворота, Брул резко остановился, услышав доносившиеся откуда-то голоса. Он прислушался, стараясь понять, кто это — свои или враги, но голоса звучали так глу-

хо, что он ничего разобрать так и не смог. Окончательно потеряв терпение, пикт ринулся вперед, решив, что отступать все равно больше некуда.

И едва не закричал от радости, столкнувшись прямо за поворотом с советником Ту. Он даже не сразу понял, почему старик не разделил его восторга, и лишь ощутив резкий удар в челюсть, догадался, что его не узнали.

— Ту! Да это же я, Брул! — простонал он и тут же едва не потерял сознание от следующего, куда более сильного удара по голове. С трудом удержавшись на ногах, Копьебой отскочил в сторону и принял боевую стойку. Он прекрасно осознавал всю нелепость ситуации, но поделать ничего не мог — на него набросилась целая толпа пиктов, командиром которых, по-видимому, теперь стал старый вельможа. Он-то и руководил дракой, в полумраке приняв воинов Брула за отряд бурусов, выскочивших из-за угла. Нанеся первый удар, советник отскочил немного в сторону, наблюдая за ходом сражения, как вдруг человек в меховой безрукавке, отшвырнув сразу нескольких пиктов, метнулся к старику.

— Ты спятил, Ту? — крикнул он, потрянув перед дворца за грязный воротник и выставив вперед предплечье с известным браслетом. — С каких пор ты стал распускать руки, не проверив, кто перед тобой?

— Брул! Ты?! — искренне удивился советник, всплеснув руками. — Я бы никогда не подумал... Ты так похож на буруса! Правда, я плохо вижу в

темноте. Ребята, это же Брул Копьебой! Слава Богам!

Опешив от изумления, пикты мгновение молчали, а затем с радостными криками бросились к своему командиру, хлопая его по плечам и пожимая руки.

— Да ладно,— устало отмахивался Копьебой.— Я знал, что меня можно принять за буруса. Хорошо, хоть не убили. Однако ты не по возрасту силен, Главный советник.— Теперь он уже не скрывал своей радости.— Кто бы мог подумать!

И оба засмеялись, впервые за долгое время ощутив удивительное спокойствие, пришедшее на смену бесконечным метаниям и ужасам, преследовавшим их в изнурительных странствиях по кошмарному подземелью.

— А где Бур-Бур? — вдруг спохватился Ту, оглядываясь по сторонам.— Вы же были с ним вместе! С ним что-то случилось?

— Мы потерялись в тумане,— проговорил Брул.— Я уже начал забывать, с кем тут постоянно встречаюсь и расстаюсь. Эта зеленая дрянь поглощает все — даже обычные человеческие чувства, и я теперь не всегда знаю, с кем имею дело — с другом или врагом.

— Понимаю,— кивнул старик, и его длинное лицо погрузнело, он замолчал думая о чем-то своем.

— Между прочим, где-то здесь я встретил Тору,— продолжал пикт,— и вскоре снова его потерял. А еще к нам присоединился один бурус, который тоже запутался в этом подземном царстве.

и благоразумно решил, что на время мы можем забыть о наших распрях. Он тоже пропал... Ту, ты пытался найти выход наверх?

В ответ советник лишь вздохнул и развел руками.

— Мы решили просто идти вперед,— ответил за него один из пиктов.— Во-первых, нам надо найти нашего командира, Дарга. Когда мы попали сюда, он спас всех нас, заманив обезьян в ловушку. Мы затолкали их в тюрьму и задвинули решетку, а потом бросились искать наверх. Потом... не помню... Ничего не помню.

— Значит, это вы упрятали хвостатых в приготовленную для вас темницу? — воскликнул Брул.— Так вот, наш друг Бур-Бур их оттуда высвободил, и в любой момент они могут появиться у нас перед носом. А Дарг... Он погиб.

Пикты не проронили ни слова. О том, что каждый из них произнес в душе, Копьебой догадывался.

Отвернувшись в сторону, он молчал несколько мгновений, затем негромко скомандовал:

— Вперед! — и не оглядываясь, двинулся по темному туннелю.

* * *

— Кулл!

Атлант зажмурился и стиснул зубы. Голос, произнесший его имя, прозвучал совсем близко и был таким знакомым и родным, что поверить в то, что это происходит на самом деле было просто невозможно.

Вместе со своими воинами король долго бродил по бесконечным лабиринтам, зная, что рано или поздно они найдут выход наверх. Может быть, где-то за очередным поворотом его подстерегают бурусы или хвостатые бур-асары, и сейчас, не успев передохнуть, валузийцы вновь вступят в смертельную схватку с врагом... Кулл был к этому готов и, сжимая в руке меч, уверенно продвигался вперед. Он знал — самое страшное осталось позади. Царство Ненависти окончательно отступило перед ним, а все остальное казалось ему простым и будничным — подумаешь, еще пара-другая стычек с бурусами и все! Домой с победой!

И вдруг, услышав этот до боли знакомый голос, король ощутил предательскую дрожь в коленях. Перед ним стоял человек в меховой безрукавке, черты лица которого было невозможно различить в темноте, но одно атлант видел отчетливо — его улыбку.

— Кулл! — повторил загадочный незнакомец. — Как я рад тебя видеть! Как долго я тебя искал!

«Значит, призраки не ушли, — с тоской подумал король. — А жаль — у меня больше нет сил с ними бороться. Они все какие-то разные — сначала этот навязчивый Бур-Гермир, а теперь этот... с голосом Брула. Может, попробовать ткнуть его мечом?»

Зная, что ушедшие из мира смертных не боятся удара меча, он все же сделал резкий выпад, целясь острием клинка в горло стоявшего перед ним человека, но тот, с неожиданным проворством отскочив в сторону, удивленно воскликнул:

— Да что вы все, сговорились? Сначала уважаемый советник заехал мне в морду так, что зубы до сих пор болят. А теперь лучший друг пытается проткнуть мне глотку! Если б я знал, сколько радостей доставит мне эта меховая безрукавка, я бы никогда... Кулл, да что с тобой?

Копьебой метнулся к смертельно побледневшему атланту и успел подхватить его прежде, чем тот рухнул на землю.

— Брул... Я знал... — губы Кулла едва шевелились, но пикт понял все, что хотел сказать король.

— Все будет хорошо, поверь. Мы победили. — Брул понимал, что друг не слышит его, но продолжал что-то говорить. Их со всех сторон обступили валузийцы, и тогда Копьебой, взвалив Кулла на плечо, поднялся и сделал шаг вперед.

— Он просто устал. — Голос пикта прозвучал негромко, но его слышали все. — Сейчас мы вернемся домой, и все пройдет, как страшный сон. Король Кулл с нами!

— Король Кулл с нами! — эхом прокатился по подземелью гул множества голосов.

Несколько рук протянулись к Брулу, чтобы помочь ему, но он мягко отстранил их. Легко и спокойно, будто не чувствуя тяжести своей ноши, он пошел вперед, а за ним двинулись притихшие валузийские воины, словно зная, что теперь и правда все позади, и они возвращаются домой с победой.

И лишь услышав за поворотом гортанные звуки, они вспомнили, что до полной победы еще, наверное, далеко, а враги здесь могут попасться на

каждом шагу. Обнажив мечи, солдаты изготовились к бою, но тут из-за угла выскочил невысокий худощавый человек в мягких кожаных сандалиях и, приветливо взмахнув рукой, важно произнес:

— Я так и знал! — Шпиона Тору прямо-таки распирало от гордости. — Вот теперь я действительно нашел здесь всех! Ну Брул — это понятно, он тут все время пугался у меня под ногами. А вот сам король Кулл — это для меня, надо сказать, большая удача! Надеюсь, он со временем оценит мои заслуги по достоинству.

В ответ Копьебой лишь удостоил его взглядом, но таким свирепым, что любой другой, наверное, провалился бы сквозь землю. Но не таков был лучший из шпионов.

— Посмотри-ка, Брул, сколько пленных я с собой привел! — И Тору величественно кивнул в сторону толпившихся за его спиной обезьянолюдей. Десятка два хвостатых, понуро опустив головы, изредка бросали робкие взгляды на валузийцев, всем своим видом выражая смирение и покорность. — А ты еще смел насмехаться надо мной!

Брул молчал.

В другой раз он бы не упустил случая снова подшутить над Тору и уж во всяком случае выведать, как маленькому шпиону удалось взять в плен целую свору огромных и страшных обезьянолюдей.

Но он почему-то не хотел ни о чем спрашивать — он и так все знал. То ли этот бесконечный зеленый туман, то ли напряжение последних

дней — на грани человеческих возможностей — выработали у него спокойное и явное понимание того, что происходит. Тору мог не тратить время, рассказывая о своих подвигах, Брул в точности представлял себе, что произошло на самом деле.

— Бур-Бур все-таки наш друг? — только и спросил он.

— Бур-Бур — мой друг! — слегка обиженно ответил шпион. — Ты бросил его, а он, между прочим, страшно переживал. И хорошо, что вовремя подвернулся я, а то неизвестно, чем бы все кончилось. Но теперь, как видишь, у нас стало друзей гораздо больше.

— Я рад, — коротко ответил Брул и шагнул дальше, хотя ноги его уже подгибались от усталости.

Внезапно сильные уверенные руки подхватили его ношу, и Копьебой, увидев рядом с собой знакомое лицо буруса, лишь слабо улыбнулся.

* * *

Бешено подгоняя коня, Келкор во главе небольшого отряда всадников мчался во весь опор к столице Валузии.

Не найдя в горах ни валузийцев, ни бурусов, он понял, что все военные действия переместились или в подземелья дворца, или за пределы Хрустального города. Часть воинов — тех, что потеряли своих коней, — он оставил на южных границах королевства, а с остальными помчался к столице, зная, что в любом случае решающий бой произойдет именно там.

Древние стены Хрустального города уже были отчетливо видны, и командир Алых Стражей с радостью убедился, что никакого пламени над ними не бушует. Может быть, там и идут сражения, но победу бурусам праздновать явно рано — вот-вот на помощь защитникам столицы придут воины, против которых любые враги Валузии всегда оказывались бессильны. Теряя терпение, Келкор еще раз прищпорил коня и на всем скаку влетел в распахнувшиеся прямо перед ним крепостные ворота.

Он не сразу обратил внимание на какую-то странную тишину на улицах. Ни одного прохожего, ни одного лица, мелькнувшего в окнах, — город будто вымер. Конница мчалась по гулким пустынным мостовым и, может быть, впервые в жизни ее не встречали радостные возгласы и ликующие толпы горожан.

Подлетев к главным воротам дворца, Келкор изо всех сил принялся барабанить по ним рукоятью меча, и вдруг створки, скрипнув, немного приоткрылись. Значит, стражи нет, мелькнуло в мозгу у Келкора. Наверное, дело плохо. Может быть, я не успел...

Он соскочил с коня и бросился вверх по широким ступеням парадной лестницы, по-прежнему не встретив на пути ни одной живой души. Бряцая оружием, вслед за ним неслись Алые Стражи, оглашая гулом и топотом зловещую тишину дворца.

Свернув в главный коридор, ведущий к Залу Приемов, Келкор на ходу выхватил из ножен

меч — теперь он уже точно знал: во дворце творится что-то неладное.

— Валка! — прошептал он, пинком распахнув дверь зала. На троне, уставив невидящий взгляд в пространство, восседал человек, облаченный в какие-то странные, непривычные одежды. — Это не Кулл! И это не Топазовый трон правителей Валузии! Смерть самозванцу!

Занеся меч высоко над головой, Келкор метнулся к тронному возвышению, но вдруг какая-то расплывчатая фигура преградила ему дорогу. Не раздумывая, он полоснул по ней широким лезвием, но тут же с изумлением увидел, что клинок лишь рассек воздух.

«А, значит, и здесь эти призраки! — разъярился командир Алых Стражей. — Стало быть, они уже выползли из своих подземных убежищ и расположились прямо во дворце!»

Со свистом рубя воздух мечом, Келкор подбежал и ткнул острием колена сидящего человека. Клинок разорвал кожаную штанину незнакомца, и командир Алых Стражей понял, что перед ним не призрак.

На мгновение воин растерянно остановился. Бурус! Поверх привычной меховой безрукавки на нем была накинута алая мантия, подбитая горностаем, а голову украшала причудливого вида корона. Презрительно улыбнувшись, бурус взглянул на Келкора.

— Ну что, лемуриец? — Его глаза излучали такую ледяную ненависть, что командиру Алых Стражей на мгновение стало холодно. — Думал,

что увидишь здесь своего жалкого Кулла, а тут я — верховный властитель бурусов, Бур-Калет-Гир. Война окончена, мы победили.

— Врешь! — прошипел Келкор и взмахнул мечом, но в тот же миг почувствовал, как невидимая сила едва не вырвала оружие из его руки. Длинный обезьяний хвост обвился вокруг меча, еще один захлестнул шею командира Алых Стражей...

Его воины, заполнившие зал, уже сцепились в клубки с навалившимися на них невесть откуда обезьянолюдьми, а верховный властитель бурусов, с умиротворенным видом глядя на свалку, медленно и беззвучно хлопал в ладоши.

Выхватив из-за пояса кинжал, Келкор молниеносно отсек оба хвоста и, не теряя времени, собирался было пронзить горло узурпатору, но вновь какая-то сила остановила его руку.

— Келкор! — раздался у него над ухом хриловатый насмешливый голос. — Умерь свой пыл! Своего короля Кулла ты все равно не вернешь, так что привыкай теперь к новому повелителю — Бур-Калет-Гиру.

— Еще чего! — Чувствуя, что ему не освободить руку от крепкой хватки, Келкор все же попытался разглядеть стоявшего у него за плечом незнакомца. Поняв, что имеет дело не с человеком, а с призраком, валузиец сплюнул от досады и вновь взглянул на негодея, нагло занявшего место владыки Валузии. — Ты лжец, а не повелитель! Сейчас появится король Кулл и сдунет тебя отсюда, как пушинку! И тогда...

Лемуриец не договорил, потому что с противоположной стороны дверь открылась, и в зал вошел краснокожий гигант. Командир Алых Стражей замер, вглядываясь в знакомые черты, но лишь убедившись, что это не призрак и не обман зрения, облегченно вздохнул.

— Ну что ж, вот мы и встретились, атлант Кулл, — негромко произнес сидевший на троне бурус. — Я не думаю, что ты пришел сюда выразить мне почтение и присягнуть на верность, но, как бы то ни было, — ты здесь. Значит, наша последняя встреча произошла не в каком-нибудь мрачном подземелье, а возле трона, на котором когда-то сидел мой предок. Теперь, как видишь, его по праву занял я, но, если ты не хочешь с этим смириться, я могу тебе предоставить честь помериться со мной силой. Надеюсь, ты не очень устал после пережитых испытаний?

— Испытания закаляют воина. А ты дважды ошибся: во-первых, это не Топазовый трон твоих предков, а во-вторых, ты потерял свои права, толкнув два народа на бессмысленную гибель. Долг короля — защита подданных, а не полное их уничтожение, — усмехнулся Кулл, подходя к мраморным ступеням тронного возвышения. Он сжимал в руках огромный меч, но, приблизившись почти вплотную к бурусу, отбросил его в сторону. — А вот ты, наверное, действительно устал. Ты устал от ненависти, которой отравил души своих людей и души своих детей. Поэтому я готов сразиться с тобой без оружия, потому что твердо знаю — победа все равно будет за мной. Ты проиграл, Бур-

Калет-Гир, проиграл давно, еще только замыслив войну против нас. Твои предки веками воспитывали в собственном народе ненависть, но ты первый из властителей стал воплощать кровавые замыслы в жизнь. Ты погубил своих подданных, сделав из них лишь орудие для достижения своих целей. Ты пытался погубить и мой народ, но ничего у тебя из этого не вышло. Ты забыл...

— Хватит болтать, жалкий человечиска! — выкрикнул Бур-Калет-Гир, вскакивая с трона и сбрасывая с себя мантию. — Нет никаких народов, есть только ты и я!

На его обнаженных руках вздулись огромные мышцы — казалось, бурусу будет достаточно одного удара, чтобы убить противника, и он замахнулся, чтобы сделать это.

И в то же мгновение мощный кулак атланта сбил его с ног.

Бур-Калет-Гир рухнул на землю, но тотчас вскочил и, сделав головокружительный прыжок в воздухе, обеими ногами ударил противника в грудь. Кулл отлетел в сторону, но едва бурус подскочил к нему, как его вновь поверг наземь страшный удар Кулла.

Келкор, оттолкнув от себя ослабившего захват призрака, шагнул вперед, готовый в любое мгновение прийти на помощь королю, хотя и понимал, что сейчас вмешиваться не следует. Поединок был жестоким — оба противника бились насмерть, зная, что сейчас решается не только их судьба, но и судьба двух народов, судьба королевства.

Они ни в чем не уступали друг другу — оба высокие и мускулистые, с первого взгляда о каждом можно было сказать, что это — прирожденные воины, не умеющие сдаваться. Кровь залила их лица и тела, но они по-прежнему бились яростно и ожесточенно, нанося друг другу такие удары, что трудно было представить, как после этого человек еще мог дышать. Словно замороженный, лемуриец наблюдал за поединком, не замечая, что за спиной у него стоят Алые Стражи и обезьянолюди, которые, перестав сражаться, образовали какую-то странную толпу, — бывшие враги касались друг друга плечами и время от времени перебрасывались восхищенными репликами.

Вцепившись побелевшими пальцами в трон, бурус вдруг начал тяжело оседать на землю, и Кулл, перестав наносить удары, прерывисто дыша, застыл над ним. Рухнув на пол, Бур-Калет-Гир еще раз дернулся и затих, и Кулл, вытерев заливавшие глаза пот и кровь, поднял голову и встретился взглядом с Келкором.

— Все, — негромко промолвил он, и командир Алых Стражей бросился к нему, чтобы подхватить своего короля, едва державшегося на ногах. — Все в порядке, Келкор, мне не нужна помощь. Лучше подумай о том, что будет дальше.

Внезапно обезьянолюди, словно очнувшись, принялись метаться по залу, наскakивая друг на друга и на Алых Стражей, которые, выставив вперед мечи, двинулись на хвостатых противников. Бур-асары с визгом бросились к дверям, выскочили в коридор и помчались в разные стороны.

Алые Стражи кинулись за ними, и вскоре покой дворца огласился таким ревом, которого эти древние стены, наверное, еще не слышали. Кулл поднял с пола меч, кивнул Келкору, вышел за дверь и замер от изумления.

Навстречу в ужасе убегающим обезьянолюдям со всех сторон бежали точно такие же мохнатые твари, радостно обнимая их и хлопая по плечам. Более того — эти хвостатые, скаля зубы в приветливых ухмылках, еще и принялись доброжелательно хлопать по плечам Алых Стражей, совершенно растерявшихся от таких знаков дружелюбия.

Заметив пикта Тору, с удовлетворенным видом наблюдавшего эту сцену, Кулл улыбнулся и махнул ему рукой.

— Тору, если ты возьмешь их всех себе в помощники, тогда я согласен! — крикнул он. — Лично я никогда не имел дела с обезьянами и даже не представляю, как с ними обращаться.

— Хорошо, Ваше Величество, я попробую, — невозмутимо кивнул Тору. — Но у меня к вам есть одна просьба. Она касается моего друга — вот он, только не пугайтесь. — И пикт легонько подтолкнул вперед смущенно потупившегося Бур-Бура. — Вот он точно будет моим лучшим помощником. Я уже в этом убедился — он спас мне жизнь.

«Бур-Термир! — подумал Кулл, глядя в лицо добродушного парня в меховой безрукавке. — Как вы похожи! А ведь он тоже, наверное, спас мне жизнь в той пещере, хотя совсем и не хотел этого».

— Я здесь, Кулл, — раздался знакомый шелестящий голос. — Ты все-таки победил, и теперь я это признаю. Трое моих братьев живы, живы и бурусы — они заняли все нижние коридоры дворца, загнав жителей города в подземелье. Когда-то валузийцы так поступили с нами, и мы веками жили только одной мыслью — отомстить. Если бы ты был настоящим валузийцем, может быть, нам бы это удалось. Но почему-то мы выбрали такое время, когда Валузией стал править атлант. И мы проиграли. Навсегда проиграли битву с Валузией. Мы уйдем, Кулл. Бурусы многое поняли и не желают устраивать бессмысленную бойню. Валузийцы опять забудут, что на земле когда-то существовала страна Буру-Теш. И мы тоже не будем помнить о своей тысячелетней обиде и начнем новую жизнь где-нибудь... не знаю. Земля большая, слишком большая, и я думаю, что мы никогда не встретимся.

— Прощай, Бур-Термир, — прошептал Кулл, ища глазами хотя бы тень призрака, но так и не отыскал ее. — Я верю, что твой народ найдет для себя тот путь, который его достоин.

— Кулл! — Брул возник перед атлантом словно из-под земли. — Мы победили, но ты слишком устал. Тебе надо передохнуть.

— Я знаю, что ты спас меня, Брул, — тихо ответил король. — Я потерял сознание, и ты тащил меня по всем подземельям до самого дворца. Но сейчас... я хочу побыть один.

— Ты спас Валузию, Кулл. — Пикт положил руку ему на плечо. — Ты победил Царство Ненавис-

ти, о существовании которого мы даже не подозревали. Мы могли бы долго не знать о нем, но когда-нибудь оно проявило бы себя. Бурусы веками рыли подземные ходы под нашими домами и веками питали своими чувствами Царство Ненависти, которое когда-нибудь поглотило бы всю Валузию. Но теперь этого больше нет. Кулл, ты совершил то, чего не сделал бы ни один смертный. Но теперь ты устал, и тебе надо обязательно отдохнуть.

— Пойдем, Кулл. — Келкор тоже положил руку ему на плечо. — Здесь нам больше нечего делать. Война окончена.

— Я успею отдохнуть, — Кулл решительно отстранил обоих друзей и огляделся. — А вот и господин Главный советник!

Не скрывая своей радости, Ту подошел к Куллу и молча обнял его.

— Господин советник! — раздался вдруг чей-то незнакомый голос, и из-за угла показалась тучная фигура Ламоса — того самого, что предлагал решить проблему войны с бурусами при помощи двух своих ручных обезьянок. — Вы обещали, что рассмотрите мой вопрос. Я долго ждал, но...

Из-за его спины внезапно выскочила парочка совсем крошечных смешных обезьянок, одетых в нарядные платица, и тут же шустро бросилась в самую гущу событий.

Подбежав к весело переговаривающимся Алым Стражам и бур-асарам, обезьянки, радостно урча, принялись скакать по плечам и головам воинов. Их пытались поймать, но маленькие хитрюги ки-

нулись по коридору, и обезьянолюди, словно завороченные, побежали вслед за ними. Их радостные гортанные голоса еще долго эхом отдавались в коридорах дворца, пока наконец окончательно не стихли.

— А ведь так могло быть с самого начала. — Добродушный упитанный господин Ламос, похоже, не знал — смеяться или плакать. Его маленькие хвостатые питомцы исчезли неизвестно где, и кто знает — вернутся ли они когда-нибудь. Но, с другой стороны, он так мечтал принести пользу Валузии и так уговаривал советника хотя бы взглянуть на обезьянок... И вдруг они действительно совершили то, во что никто не верил — увели обезьянолюдей, почуявших в них родные души. — Прощайте, Кили и Мили, вы спасли Валузию!

И, утерев слезу, толстяк придворный выразительно глянул на короля.

— Я думаю, они скоро к нам вернутся, — с трудом сдерживая смех, произнес Кулл. — Только приготовьтесь, господин Ламос, вместо двух клеток вам придется держать их штук сорок.

Упитанный господин растерянно захлопал глазами, обдумывая услышанное, а король вдруг услышал знакомый голос:

— Обезьяны не любят жить в неволе. — Бур-Термир, улыбаясь, вновь возник перед атлантом. — Мы долго жили среди них и хорошо изучили их повадки. Так хорошо изучили, что даже часть наших людей скрестилась с ними, выведя новую породу — бур-асаров. Они прекрасные воины, очень

храбрые и преданные, но звериный инстинкт побеждает в них человеческие чувства.

— А какой инстинкт победил эти чувства в тебе? — устало промолвил Кулл. — Что касается твоих бур-асаров, то я за них только рад. А бурусы? Что ты скажешь о них?

— Они ушли, Кулл, а жители Хустального города выпущены из подземелья и празднуют победу вместе с твоим народом и, как ни странно, с моим братом. Тем, кого вы зовете Бур-Буром, — печально прошелестел призрак. — Бурусы покинули эти земли навечно. И поверь, ты никогда больше не вспомнишь о них. Завтра для тебя начнется новый день, и если кто-нибудь упомянет при тебе о бурусах, ты спросишь — кто это?

— Бур-Термир, — чувствуя комок в горле, атлант с трудом подбирал слова. — Поверь мне, что отныне и навсегда бурусы войдут в нашу историю. Мы пролили немало крови, и я до конца своей жизни не нашел бы себе покоя, если бы не был уверен — все случившееся не поглотит забвением времени.

Призрак лишь слабо улыбнулся в ответ, а затем, на прощание махнув рукой, растворился в воздухе.

— Кулл! — Бледный и шатающийся от усталости верный друг Копьебой весело улыбался, глядя атланту в глаза. — Женщины уже принесли нам вино и лепешки. Когда ты последний раз ел?

ВОЙНА ГНЕВА

Часть первая МЕЧ-ДЕВА

М лачут черные скалы, призывая ветер. Океан грызет их подножия, как голодный пес. Ветер приходит вслед за волнами. Его заунывная песня вырывает из сердца надежду. Ей нет здесь места — это край мира.

Скалы плачут. Их тела источены бороздками, по которым струится призрачное пламя. Мертвый огонь пульсирует в пересечениях линий, образующих странные фигуры. Черный камень вздымается до самого неба. Скалы высоки. Исполинской крепостной стеной, опутанной сиянием неведомых сил, встают они из ревуущих волн. И это действительно крепость...

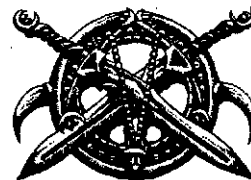
Она очень стара. Ее бастионы пустынные, и кажется, что крепость покинута. Но горит в желобках призрачный огонь, и вечерами, когда кровавое око солнца тонет в океане, бесчисленные шорохи населяют крепость. Неясные тени заполняют коридоры, и эхо гуляет по ним, гулкое и злое...

Время покинуло эти стены, отчаявшись сокрушить твердыню. Лишь волны продолжают грызть подножия башен. И скалы плачут, призывая ветер...

Глава первая

ороль! Они вернулись!
Лицо Алого Стража ничего не выражает. Доклад по форме. Все как обычно. Кулл кивнул головой, отпуская вестника.

«Они вернулись. Меч здесь, я чувствую это. Сам воздух наполнен его присутствием. Они вернулись... но почему кому-то другому выпал жребий совершить за меня то, что я должен сделать сам? Сколько еще в моей жизни будет подобных невыполнимых, невозможных пророчеств? Как бы я хотел сам добыть это оружие!..»

Король вздохнул и потянулся, сидя на троне. Стены и своды огромного зала, казалось, легли ему на плечи непосильной тяжестью. Как, оказывается, трудно ждать возвращения друзей из опасного похода. Гораздо легче сделать все самому. Но это невозможно. Невозможно, если вмешались силы, неподвластные тебе. И сказано было: «Только другой воин твоего народа добудет этот меч. Но не ты. Это должен быть великий король. Не

менее великий, чем владыка Валузии. Но другой. Не ты».

— Не я...— Кулл произнес это вслух. Звук его голоса на миг спугнул гнетущую тишину, поселившуюся в тронном зале. Но лишь на миг. Потом она снова вернулась, устроившись по-хозяйски, надолго. Лишь звериный слух короля-атланта мог различить дыхание Стражей, его личной гвардии, охранявшей покои. Алые пластинчатые доспехи, красные портьеры на стенах, багровое пламя, бьющееся в светильниках,— и черное безмолвие... Световые люки впускают вечер под своды зала. Вечер здоровается с тишиной.

Бесшумно, как призрак, появляется вестник. Проходит к трону. Сжатый кулак перед грудью — воинский салют. Алые всегда приветствуют Кулла как вождя. Лучшего среди равных. Их народ ценит только личную доблесть, и потому они не знают слова «династия». Королю нравится прямого горцев. Приятно, когда сильный признает в тебе силу.

Кулл слушает вестника, и в глазах короля отражаются искры света. Он удивлен.

— Вот это неожиданность! С ними посол атлантов! Ах, это один из них теперь стал послом атлантов? И воительница? Чего они хотят? Аудиенции... Может, им лучше сперва отдохнуть с дороги? Не устали? Хорошо, пусть приходят. Передай — я буду ждать их, когда последний солнечный луч скроется за горизонтом. Да, и позови Копьебоя, Ка Ну и канцлера. Хочется верить, что последний еще не спит...

— Конан передал, что придет позже. Он хочет видеть тебя наедине.

«Вот оно! Конечно, дело в Мече». Кулл смотрел в спину удаляющемуся вестнику. Неужели сегодня? Наконец-то война, зашедшая в тупик, получит шанс к завершению. Он сможет выполнить свою клятву...

При мысли о клятве по спине короля пробежала волна холода, как если бы он встретился со смертельной опасностью. Так и было. Имена, скреплявшие клятву, заставляли содрогаться от ужаса храбрейших из воинов. Кулл, произнося их, был ослеплен яростью битвы, иначе он никогда не дал бы этого страшного обещания. Теперь у него нет выбора, он должен уничтожить *всех* змеелюдей. Всех до последнего. Боги, призванные им в свидетели, не позволят отступить.

Но он и не собирался изменить единожды данному слову. Ка Ну, посланец пиктов, восхищался яростной целеустремленностью атланта. Он говорил полуслутом, что Война Гнева заменяет королю и вино, и любовь женщины, и любые иные развлечения.

Отчасти он прав, старый развратник. Кулл не собирался отступать. Клятва лишь добавляла ему решимости. Ненависть к змеелюдам сжигала сердце короля.

Кулл сжал кулаки. Сегодня, сегодня вечером все сдвинется с мертвой точки. Иначе змеи найдут в конце концов способ добраться до него. Здесь победит тот, кто сумеет ударить первым,— ведь силы почти равны.

Тяжелые створки дверей тронного зала бесшумно разошлись в стороны. «Проклятье,— подумал Кулл,— хоть бы малейший скрип... Похоже, Тишина хочет отомстить за то давнее поражение». Он усмехнулся этой мысли, отстраненно наблюдая, как вступает в тронный зал посольство атлантов.

Двое, мужчина и женщина. Огромные тени, плывущие по алым портьерам, сопровождают их движение. Шаги людей бесшумны, как поступь хищников. Легкий шелест одежды. Звякает пряжка пояса. Доспехи Алых Стражей, следящих за атлантами, отвечают легким шорохом тщательно пригнанных пластин металла...

Кулл отметил про себя, что уже называет Кербалла атлантом. А ведь он киммериец, дитя другой эпохи... Как все странно. Для Конана и его спутников это путешествие, наверное, кажется затянувшимся сном. Но раны в этом сне кровоточат...

Послы уже перед троном. Кулл ответил на приветствие — сдержанный поклон.

«Они горды. Это ясно — Грайу ничем мне не обязан. Скорее наоборот. Проклятое упрямство жреца! Он все загубил. Теперь Грайу сделался королем и у него нет причин хорошо относиться ко мне. Жаль... Ну что ж, посмотрим, что они скажут».

Он глянул в лицо мужчине. Кербалл внушает доверие. Грубые, почти свирепые черты. Сильный взгляд. Он прям, как клинок валузийского меча. И столь же опасен.

Женщина. Ее взгляд... На миг королю показалось, что прошлое настигло его гигантской волной, захлестнуло и вышвырнуло на берега Атлантиды. Он помнил эти глаза, смотревшие на него от столба позора. Столба, под которым уже разложили костер. «Племя Приморских Гор не терпит, чтобы его дочери путались с лемурийцами!» Нет худшего греха в глазах атлантов. И нет прощения преступнице.

Глаза у столба не молили, нет! Они призывали его.

Он поднимает руку, в ладони кремниевый клинок. Девушка у столба медленно кивает. Бросок — нож вонзается прямо под левую грудь. Потом стремительный бег и прыжок со скалы. И рев морских валов, слившийся с гневным воем обманутого клана.

То был день его прощания с Атлантидой...

Конечно, стоящая перед ним воительница — дочь совсем другого клана. Черты ее лица более правильны, но глаза те же... В них таится уверенность и сила. Да, это глаза Атлантиды! Будет ли теперь их взор благосклоннее к бывшему изгою?

— Ну, и что было дальше? — спросил Алкемид. Он сидел в роскошном кресле, сплетенном из золотистых стеблей какого-то неизвестного растения. На столе перед ним стоял кубок с вином. Темно-синяя *тола*, золотая кайма которой поблескивала в полумраке, седые кудри и спокойные, внимательные глаза делали Алкемида похожим на жреца. Это впечатление нарушал только

тяжелый боевой шлем с гребнем и меч в ножнах, лежавшие на столе рядом с кубком.

Кербалл мысленно усмехнулся. Да, внешность бывает обманчива. Этот аквилонец во время недавнего путешествия показал себя бывалым воякой.

— В тронном зале было не слишком много народа. Пока мы шли от дверей до трона, а шли мы очень долго, никто даже не пошевелился. Ты себе не представляешь, какой огромный там зал. От входа до противоположной стены не меньше двух выстрелов из лука. Ну так вот, идем мы к трону, все пялятся на нас, как на призраков, и молчат. Вдоль нашего пути — ряды неподвижных, как камни, парней в красных доспехах. Тишина жуткая. Мне даже показалось на миг, что этот проклятый дворец вот-вот рухнет нам на головы. Когда мы проходили, красные медленно поворачивали шлемы нам вслед. Провожали взглядами... В общем, торжественности было даже больше, чем если бы весь зал набили разряженными придворными и музыкантами.

Кулл сидел на троне, сделанном из какого-то сверкающего камня, похожего на янтарь. Всюду горели огни, и казалось, что трон мягко светится. Спинка трона сделана в виде пылающего диска с застывшими языками пламени... Словом, все выглядело очень величественно.

Я сразу узнал одного из людей, стоявших на ступеньках у трона. Это был тот самый пикт, который приходил за мной во сне. Его зовут Брул Копьебой. Еще там был какой-то серенький человек, похожий на казначея.

— Канцлер Ту.

— Ага.— Кербалл потянулся к сосуду с вином, и кресло под ним жалобно заскрипело.— Рядом, на подушках, валялся невероятно толстый пикт с хитрой рожей. То есть, конечно, я видал людей и покрупнее, чем он. Но, сам знаешь, чтобы уж *пикт* так растолстел — скорее рыба отрастит себе ноги и выберется погулять по горам!..

Алкемид улыбнулся:

— Наверное, ты говоришь о Ка Ну, посланце пиктов. Надо сказать, он очень умный человек.

— Можно подумать, там был ты, а не я.

— Не забывай, я изучал историю этого мира.— Алкемид пропустил насмешку мимо ушей.— Имена этих людей сохранили легенды, поэтому я смог их узнать по описанию. Ну, так что было дальше?

— Дальше воцарилось молчание. Мы с Айар приветствовали короля. Он кивнул и принялся рассматривать нас. Меня он знает, а Айар, похоже, ему напомнила кого-то... Так мы простояли довольно долго. Точнее, стояли мы, Брул и этот самый Ту. Толстопузый пикт продолжал валяться на подушках, шурясь, как сытый кот, а Кулл в доспехах и диадеме восседал на троне. Тишина, похоже, надоела ему еще больше, чем нам, и он разрешил говорить. Я передал послание Грайу. Он выслушал меня с каменным спокойствием, но мне лично показалось, что он удивлен. Похоже, Кулл ожидал, что атланты проявят враждебность — как-никак, это Гонар наслал на них колдовской шторм. Поэтому предложение мира его удивило. И обрадовало, хоть он и не выказывал этого.

Тогда он сказал: «Хорошо. Я рад, что между нашими народами теперь будет мир. Но я хочу сделать Грайу из клана Морской Лошади встречное предложение. Я предлагаю союз. Союз Валузии с новым королевством атлантов, как заключен у нас союз с пиктами». Потом он говорил о тяжелых временах, о том, как расплодился по всей земле змеелюди, и о том, что союз, который он хочет заключить с Грайу, должен быть направлен в первую очередь против них. В общем, о союзе и условиях предстоит еще договориться, но мир уже заключен. Айар утверждает, что Грайу согласится. Змееголовых не любит никто.

— А где она, кстати? — Философ вопросительно взглянул на киммерийца.

— В купальне. Решила принять ванну. В горах Атлантиды много горячих источников, и ее сородичи очень любят в них париться... Конан, я вижу, ушел к королю?

— Да. — Алкемид прикрыл глаза и отхлебнул из чаши. — Хорошее здесь вино... А ты, как я понимаю, все-таки остаешься?

Кербалл потер ладонью правое плечо. Когда они отправились в горы Му, чтобы добыть для Кулла Меч Огня, землетрясением молодого киммерийца сбросило со скалы. Он успел ухватиться за выступ, но при этом сильно поранил руку. Пальцы разжались, и киммериец наверняка разбился бы, но Айар... По счастью, она оказалась рядом.

Он посмотрел на философа, отметив про себя, что новые шрамы, украсившие лицо аквилонца, почти зажили, и кивнул.

— Мне здесь нравится. Сородичи Айар очень похожи на наших с Конаном земляков. Вот только жизнь у них интереснее. Они только строят свой мир, а мы...

— Киммерию тоже ждут войны, потрясения. Новое время грядет. Оно не за горами. Сейчас королевства Запада сильны, но пройдет пара-тройка столетий, и все изменится. Тогда киммерийцы не останутся в стороне от предела мира.

— Все верно, но это будет не скоро. А здесь... Здесь мир меняется прямо сейчас, у нас на глазах.

Алкемид, улыбаясь, осушил бокал.

— Мир всегда меняется, Кербалл, всегда! И в то же время он неизменен. Все зависит от твоего взгляда. Твоего восприятия. Ты меняешь себя, и мир следует за тобой. Нет — и он постоянен. Для меня нет разницы, в каком мире жить. Есть разница, как жить...

— Поэтому ты и возвращаешься. А я остаюсь. Здесь Айар, Грайу... Здесь теперь мой дом. Я ведь в Киммерии никогда не чувствовал себя по-настоящему нужным. Мне всегда казалось, должно быть что-то еще... Там слишком сильны обычаи. Все так размеренно — даже поединки между кланами. Если только забраться на границу с Нордхеймом — тогда веселее...

— Я понимаю тебя, Кербалл. Может быть, встретить я здесь свою Айар — остался бы тоже. Но я не встретил...

Философ смотрел на киммерийца, вертя в пальцах пустую чашу, и думал о том, что мир не-

постижим и пути, казалось бы, расходящиеся навсегда, могут встретиться вновь.

Бесконечные коридоры, освещенные мерцающим пламенем факелов, анфилады залов, арки, колонны, теряющиеся во мраке над головой свода. Легионы теней следуют за человеком. Человек уверенно находит дорогу среди этого лабиринта, украшенного фресками, статуями и стоящими, как статуи, Стражами, хотя идет этим путем впервые. То, что он несет в руке, указывает ему путь.

Вот из полутьмы впереди появляются огромные бронзовые двери, украшенные причудливым рельефным узором. Головы странных зверей на створках держат в зубастых челюстях толстые кольца ручек. По бокам дверей Стражи в алых доспехах, такие же неподвижные, как и те, в коридорах. Человек подходит к дверям и с силой ударяет по бронзе ладонью. «Я здесь!» Металл отзывается гулом. Створки отворяются.

Сотни огней отражаются в полированном камне пола. Человек, шурясь, входит в тронный зал короля Кулла, Властелина Валузии.

Он внезапно почувствовал *присутствие*. И понял, что сейчас должно произойти, тем более, что ожидал этого. Гулкий удар, словно копьем, пронзил тишину зала. Бесчисленные отголоски, отразившись от стен и колонн, изорвали в клочья раненое безмолвие. Бронзовые створки дверей распахнулись. Ощущение *присутствия* усилилось на-

столько, что Кулл привстал с трона. Человек, возникший в дверях, стремительно пересек зал. В руках его...

Конан подошел к ступеням трона и остановился. Решимость вдруг покинула его. Он знал, что должен вручить атланту, и знал, что *должен* сделать это. Но тело не повиновалось. Оно помнило ощущение могущества, силы, с которой не сравнится ничто. Ощущение Силы Меча.

Именно за такие мгновения он ненавидел магию. Она соблазняла. Сулила неслыханные возможности, ослабляла волю. На своем веку киммериец видел немало достойных людей, превратившихся в омерзительных тварей, поддавшихся на обещание Власти. Большинство из них Конан уничтожил собственными руками. Но теперь *это* пришло за ним самим...

Оно ошиблось. Конечно, Конан помнил. Помнил мощь Стихии, бурлящую в жилах, неистовый жар Девы Огня, золотое теплое облако, ведущее его в пещеру спящего Бога. Он помнил это, и оно было с ним до сих пор. Но его воля сильнее соблазна, который дает Сила. Сильнее еще и потому, что он знал — истинная Сила не соблазняет, она просто *есть*. Остальное — лишь призраки желаний, видения жажды Власти...

Он взглянул на Кулла и увидел в его глазах отражение собственных мыслей. Властелин Валузии почувствовал его состояние и, возможно, догадывался о причинах. Пусть... Конан вытянул руки с Мечом, держа клинок на открытых ладонях.

Кулл, стоя на верхней ступеньке тронного возвышения, молча смотрел на киммерийца. Лицо последнего хранило странное выражение, как если бы только долг удерживал его от какого-то поступка. Какого? Кулл не имел понятия. Меч в руках Конана захватил все его внимание. *Присутствие* стало материальным. Оно было звоном в воздухе, дрожанием теней, стуком сердца. Оно просто *было*.

Вот и все!.. Кулл не заметил, как спустился с возвышения, но Меч внезапно оказался всего в двух шагах от него. Нужно только протянуть руки и... Узор на лезвии, образованный слоями стали, необычен. Он напоминает языки пламени. Сам клинок странного золотистого цвета, длинный, сужающийся между рукоятью и острием, затем снова расширяется, образуя «лист лавра».

Руки, державшие оружие, слегка подались навстречу. «*Возьми!*» Синие глаза воина полны ледяного спокойствия, но где-то в глубине их затаилась... Печаль?

Клинок мягко лег в подставленные ладони. По жилам пробежал огонь, и оба короля на миг почувствовали, будто держат на руках обнаженную женщину. Кулл посмотрел в глаза Конана. В них — усмешка. Кулл улыбнулся в ответ. Они оба знали, что им не почудилось.

— Я в большом долгу перед тобой, Конан. — Слова звучали, как если бы их произносил кто-то другой. — Ты спас мое королевство и, может быть, весь наш мир. Надеюсь, что когда-нибудь смогу отплатить тебе тем же.

Киммериец улыбнулся:

— Это была хорошая драка.

— Я хочу сделать тебе подарок. Помнишь этот панцирь?

Конан кивнул. Он помнил тот сон, в котором короли встретились в пустыне, чтобы, сразившись, исполнить пророчество. Тогда на владыке Валузии был этот самый панцирь из черной бронзы, покрытый кованым узором. Северянин видел такие узоры на камнях, из которых были сложены курганы древних киммерийских вождей. Такими же орнаментами украшали свое оружие атланты.

— Гонар, мой маг, наложил на него заклятие. Если тебе нужна будет помощь, ударь по нему трижды рукоятью своего меча, и, где бы ты ни находился, я приду на зов.

Конан принял подарок. Панцирь был довольно увесистым, и киммериец с удивлением подумал, каким же образом Куллу удавалось в нем так легко двигаться...

Кулл смотрел, как Конан уходит, держа в руках драгоценный Неуязвимый Гром. Этот панцирь пришел из такой же седой старины, как и Мечи Стихий. Но это было единственное, чем Кулл мог хотя бы частично уплатить долг за Меч Огня. Конан вдруг замедлил шаг и оглянулся.

— Забыл сказать тебе: в горах Му мы столкнулись со змеелюдьми. Они знали, за чем мы идем. Теперь они предупреждены. Прощай и будь осторожен, король Страны Снов. Если когда-нибудь окажешься у нас — заходи. Выпьем вина».

Через много лет, в другом времени и ином мире, произошла попытка дворцового переворота. Она чуть было не увенчалась успехом. Пользуясь услугами предателей из числа придворных, заговорщики прорвались к самому кабинету короля Аквилонии. Конан с тремя оставшимися в живых гвардейцами забаррикадировался в оружейной. Убийцы сломали тяжелые дубовые двери и ринулись вперед, считая, что проклятый киммериец уже у них в руках. Король и Черные Драконы отчаянно защищались, но шансов у них не было. Даже Конан не мог выстоять против стольких убийц...

Потом оставшиеся в живых заговорщики, как один, клялись, что слышали звуки, похожие на удары гонга, а вслед за этим прямо из воздуха явились десятки воинов в алых доспехах, которые, сохраняя полное молчание, принялись рубить заговорщиков. Правда, Паллантид, прорвавшийся с тремя сотнями Черных Драконов из казарм гвардии, запертых врагами короля, ни одного из загадочных воинов не видел. Спасатели обнаружили лишь разгром, трупы заговорщиков и короля, который невозмутимо перевязывал раны единственному уцелевшему из гвардейцев. Он сказал Паллантиду, что его выручили валузийцы, после чего военачальник долго порывался осмотреть голову Конана на предмет ран и ушибов. О давнем случае со сном короля он к тому времени успел позабыть.

Но это уже совсем другая история.

Глава вторая

улл спал. Ему снова снился тронный зал. Конан, идущий к трону, огни светильников, сверкающих, словно маленькие солнца. Но что-то было не так. Весь зал переполняло странное сияние. Золотые искорки танцевали в воздухе, пронизанном сплетающимися световыми жгутами. Они образовывали странный узор, и этот узор жил собственной жизнью.

Конан, идущий сквозь эти потоки, тоже не подходил на себя, но Кулл откуда-то знал, что это все-таки он. Янтарное сияние, которое излучала фигура киммерийца, становилось просто нестерпимым, когда он пересекал линии узора. В эти моменты на месте человека из плоти и крови возникал странный светящийся шар со множеством лучей, исходящих из середины. Эти лучи как-то взаимодействовали со световыми жгутами узора, но Куллу не удавалось все рассмотреть полностью. Его внимание отвлекли спутницы киммерийца — ибо на сей раз тот пришел не один.

Две женщины, одна темноволосая, другая огненно-рыжая, были с ним. Темноволосая воительница в пластинчатом панцире красно-коричневого цвета, напоминающем доспехи Алых Стражей, шла по левую руку от Конана. Ростом она почти не уступала киммерийцу. Насколько Кулл смог заметить, при ней не было оружия. Огненно-рыжую Конан нес на руках. Ее обнаженное тело сияло, как факел в ночи. Если бы киммериец не казался сейчас сам сгустком пламени, Кулл испугался бы, что киммериец сгорит в этом огне.

— Сестры Земли и Огня.

Голос, прозвучавший за левым плечом, заставил атланта вскочить с трона, хватаясь за меч. Но вместо рукояти клинка он обнаружил у себя на боку руку в латной перчатке. Она принадлежала еще одной воительнице. Ее волосы были цвета спелой ржи, а доспехи — голубыми. Синева исходила из ее глаз, как легкий туман, как ветер, прохладный утренний ветер. Кулл понял, что смотрит в глаза своему мечу.

— Воздух, — вымолвил он. И проснулся.

В темноте спальных покоев притаилась тишина. Лишь за дверями из черного камня чуткий слух Кулла различал дыхание Алых Стражей, несущих караул. Свет факелов проникал в тончайшие щели под дверь, но ничего осветить не мог. И все же темнота, только что непроницаемая, казалась неполной. Кулл тихонько приподнялся на ложе и огляделся в поисках источника света. Рука, нащупавшая рукоять верного топора, замерла.

Стойка для мечей, находившаяся напротив окна, озарилась сиянием. Мечи Стихий, находившиеся в ней, сияли каждый своим цветом. Огонь горел закатным заревом, воздух светился бело-голубым. Цвета плыли и мерцали, мягко перетекая друг в друга. В их глубине королю почудились танцующие силуэты. Мечи звенели. Звон был на грани слышимости, но Кулл все же различал различные тональности в их звучании. Они разговаривали.

Кулл откинулся на ложе и стал обдумывать свой сон. Одно дело рассказывать другим о том, чем же на самом деле являются Мечи, а другое — самому убедиться в этом. Впрочем, он всего лишь видел сон. Но какая-то часть его разума знала без тени сомнения, что все увиденное во сне — правда. Он помнил ощущение живого тела, когда Конан передал ему Меч-Огонь. Но даже если бы он этого не помнил, сомнений все равно возникнуть не могло.

Клинки продолжали сиять.

Дорога звенела под копытами гнедого. Подковы роняли искры. Прогредел и пропал позади каменный мост через маленькую речушку. Белым призраком промелькнул за холмами Дом Тысячи Зеркал, пустой и мрачный. Сонные городки, через которые пролетал всадник, удивленно распахивали ставни на окнах. Гонец мчался на юг.

Ранним утром он покинул Полуденные ворота Города Пурпурных Башен и за два дня рассчитывал достичь моря. На побережье ждал корабль.

Он отвезет гонца в крепость Нида, столицу пиктской колонии, расположенной на архипелаге у южных берегов Валузии. Послание, которое он должен передать вождям кланов Борни и Волков Убийц, было коротким. Кулл сказал только: «Готовить флот. Кораблей — в два раза против прежнего. Идем на лемурийцев».

План большой войны, составлявшийся долгие годы, начал исполняться. В первую очередь властелин Валузии хотел обезопасить свое побережье. Переговоры с атлантами идут полным ходом. Через седмицу в своем дворце Кулл принимает самого Грайу Тысячеглазого, короля атлантов. Дикие кланы Атлантиды не признавали его, и он завоевал себе королевство на материке, захватив несколько мелких княжеств в горах Му, подчинив местные племена. Его войско насчитывало уже пять тысяч мечей. Пять тысяч атлантов или кимрах ак карнах — «безумцев с мечами», как их называли пикты, — это страшная сила. А к Тысячеглазому присоединяются все новые кланы. Союз с ним даст Валузии безопасность на Закате, но с Полуночи грозят лемурийские пираты, засевшие на большом архипелаге в Своенравном море. Пришло время выбить их оттуда.

Гонец улыбался на скаку. Конская грива хлестала его по лицу. Он не обращал внимания — это часть наслаждения скачкой. Копыта гремели боевыми барабанами пиктов. «Грядет война змея!» Проучить лемурийцев, чтобы надолго запомнили преподанный урок. Затем очистить Валузию и Тула от змеелюдей, а дальше... Гонец прищурился,

и лицо его стало грозным. Он знал, что будет дальше, ибо он не был простым гонцом. Брул Копьебой, Первый Воин пиктов, мчался на юг принимать командование над флотом.

Зал Совета походил на воронку со ступенчатыми стенками. Всего ступеней было девять, и сановники располагались на них согласно рангам, причем самые влиятельные занимали нижний ряд. Мантии сановников имели различные цвета, также в зависимости от ранга. Высшие посты в Совете раньше могли занимать только вельможи, насчитывавшие не менее восьми поколений благородных предков. Теперь же Кулл своей волей изменил этот закон. Он желал видеть на постах советников дельных людей, которые будут верны валузийскому трону, при этом его нимало не заботило, кем были их деды и прадеды. И хотя король не мог просто отменить древнее право, но изменения, внесенные в него, были весьма значительными. Для назначения на высшие посты в государстве дворянство все еще было необходимо, но теперь оно могло быть пожалованным. Таким образом, Кулл собрал в Совете толковых людей, хотя многие посты продолжали передаваться по наследству. Король должен был оставить аристократии хотя бы видимость старых привилегий. И так слишком много покушений на его жизнь за последнее время...

Через специальное окошко, спрятанное в затейливой резьбе, украшающей стены, Кулл наблюдал, как советники заполняют беломраморный зал.

Здесь уже был и Гонар со своими магами, и канцлер Ту, и многие другие. Особняком занимали места послы пиктов, атлантов и Тула. Вроде все здесь — пора начинать.

Кулл прошел по узкому коридорчику и кивнул ожидавшим его Алым. Воины обнажили мечи, и властелин Валузии под звуки торжественной музыки вступил в зал Совета.

Шевеление во тьме. Шорохи. Смутные тени. Они стекаются отовсюду. Временами шорохи превращаются в тихий свист и шипение. Тени говорят.

Узкие коридоры. Паутина ходов пронизывает древнее строение. Всюду сырость, тьма и отсутствие света. Но тени безошибочно находят здесь путь. За долгие тысячелетия они изучили лабиринт.

Тени спешат, растворяясь во тьме одна за другой. Время пришло.

Келкор, командир Алых Стражей, вошел в зал Совета вслед за Куллом. Ослепительный солнечный свет заливал все вокруг. Хрустальные линзы в потолке направляли снопы янтарного сияния на трон из кроваво-красного камня, стоящий напротив входа. Когда Кулл взойшел по ступеням и сел на трон, его доспехи и диадема засияли нестерпимым блеском. Советники, почтительно вставшие при появлении короля, поклонились. Кулл приветствовал их. Алая ткань мантии сияющим потоком упала с поднятой руки. Советники сели на свои места.

Келкор поставил двух Стражей сразу за тронном и пристально оглядел зал. Все в порядке. Здесь делать больше нечего. Он отсалютовал королю и вышел. Резные каменные створки закрылись за его спиной. Двое Алых сразу же заняли позиции перед ними. Никто не войдет в зал во время совета.

Келкор кивнул им и в сопровождении резервного десятка направился проверять посты. Зал Совета охватывал кольцевой коридор, от которого, подобно лучам солнца, отходили другие. Главный их них вел в Тронный зал и апартаменты короля, некоторые полого уходили вниз, к казармам Стражей, конюшням и подсобным помещениям, другие поднимались к Световой Галерее, Святилищу Валки и другим покоям.

Дворец представлял собой целый город, объединенный под одной крышей замыслом архитектора. Строили его чуть ли не при первых королях Валузии, во времена ее расцвета и могущества. В нем было неисчислимое множество комнат, покоев и залов. Купальни и бассейны, гимнастические и фехтовальные площадки, астрологические обсерватории. Многие помещения не использовались и пришли в запустение.

Дворец многократно перестраивался, и контроль над его планомерным развитием был утрачен в давние времена. Ни один из планов дворца не являлся точным, а некоторые покои были замурованы согласно высочайшим приказам, причем такая практика применялась задолго до Кулла. На подходах к ним устраивались ловушки, на-

чиная с сигнальных шнуров и заканчивая ямой с кольями или каменным блоком, падающим на голову не в меру любопытного.

И в этих условиях Командиру Алых было необходимо обеспечить надежную охрану короля и его приближенных. В распоряжении Келкора находилось полторы тысячи Алых Стражей. Из них пятьсот в городских казармах и тысяча в дворцовых. Сам корпус Алых был значительно больше и в полном составе имел численность до шести тысяч тяжеловооруженных всадников, но большая часть из них располагалась за стенами города в особых крепостях, разбросанных вокруг Столицы на жизненно важных направлениях.

Для охраны дворца тысячи человек хватало с трудом. Они должны были отдыхать, упражняться, выходить в город. Поэтому в одной смене караула было всего двести человек и еще двести в казармах в повышенной готовности. Исходя из наличных сил, Келкор определил наилучшие пути охраны королевской цитадели, заняв постоянными постами только ключевые точки. По его просьбе Гонар снабдил Алых несколькими магическими приспособлениями. Например, Стражи могли сразу почувствовать, если где-то во дворце пролилась кровь...

— Итак,— прервал молчание Кулл,— благородные Советники, мы собрались здесь сегодня, чтобы обсудить план будущего похода против лемурийских пиратов. Присутствующие здесь представители наших союзников — Соединенного королев-

ства Тула и пиктов — действуют как полноправные члены Совета. Послы короля атлантов Грайу Тысячеглазого приглашены пока в качестве наблюдателей. Переговоры о Союзе состоятся через два дня.... Ну что же, командующий Маас, вам слово.— Он кивнул седому широкоплечему человеку, сидевшему на первой Ступени Совета.

Тот поднялся и вышел на середину зала. Несмотря на преклонный возраст, военачальник двигался легко, словно боевые доспехи, которые он, как и Кулл, предпочитал парадным, ничего не весили. Представитель древнейшего аристократического рода, он был одним из тех, кто сохранил свою наследственную должность. Его предки с древних времен служили королям Валузии своим мечом, и Маас, их достойный наследник, обладал ярким полководческим талантом.

Посреди зала стоял стол, накрытый блестящей шелковой тканью. Командующий сдернул ее. Стол оказался рельефной картой северного побережья Валузии и Зарфхаана, омываемых синью бескрайних морей. Первое из них на Восходе клином вдавалось в сушу, разделяя Зарфхаан и горы Му. За горами Му простирались земли Соединенного королевства. На Закат от него и на Полночь от Валузии, омываемый двумя морями, лежал большой архипелаг. Все надписи на карте были сделаны старой вязью, которую не использовали уже пять столетий.

— Как видите,— начал командующий,— карта старая. Она относится к тем временам, когда острова принадлежали Валузийской империи. Впро-

чем, тогда Зарфхаан, Коммория и Верулия тоже были нашими провинциями.

В голосе командующего явно слышалась ностальгия по тем далеким временам.

— На островах, до того как они в эпоху упадка были захвачены лемурийцами, были построены три крепости — Полночь, Предел и Врата. На данный момент неизвестно, существуют ли они еще, но, надо полагать, лемурийцы используют их по назначению. Архипелаг состоит из трех крупных и нескольких мелких островов. Крепости Полночь и Предел находились на двух крупнейших островах архипелага, образующих своими берегами внутреннее море, в котором на одном из малых островов стоит крепость Врата. Таким образом, мы видим перед собой естественную крепость, усиленную тремя цитаделями. Это идеальная база для набегов и вторжений, и, пока она в руках лемурийцев, мы не можем себе позволить активных действий на суше.

Наш план действий предусматривает атаку на острова силами четырех флотов, если союз с атлантами будет достигнут. В противном случае — трех. На первом этапе корабли пиктов и флот Валузии собираются в гавани Нарег, расположенной в устье реки Вэл. Ладьи атлантов и дромоны короля Конхобара — в Рудрайге. Силы лемурийцев оцениваются в двести — двести пятьдесят длинных галер. Учитывая, что на каждой по сто человек, получим двадцать пять тысяч воинов с их стороны. Наши силы несколько больше. Флот Валузии примет на борт пять тысяч Черных лат-

ников под командованием Гериобара, тысячу Алых Стражей и десять тысяч обычных воинов. Пикты выставляют пять тысяч стрелков, Конхобар — десять огненосных дромонов и шесть тысяч ратников. Если присоединятся атланты — это еще две-три тысячи воинов.

На втором этапе корабли Конхобара и наши соединятся в море. Задачи по связи выполнит Гонар и его помощники. Наша задача — с ходу занять Врата. Атаковать все три крепости сразу мы не сможем, не распыляя сил. Возможно, перед штурмом придется принять морской бой. Здесь дело за метателями огня гойделов. В это время атланты совершат обходной маневр и захватят Предел. Если их не будет с нами — это выполнят пикты. Затем...

Кулл рассеянно слушал Командующего. Этот план они составляли вместе. Рассматривая лица советников, он обдумывал, кому какое дело поручить в свое отсутствие. Он собирался сам возглавить этот поход, а здесь должны были остаться те, кто сможет привести в исполнение вторую часть его плана. Весь штурм Полуночных островов был, по сути, грандиозным отвлекающим маневром. Его не будет в столице, и Змеи ослабят внимание... Именно поэтому здесь остается большинство Алых во главе с Келкором. Именно ему, при поддержке Канцлера и Ка Ну, Кулл поручил общее руководство. Хочется надеяться, что дело выгорит...

Командующий начал расписывать роли союзников, и Кулл обратил внимание на поведение послов. Посланник пиктов, как всегда, пребывал

в благодушном настроении. Его рука обнимала крутой бок сосуда с терпким южным вином. Сопровождавший его воин с иссеченным ритуальными шрамами лицом был спокоен, как скала. Его левая рука придерживала ножны изогнутого меча, лежащего на коленях. Телохранителям послов дружественных стран разрешалось входить в зал Совета с оружием. Кулл слегка кивнул в такт своим мыслям. Он знал этого воина.

Послы атлантов сидели рядом с пиктами. Айар-воительница, так же как и Кулл, рассматривала лица присутствующих. На миг они встретились взглядами, и король вновь, как тогда в тронном зале, ощутил волну печали и тревоги. Атлантида снова пришла к нему. С чем? Он взглянул на Кербалла. Киммериец слушал командующего, гордо выпрямив спину, и слегка хмурился, когда заходила речь об участии атлантов в походе. Похоже, у него было свое мнение по этому вопросу. Его руки лежали на перекрестье огромного двуручного меча, острием упертого в пол. Раньше такого оружия Кулл у него не видел. Но насторожило его не это. Что-то неуловимо изменилось в манере держаться, в том, как киммериец поворачивал голову, оглядывая зал. Что-то... Колокольчики тревоги зазвенели в голове. Это не Кербалл! Король ощутил вдруг полную уверенность в этом. Проклятье — как они проникли сюда?! Кулл выхватил топор и вскочил с трона.

— *Ка нама каа лайерама!* — Слова древнего заклинания заставили жалобно звенеть хрустальный потолок. Все в зале повскакивали с мест, испуган-

но глядя друг на друга и ожидая, что чьи-либо черты вот-вот поплывут туманом, обращаясь в мерзкую морду змеи. Командующий, прерванный на полуслове, мгновенно выхватил короткий меч и пригнулся, хищно шаря глазами по залу. Но... ничего не случилось. Змеелюдей в зале Совета не оказалось.

Тем не менее Кулл не собирался успокаиваться. Глядя прямо в глаза киммерийцу, он произнес:

— Ты не тот, за кого себя выдаешь. Кто ты?

— Тот, кого ты не ждал так скоро, — ответил человек с лицом Кербалла, поднимаясь во весь рост. — Я тот, кого еще называют Тысячеглазым.

— Грайу? Но кто может это подтвердить? И где киммериец? — В серых глазах короля пылало недоверие. — И почему у тебя его лицо?

В зале Совета наступила мертвая тишина. Все ждали ответа на вопросы короля, ждали, опасаясь, что ответы могут вызвать гнев Кулла. В таком случае им бы хотелось оказаться подальше отсюда. Грайу молчал, глядя в глаза короля. Он не собирался отчитываться в своих действиях. Гордость не позволяла ему произнести слова, которые полностью оправдали бы его. Слишком много посторонних. И потом — разве сам он не король? Почему он должен оправдываться? Тем более что Кулл сам пригласил его. Вот только прибыл он, гм... немного раньше назначенного срока...

Айар, стоявшая рядом с ним, понимала, что если не сделать что-нибудь немедленно, то наметавшийся союз рухнет, как построенный ребен-

ком замок из мокрого песка, подмытый волной. Она видела, как ладони Грайу крепче охватывают рукоять меча, как в глазах Кулла разгорается яростное пламя, а топор в руках угрожающе поднимается вверх.

— Так кто подтвердит?! — прорычал Кулл. В ответ взгляд Грайу стал еще холоднее. Гнев полыхнул в сердце короля, но в этот миг чистый звонкий голос прогнал ярость прочь.

— Я могу подтвердить!

Кулл обернулся и замер. Ее глаза были как небесная синь, а волосы — спелая рожь. Голубой плащ с золотой каймой оттенял густую синеву доспехов. Окружающие могли бы принять ее за воительницу из Соединенного королевства — только там рождаются такие светловолосые. Но Кулл знал, что она — свежий утренний ветер, что она — *Воздух*. Рядом с ней стоял посол Конхобара — Кайрпре. Такой же светловолосый и синеглазый, он казался ее братом. Но Кулл знал, что у нее нет братьев — лишь три сестры. И они не были рождены смертными отцом и матерью.

— Он действительно тот, кем назвался, и лицо тоже его собственное. Они с Кербаллом — двойники из разных миров. У тебя с Конаном тоже есть такая связь, но Кербалл и Грайу похожи даже внешне. Так что довольно споров и подозрений! Сейчас вам нужно примириться и заключить наконец союз, иначе может быть поздно — я чувствую приближение тьмы.

Зал Совета снова наполнился гулом голосов. Советники, шелестя одеждами, занимали свои ме-

ста. Краем уха Кулл уловил сказанные кем-то слова: «Кто она такая? Я не видел ее в составе посольства, а подобную красотку трудно не заметить. Глянь, как сверкают очи! До чего же хороша! Ммм...» Да, Меч-Дева прекрасна, и все же — как она попала сюда? Кулл, продолжая ломать голову над этим, повернулся к Грайу. Все еще хмурясь, он протянул атланту руку.

— Не сердись, но сам понимаешь — ты появился слишком неожиданно. Мы слишком привыкли остерегаться шпионов змеелюдей, тем более что у них есть союзники в столице.

Грайу пожал плечами и ответил на рукопожатие.

— Меня не прозвали бы Тысячеглазым, если бы я появлялся только там, где меня ожидают. Я прибыл тайно и хотел сам услышать все до начала переговоров. Даже представить не мог, что ты меня раскусишь... Да, кстати, если тебя это интересует, Кербалл отдыхает в своих покоях...

Но Грайу ошибался. Киммерийца в отведенных ему покоях уже не было.

Кербалл стоял у одной из арок Световой галереи и, опираясь на длинную рукоять секиры, смотрел вниз на столицу. Некое странное ощущение заставило его недавно покинуть свои комнаты. Это же ощущение заставило его вооружиться. Надевая на правую руку боевой наруч с наплечником и застегивая ремни, киммериец испытывал смутное удивление, что прощальный подарок Конана пригодился так скоро. Он не задумывал-

ся над источником своей уверенности в том, что ему придется сражаться. Как говорили киммерийцы — тело *знает*. Знает, когда надо есть, когда спать, когда любить, а когда готовиться к бою. Если научиться прислушиваться к голосу тела, то обрешь железное здоровье и могучую волю. Цивилизованные люди никогда не слушают тело. Они слушают голос ума и поэтому не едят, утоляя голод, а обжираются, не любят, но предаются похоти...

Теперь его внимание было приковано к великолепному зрелищу, что являла собой валузийская столица, и Кербалл бездумно смотрел вниз, зная, что время битвы еще не пришло. Световая Галерея опоясывала дворец со всех сторон. Место, с которого смотрел киммериец, находилось со стороны парадного фасада дворца. Отсюда взгляду открывался прекрасный вид на площадь, вымощенную розовым гранитом, на другой стороне которой высилась белокаменная Башня Великолепия. Резные двустворчатые двери в ее основании сейчас были закрыты, но в дни празднеств на площадку перед ними выносили Топазовый Трон, дабы Властители Валузии могли наблюдать за шествиями. Кулл, правда, редко пользовался своей привилегией. Он предпочитал принимать парады верхом на боевом коне, в окружении своих воинов. Поэтому резные двери Башни Великолепия редко открывались в его царствование.

Кербалл усмехнулся — все это очень напоминало Конана и его пренебрежение дворцовыми ритуалами. Киммериец перевел взгляд дальше, к ле-

су хрустальных шпилей, венчающих дворцы вельмож, к аркам виадукров, шагающих через город к реке со странным именем Вэл, к величественным пурпурным башням вдали, охраняющим стены великого города. Каменное кружево делало город невесомым, устремленным ввысь к синеве неба. Лишь ночь расставляла все на свои места, являя взору истинную тяжесть стен и древность камней. Киммерийцу нравился этот город. Он был полон загадки, опасной, как жало змеи, и так же прекрасен, как причудливые переливы ее чешуи. Кербалл жаждал приключений и опасности, а город обещал ему это...

Тихий звук достиг слуха воина. Что-то, напоминающее свист или шипение, донеслось с одной из лестниц, ведущих на нижние уровни. Руки сжали древко секиры, и Кербалл понял — время пришло. Стремительными бесшумными шагами он достиг лестницы и посмотрел вниз. Бесчисленные ступени спускались в зал Славы Королей, заполненный статуями владык, оружием и трофеями. Штандарты побежденных держав свисали с огромных колонн, капители которых терялись в темноте сводов — свет ламп не достигал потолка. У основания лестницы всегда стоял один из Алых, но сейчас Стража не было видно. Киммериец настоужился — Алые славилась своей верностью долгу и стойкостью. Он не верил, что часовой мог покинуть пост просто так, без веской причины. Вглядываясь в полумрак зала, Кербалл заметил стремительные тени, мелькнувшие между колоннами. Он начал спускаться.

Тени скапливались в темных переходах и залах. Змеиное шипение наполнило узкие ходы, пронизывающие стены дворца. Тенями владело одно желание — убивать. Оно копилось веками и теперь, как бурая пена колдовского варева, стремилось вырваться на поверхность. «Приказ Хозяев — убить всех! Всех!» И тени бросились убивать. Тихое шипение перешло в клокочущий рев, когда они стремительно врывались в залы и покои, убивая всех без разбора. Красная людская кровь сводила тварей с ума. Их жертвы не могли сопротивляться...

Но что-то пошло не так. Оказалось, не все люди беззащитны. Особенно опасны оказались те, в красных панцирях. Они могли убивать теней! Тени, обезумев от ярости, набросились на них. Никто не смеет безнаказанно причинить вред слугам Великих Хозяев Тьмы!

Еще с середины лестницы Кербалл почувствовал запах. Терпкий запах, чем-то смутно знакомый, словно в прежние времена, когда-то давно, предки киммерийца знали его. И запах этот напоминал о Смерти.

Кербалл пошел еще осторожнее, держа наготове секиру и передвинув поудобнее за поясом метательные ножи. Ступив на полированные плиты пола, он услышал слабый звук и замер. Справа за колонной кто-то стоял, стараясь дышать как можно тише, но это у него плохо получалось. В тот же миг киммериец заметил маслянистую черную лужу, блестящую у основания колонны. Запах

шел от нее. Волосы воина зашевелились, когда волна холода окатила его позвоночник. Он стремительно обернулся, всматриваясь в ряды статуй. Нет, ничего... Тогда Кербалл поднял секиру для удара и шагнул к колонне. Но почти сразу, увидев, кто перед ним, киммериец опустил оружие.

У самой стены, в тени от колонны, стоял Алый Страж с мечом, направленным на киммерийца. Лезвие меча было все в черных потеках. Лево́й рукой Страж держался за шею. Ворот красного панциря был смят — так руки гончара сминают сырую глину неудавшегося сосуда. Личину шлема пересекали глубокие борозды. Когти, оставившие эти следы, должно быть, из закаленной стали...

Страж был ранен, но рука, зажимавшая поврежденное горло, не дрожала. Кербалл шагнул ближе, и тут же Страж с яростным рычанием выставил вперед меч. Он пытался что-то сказать, но безуспешно. Наконец, справившись с болью, Алый произнес: «Ка нама... каа... лайерама!» Ожидания его не сбылись, и он, опустив меч, упер его в тущу твари, лежащей на полу.

— Я знаю тебя,— прохрипел он,— ты Кер-Абал, посланник атлантов...

— Верно,— сказал киммериец, подходя поближе, чтобы рассмотреть убитую тварь.— Что это за пакость? И где остальные стражи? Где Келкор?

Келкор сражался. Чудовища окружили его, но тяжелый меч горца сплетал для них смертоносный узор. Рядом сражались другие Стражи. Скоро должна была подойти подмога из Казарм. Ко-

мандир Алых радовался, что оставил сегодня в усилении еще две сотни бойцов. Он знал так же, что помощь на подходе: Алые со всего города спешно возвращаются во дворец. Он знал, что твари будут уничтожены, и молил Валку только об одном — чтобы Кулл оставался в зале Совета. Стражи у дверей остановят тварей. Их там двадцать — вполне достаточно. Но он знал своего короля и не верил, что Бог услышит молитву.

— Ну, кажется, мы обо всем договорились. Я рад, что Союз заключен.

— Только учти, король Валузии, что мне тоже может понадобиться твоя помощь. Княжества гор Му сплотились против меня. Пока что я справляюсь своими силами, но знаешь сам: война в горах — дело долгое. Сейчас я строю крепость на восточных склонах Священной горы Бен-Мор...

— Что за гора? — Кулл нахмурился. — Никогда не слышал о такой.

Грайу кивнул:

— До недавнего времени — я тоже. Но твой друг киммериец разбудил в ней Спящего Бога. Теперь он — покровитель атлантов...

— А Великая Мать Пучины?

— Мне было видение, когда твой маг напустил на нас шторм. Я призвал ее, и она пришла. Шторм прекратился, но... Она сказала, что ее время на этой земле прошло. Мать направила нас к Богу Горы. Теперь он вдыхает силу в души атлантов.

— Проклятье! — Кулл растерянно покачал головой. — Кто бы мог подумать, что мир будет ме-

няться с такой скоростью... Ты не сердись на Гонара, он иногда бывает излишне горяч. У меня были другие планы относительно твоего набега.

Грайу усмехнулся:

— Представляю себе. Однако не думаю, что принуждать меня к Союзу силой было бы правильным решением. Как знать, что я ответил бы тебе тогда?

Кулл собирался что-то сказать, но вдруг застыл. Алые Стражи, стоявшие по бокам трона, метнулись к двери, держа мечи наготове. Почти сразу из-за резных створок послышался лязг оружия, боевые крики Стражей, охранявших дверь снаружи, и низкий утробный рев. В Зале Совета наступила тишина. На этот раз никто не вскочил с места — все молча ждали распоряжений короля. Паники не было.

— Командующий Маас! — В голосе Кулла зазвенела сталь. — Соберите у двери всех присутствующих, имеющих оружие. Гонар! Можете ли вы сказать — кто напал на нас? Сможете ли вы оказать Алым магическую поддержку?

Седой маг поднялся с места и поклонился, сделав знак своим помощникам. Они начали спускаться к дверям. Лицо старца приняло задумчивое выражение.

— Единственное, что я могу сказать, мой король, — это не змеелюди. Это нечто похожее на них — так же как большие обезьяны юга похожи на людей. И ведет этих тварей воля... — Маг запнулся и побледнел, его голос стал хриплым. — Страшная воля... я... мне трудно видеть, но... это

тьма... Древние боги, что стоят над народом Змея... это они.

Маг опустил на свое место и застыл. Кулл огляделся. Его взгляд наткнулся на фигуру Меч-Девы, стоявшей в стороне. Ее синие глаза подсказали решение. Огонь! Огонь и Воздух!

— Отворяйте двери! — крикнул он Алым. — Я должен попасть в свои покои!

У твари был крупный череп с выпуклым лбом. Мертвые глаза затянуты белесой пленкой. Хищная пасть раскрыта. Мощные вытянутые челюсти, усеянные иглами острых зубов, угрожающе скалились. Тело твари напоминало человеческое, но было слегка крупнее. Мускулистые руки заканчивались когтистыми пальцами. Именно эти лапы смяли металл доспеха, как пергамент. Еще у твари были сильные задние ноги и длинный мощный хвост.

— Мы видели таких, — просипел Алый, — когда я год назад ходил с королем за Стагос. Только те были размером с быка и поглупее. Этот — хитрый. Подобрался, когда я отвлекся на шорох, и схватил меня за шею. Тут уж я решил — мне конец. — Страж закашлялся. — Видишь что он сотворил с доспехом? Но он хотел, убивая, смотреть мне в глаза и промедлил. Я воткнул ему в брюхо кинжал. А когда он разжал лапы, пустил в ход меч.

— Если ты не против, я составлю тебе компанию на некоторое время, — сказал Кербалл.

Алый Страж кивнул. Тени вновь скользили среди статуй...

— Они идут!

Глава третья

Даспахнулись двери, и умирающий воин в алых доспехах рухнул к ногам короля. Тварь, прикончившая его, перепрыгнула через тело, но топор Кулла настиг ее посредине прыжка. Черная кровь забрызгала беломраморные стены.

Из двадцати Стражей, охранявших двери зала Совета, на ногах осталось только семеро. Их доспехи, залитые кровью тварей, стали черно-красными. Трупы чудовищ валялись повсюду, но еще больше живых тварей напирало на строй Стражей, перегородивший дорогу к дверям. Тварь, убитая Куллом, ухитрилась все же прорваться...

Над плечом короля пролетела молния, и одна из тварей превратилась в груды пепла. Маги Гонара вступили в сражение. Кулл бросился вперед. За ним последовали остальные, и началась настоящая свалка. Всюду сверкали огненные разряды, топор короля крушил чудовищ, мечи Алых разили направо и налево. В сознании короля все пре-

вратилось в череду отдельных эпизодов, вспыхивающих в мозгу, словно молнии магов.

...Вот один из Алых падает, тварь бросается сверху, но воин выставляет меч, и клинок высывается из чешуйчатой спины чудовища, словно один из шипов... Меч пикта сверкает серебряной луной, и туловище твари разваливается пополам... Командующий Маас вонзает свой клинок в брюхо чудовища, тварь держится на ногах еще пару мгновений и падает... Один из Алых схватывается с очередным противником, но не успевает ударить мечом. Тварь выбивает оружие у него из рук, но тут же опрокидывается навзничь — кривой кинжал Ка Ну подсекает ей поджилки... Кто-то из придворных пронзает здоровенную тварь дуэльным клинком, но та, не обращая внимания на рану, отрывает ему голову. Фонтан алой крови ударяет из разорванных артерий. В то же мгновение огромный меч Грайу сносит твари башку... Кайрпре, посланник Конхобара, легко вращая тяжелым северным мечом, отсекает своему противнику сначала ногу, а затем голову... Айар, с ног до головы покрытая черной кровью, со свирепым воем рубит наотмашь...

Твари не думали убегать, но сражение близилось к концу — их становилось все меньше. Вдруг из бокового коридора выплеснулась новая волна чудовищ, а за ними с боевыми криками — свежий отряд Алых. Ужасающая бойня продолжилась.

Клинки поднимались и опускались, молнии и огненные шары превращали тварей в пепел. Скоро все было закончено.

Командир подкрепления подошел к королю чеканным шагом и отсалютовал.

— Мой король! По приказу Келкора сотня Алых прибыла в ваше распоряжение.

— Хорошо, Керн валь Ард! Ты прибыл вовремя. Оставь здесь пятьдесят человек для охраны и оказания помощи раненым. Маги поддержат их. Остальные со мной!

Воин повернулся, отдавая приказы. Стражи тут же разделились. Часть их заняла боковые коридоры и вход в зал. Другие занялись ранеными товарищами, по пути добывая еще живых тварей.

— Какая обстановка во дворце? — спросил Кулл, когда командир отряда вернулся к нему.

— Нижние ярусы очищены. Келкор и с ним триста воинов окружили большую группу тварей в районе Тронного зала. К постам у ваших апартаментов и в зале Славы Королей пробиться пока не удалось. Стражи, находившиеся там, скорее всего, погибли, тем более что последний пост считается почетным и на нем всегда находится только один Страж, правда лучший из лучших...

Кулл выругался и направился к Главному коридору, бросив через плечо:

— Следуйте за мной. Необходимо срочно попасть в мои покои.

Он не видел, как вздрогнула при упоминании о зале Славы стоявшая рядом Айар. Воительница взглянула на Грайу.

— Я чувствую, Кербалл в этом зале...

В следующий миг атланты бесшумно исчезли в одном из боковых коридоров. Ка Ну, заметив

это, кивнул своему сопровождающему, и пикт тенью метнулся следом за атлантами...

Твари неслись вперед, вытянув шеи. Зубастые пасти раскрыты, передние лапы, согнутые в локтях, прижаты к бокам, напряженные хвосты вытянуты назад. Кербалл и Алый Страж, стоя плечом к плечу, следили за их стремительным приближением. Двадцать шагов... Десять... Пять... Передняя тварь прыгнула. Меч и секира ударили одновременно, и уродливое создание рухнуло на пол. Остальные вихрем налетели на воинов, но те лишь слегка попятнулись. Они заняли позицию у стены, между двумя огромными колоннами, так что чудовища нападали лишь с одной стороны, и только две твари могли сражаться, не мешая друг другу. Людей это вполне устраивало.

Твари лезли друг на друга с неистовым ревом, пытаясь достать воинов кривыми когтями. Клинки людей отрубали чудовищам лапы, крушили черепа, вспарывали животы. Воины знали, что тварей нельзя подпускать вплотную, и длина оружия позволяла им сделать это.

Казалось, столетия прошли в неистовом хрипе и визге умирающих чудовищ, свисте клинков и тяжелом дыхании бойцов. Потом, в один миг, все закончилось. Твари отступили. Их шипение и свист звучали удивленно. Киммерийцу показалось, что он различает отдельные фразы. Чудовища разговаривали...

Только теперь воины поняли, с каким количеством противников им пришлось иметь дело. Не

менее сотни отвратительных созданий толпились между колоннами зала, и еще около десяти трупов их сородичей валялись у ног людей. Твари как-то странно приседали на задних лапах. Их мощные хвосты гневно постукивали по полу. Сверкающие зеленым огнем глаза то и дело обращались в сторону воинов.

— Не на второй, так на третий раз они нас прикончат... — Голос Алого звучал спокойно.

— Может, пока они болтают, отступим по лестнице. Вполне можно успеть...

Алый покачал головой:

— Я не могу оставить пост. Но...

— Знаю, что ты сейчас скажешь! — Кербалл хмыкнул. — Мол, мне-то вовсе не обязательно тут с тобой умирать... Забудь и думать об этом! Киммерийцы не бросают товарищей по оружию. Никогда!

— Я Измиагр, Второй Меч Алых. Если ты согласен принять смерть рядом со мной, даже не зная моего имени, я клянусь Мечом и Пламенем... клянусь, что до последнего мгновения своей жизни буду защищать спину своего брата Кербала из атлантов. Примешь ли ты мою клятву?

Кербалл выхватил из ножен кинжал и провел лезвием поперек груди. Выступила кровь.

— Принимаю! И клянусь в том же!

И тут твари напали снова.

Стремительный бег по тускло освещенному главному коридору. Половина светильников разбита. Отдельные твари попадают по дороге.

Взмах топора. Уродливая бестия, хрипя, катится под ноги Стражей. Ее приканчивают. Снова бег. Десяток тварей выпрыгивают из бокового коридора. Стремительный бой. Топор короля — словно молния. Мечи Алых — гром. Отряд устремляется дальше, оставив позади изрубленные трупы. Новая стычка. Еще и еще. Несколько раз Кулл замечает рядом силуэт Меч-Девы. Ее движения точны и смертоносны, в руках — полосы тумана. Твари при виде синих доспехов пытаются удраить. Они знают, кто она.

Впереди Тронный зал. Слышен шум боя. Алые загнали сюда три сотни тварей. Отряд с ходу вступает в бой. Сопротивление чудовищ сломлено. Кулл оставляет Келкора добивать оставшихся, торопясь дальше. С ним уже полторы сотни воинов.

Коридоры, ведущие к покоям короля, кишат тварями. Кулл отправил Керн валь Арда и его полусотню в обход, а сам бросился в атаку. Снова неистовая круговерть боя. Топор в руках короля без устали сокрушает черепа гнусных существ. Меч-Дева рядом. Алые прикрывают бока.

Вдруг все исчезло. Чудовищ больше не осталось. Их изуродованные трупы покрывали пол настоящим ковром до самых дверей королевских апартаментов. Возле створок из чернокамня лежали тела пяти Стражей. Еще трое Алых стояли рядом, тяжело опираясь на свое оружие. Один из них, видя удивленный взгляд короля, покачал головой:

— Нет, мой король, это не мы, хотя, Валка свидетель, мы сделали все, что могли. Но их бы-

ли сотни, и они навалились со всех сторон. Пятеро наших пали в один момент, но случилось чудо. Мы уже приготовились умереть, когда двери покоев открылись. Из них появилась воительница с волосами, как пламя, с золотыми кинжалами в руках, — он покосился на Меч-Деву, — похожая на эту госпожу. Только доспехи у нее были красные, как у нас. Ничто не могло ее остановить. Она убила больше чудовищ, чем все мы, вместе взятые, а потом исчезла... Мой король, вы можете приказать нам броситься на мечи, но мы не знаем, как она оказалась в ваших покоях...

Кулл мрачно улыбнулся:

— Здесь нет вашей вины. Я не предупредил вас о ее присутствии.

Он повернулся к командиру Алых:

— Керн! Оставь мне полусотню, а сам с остальными отправляйся в зал Славы Королей.

Воин отсалютовал. Король посмотрел, как тот отдает распоряжения, и, кивнув, вошел в свои покои. Его встретила улыбка Девы Огня, сидевшей скрестив ноги на королевском ложе.

— Я успела соскучиться... — вымолвила она.

Стальные когти рванули плечо. Соскользнули — спас наплечник. Зубастая пасть лягнула у самых глаз. Лезвие секиры с хрустом врубилось в омерзительную морду. Рукоять сломалась, и Кербалл на миг остался безоружным. Пока он выхватывал меч, одна из тварей подскочила вплотную, но побратим прикрыл его, подрубив ей поджилки. Чудовище рухнуло, ударом хвоста сбросив

Стража с груды трупов, на которой они защищались. Твари ринулись к нему, но первая из них вдруг завертелась волчком, с визгом цепляясь за рукоять метательного ножа киммерийца, торчащего из ее правой глазницы. Остальные попятись. Через мгновение Алый снова стоял рядом с Кербаллом.

Твари снова ринулись вперед. Воины приняли их на мечи. Полетели черные брызги. Сталь заскрипела о кость. В этот миг прогремел боевой клич атлантов. Грайу и Айар, сбежав по лестнице, ринулись в бой. Молчаливый пикт последовал за ними.

Неожиданное нападение ошеломило тварей, и они вновь отступили к середине зала. Айар сжала предплечье киммерийца, глядя, как из-за дальних колонн появляются все новые бестии.

— Не спрашивай, откуда я узнала, где ты.

Кербалл усмехнулся. Синие глаза сверкнули с залитого черной кровью свирепого лица.

— И не спрошу... Попить бы сейчас.

Грайу молча протянул ему флягу. Киммериец глотнул и засмеялся:

— Вино! Кром разрази моих предков! Вы запасливый народ, атланты!

— Нам надо уходить.— Грайу мрачно указал мечом в сторону зала.— Их все больше. Видимо, Алые выжимают сюда тварей со всего дворца.

— Видишь ли, мы не можем уйти.— Кербалл задумчиво осмотрел зал, кишачий тварями.— Дело в том, что я и вот этот парень из Алых — теперь побратимы. Он на посту и уйти не может, а

я его не брошу. Так почему бы нам еще не повеселиться?

Грайу пожал плечами — почему бы и нет? Айар вздохнула и принялась проверять остроту меча. Пикт, все это время молчавший, что-то произнес вполголоса на своем языке.

— Что он сказал? — спросила воительница.

Киммериец отпил еще вина из фляги, и, передав ее Измиагру, ответил:

— Он говорит, что мы воистину *киммрах ак карнах* — «безумцы с мечами».

— Подскажите, что мне делать.— Кулл слышал свой голос, словно из неимоверной дали. Две Меч-Девы стояли перед ним. Две пары глаз — синие и золотые смотрели в самую суть его существования, как если бы увиденный им сон стал явью. И это действительно было так. Кулл знал, что его сны имеют свойство сбываться, и ничему не удивлялся.

Он смотрел на них и думал, что ему все время придется напоминать себе о том, что они не обычные женщины. Что они не рождены смертными отцом и матерью, что они — живые воплощения Стихий. Впрочем, будь они смертными — все оказалось бы проще. Смертные женщины, даже несказанно прекрасные, не волновали сердце атланта. Он знал их любовь, но никогда не любил сам. Они не имели власти над душой короля. Но эти... Кулл чувствовал, как сила, излучаемая их телами, проникает в его сердце, зажигая

неистовый жар. Но воин никогда бездумно не поддается Силе, даже если эта сила — его собственная. Только тогда он может быть уверен, что не станет ее рабом. Конан-киммериец справился с этим. Теперь это сделает Кулл-атлант.

— Так что мне нужно делать, чтобы покончить с этой мерзостью раз и навсегда? — Теперь его голос звучал как обычно. Девы с улыбкой переглянулись.

— Сначала нам нужно взяться за руки, — сказала Огонь, — ты, мой король, станешь центром. Всю силу тебе сейчас не использовать — наша связь с тобой еще непрочна. — Она снова улыбнулась. — Но того, что ты сможешь сделать, будет вполне достаточно.

— Я уничтожу их род?

— Нет. Они слуги такой страшной силы, что даже мы не сможем тебе помочь в борьбе с ней. Для этого нужны все четыре Меча. И то... Ты не уничтожишь их всех, но дворец свой очистить сможешь вполне. Ну, — она шагнула к нему, — дай руку.

Огонь и Воздух, солнце и утренний ветер, жар и прохлада... Кулл закрыл глаза, и неистовый вихрь подхватил его, как пушинку.

Твари снова двинулись в наступление, когда тяжкий удар потряс дворец до самого основания. Из невидимых ранее отдушин в стенах с ревом вырвалось синее пламя. Предсмертный вой сотен чешуйчатых бестий, застигнутых в тайных тоннелях, заполнил дворец.

— Кром! Что это?! — Меч киммерийца указывал на новые тени, зашевелившиеся между колоннами. Твари отпрянули от них, сгрудившись перед лестницей. Их когтистые лапы судорожно сжимались. Сильные хвосты, дрожа, волочились по полу. Тени, напугавшие их, выступали из мрака. Их глаза сияли свирепым призрачным огнем. Бронзовые и каменные воины, статуи героев и императоров, двигались вперед, и копыта их неживых коней гремели по плитам пола. Впереди всех, верхом на скакуне из черного оникса, ехал призрак в доспехах из мрака и седой паутины. Его яростный взгляд пылал ненавистью. Вот он воздел прямой валузийский клинок, и воинство ринулось в атаку. Бронзовые пики пронзали тварей насквозь, металлические копыта крошили их кости. В считанные мгновения все чудовища были уничтожены. Кони статуй стояли по бабки в черной крови. Призрак на ониксовом жеребце остановился у самой лестницы. Измиагр отсалютовал ему мечом. Глаза умершего владыки вспыхнули неистовым жаром, и он ответил на приветствие.

— Передай королю, — от голоса призрачного воина всех проняла дрожь, — мы ждем сигнала. — Воитель выпрямился в седле и застыл. До людей донесся угасающий шепот: — Я... отомстил...

Они молчали довольно долго, но статуи остались неподвижными. Потом послышался топот множества ног, и по лестницам в зал ворвались две сотни Алых. Они издали восторженный рев, увидев Измиагра живым. Тот отсалютовал еще раз.

— Что это был за призрак? — Кербалл положил ему руку на плечо.

— Эаллал, король правивший Валузией за тысячу лет до Кулла. Он был убит змеями и все это время оставался неотомщенным. Теперь он отмстил.

Кербалл не раздумывая отсалютовал молчащей статуе.

— Ты настоящий воин, Эаллал. Хотел бы я сражаться с тобой рядом!

За его спиной Страж издал удивленный возглас:

— Ты видел?! Он кивнул тебе, он слышал!

Тьма окружала его со всех сторон, и в этой тьме он увидел дворец так, как если бы мог смотреть сквозь стены. Он видел его весь целиком, сразу. Все залы и покои, переходы, площадки и галереи. Видел черную паутину тайных ходов, наполненных мерзкой шевелящейся мглой. Пламя вскипело в его груди, и он ринулся вниз, проникая в древние коридоры, катясь неудержимым валом жидкого огня. Он был везде и всюду одновременно.

Незримое яростное пламя охватило весь дворец, и мерзкая мгла в тайных тоннелях вспыхнула бледным сиянием, сгорая дотла. Он жег ненавидимых тварей, гоня их все дальше и дальше. Потайные панели в стенах с гулом вышибало наружу. Дворец содрогался, как больной, заходящий кашлем. Больной, который должен выздороветь или умереть.

Катясь волной пламени в стенах зала Славы, он почувствовал сопротивление, словно некое заклятие держало здесь взаперти древнюю силу. Под его неистовым напором сопротивление рухнуло, и плененная сила вырвалась на свободу. Не останавливаясь, он помчался дальше, уверенный: так и должно быть.

И вот уже почти все ходы сияют янтарным огнем. Запуская жгуты пламени в отступающую мглу, он спускался все ниже. Вот подвалы. Мгла кипит в них, но ярость огня превращает ее в пыль. Мгла со стоном отступает к подземным ходам, и становится видна их сеть, бегущая от дворца во все стороны. Здесь он почувствовал, что преследование нужно прекратить, и последним яростным усилием обрушил своды подземных ходов. Земля содрогнулась. В последний миг он увидел, что самый широкий ход вел к храму Змея...

Кулл открыл глаза. Стены Покоя вращались вокруг него, и он невольно пошатнулся. Громкий стук в двери привел его в чувство.

— Войдите! — прорычал король и почувствовал, насколько же он устал. Хотелось пить. В глотке бушевал настоящий пожар.

Двери распахнулись, и на пороге появился Алый Страж в истерзанных доспехах, только что из боя.

— Мой король!.. — начал он и запнулся, удивленно оглядывая покои. Он ожидал увидеть короля в обществе двух прекрасных воительниц из Соединенного королевства, но девушек и след простыл. Король же стоял посреди комнаты с двумя

длинными мечами в руках и выжидающе смотрел на вестника. У него был такой вид, как будто он только что выдержал тяжелый поединок.

Молчание затянулось, и Кулл стал проявлять признаки нетерпения. Алый встрепенулся и доложил:

— Мой король! Твари уничтожены, дворец очищен полностью. Обнаружено множество открывшихся тайных ходов. Внутри их стены закопчены, как от очень сильного пожара. От тварей остались лишь кучки пепла.

— Знаю. Что еще?

— В зале Славы Королей странное происшествие. Оказавшиеся там послы атлантов, их король Грайу и телохранитель Ка Ну в один голос утверждают, что статуи древних владык вдруг сошли со своих мест и уничтожили всех тварей, находившихся в зале. Наш Второй Меч — Измиагр, остававшийся там на посту и, к счастью, уцелевший, подтвердил все это и добавил, что вел древних король Эаллал, точнее, его призрак. И что последний просил передать вам следующие слова: «Мы ждем сигнала», после чего снова превратился в статую.

— Наконец-то Эаллал отомстил... — Кулл задумчиво смотрел в окно. — Это все?

— Да, мой король!

— Тогда слушай. Мне срочно нужны писцы и художники, которые занимаются зодчеством. Доставить их сюда вместе со старыми планами дворца и чистым пергаментом. Пусть Ту позаботится о рабочих. Я хочу нанести на план все обнаружен-

ные ходы. Некоторые можно использовать, остальные — замуровать по всей глубине. Задача ясна? Отлично! — Король опустился в кресло, положив на колени обнаженные мечи. — Да! Позаботься, пусть принесут вина, и передай Келкору, чтобы зашел, как освободится. Хочу обсудить с ним кое-что...

С тех пор король часто видели в сопровождении двух красавиц — рыжей и златовласой. Ходили слухи, что властелин Валузии наконец-то решил покончить с холостой жизнью и завести себе жен. По валузийскому обычаю, у него их могло быть несколько. Рассказывали, что брак династический и девушки — сестры короля Тула Конхобара. Правда, знающие люди утверждали, что у Конхобара всего одна сестра и та уже пять лет замужем за опальным Лабрайдом из Мунстера. Но слухи лишь ширились.

Вообще, этот день вошел в историю как День Дворцового Побоища. Тварями было убито почти триста человек придворных. Знатнейшие фамилии Валузии понесли тяжелые утраты. Кулл объявил всеобщий траур, омраченный к тому же слухами, что сам король и Алые перебили неугодных им царедворцев.

Слухи удалось быстро пресечь — нашлось множество очевидцев трагедии, а канцлер Ту приказал отрубить головы всем убитым тварям и выставить их за стенами дворца, насадив на колья. Голов оказалось больше тысячи. Народ смотрел на них и ужасался, в пояс кланяясь Алым Стражам,

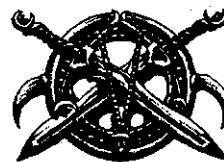
которые потеряли в этот день не меньше сотни убитыми. Правда, раненых было гораздо больше.

Ходил еще слух, что статуи древних королей в этот страшный день сошли со своих постаментов и выстроились в боевой порядок у ступеней Зала Славы и сам Эаллал вел их. Это расценили как благословение политики короля Кулла, направленной против культа Змея. Но это обсуждали шепотом. Слишком могущественны были жрецы и слишком страшны наказания тем, кто упоминал темного бога всуе.

Каждый думал, что как-нибудь переждет борьбу короля со Змеями. Всем казалось, что это их не касается, но перемены неумолимо надвигались на разнежившуюся в роскоши страну. Слишком быстро валузийцы забыли правление Борны и войну с Тройственным Союзом. И в скором времени им предстояло вспомнить, как держать в руках меч. Пока же все тешились слухами о красавицах из Соединенного королевства, о Союзе с атлантами Грайу Тысячеглазого и о походе на Полночь, который затевает король. А меч судьбы уже неумолимо опускался на людей, безжалостно поделив их на мертвых и живых.

Часть вторая

ВРАТА

*Осторожнее тут, на прогнившем и грязном причале,
Где меж черными сваями мертвенно стынет вода.
Это я, «Покоритель морей». Вы меня не узнали?
Да и как тут узнать, если прошлое съели года...*

*Был я гордым и стройным пенителем синего моря,
Самым лучшим во флоте могучем, душой короля.
Побеждал я всегда, и с врагами, и с бурями споря.
Люди «Гордостью Кулла» меня называли не зря.*

*Он стоял на корме иль на кнехте сидел, как на троне,
Вперив взор в океан, словно видел за ним он врага.
Жарко плавился полдень, и камни сверкали в короне,
И блестели суровою сталью на шлеме рога.*

*С ним мы плыли бесстрашно на поиски
стран небывалых,
Где под яростным солнцем из швов выступала смола,
И нездешние волны качали там чаек усталых,
И нездешние звезды гляделись в морей зеркала.*

*По ночам выплывали из бездны,
страшны, как кошмары,
Твари, коим и имени нет. Кулл рубил их плеча.*

*И акулы размером с кита, и гиганты кальмары
Стали первой добычей его гарпуна и меча.*

*Мы великого Змея Морского видали однажды,
Нам встречались не раз в небе
призраки странных судов.
В мертвом штиле на южных морях мы
томились от жажды,
Замерзали на севере, в царстве сверкающих льдов.*

*Бури грозно рычали, и мчали меня, и качали.
Налетал вдруг свирепо стремительный,
яростный шквал,
Злобно перились рифы, и некуда было причалить,
И вставал, надвигаясь, девятый, погибельный вал.*

*Ветер странствий нас звал за собой.
Зову властному внемля,
Мы прошли все моря, повидали мы все берега.
И в бескрайнем просторе нашли неизвестные земли,
Те, куда не ступала доселе людская нога.*

*Мы вернулись с победой, омывшись в соленой купели,
Облачивши во плоть дерзновенные Кулла мечты.
Звуки труб золотых нам великую славу пропели,
И, встречая нас, с берега люди кидали цветы...*

Роберт Говард. Жалоба старого Корабля

Глава первая

Налуба исполняла под ногами немислимый танец. Волны с гулом били в крутые борта «Покорителя», забрасывая холодные брызги до самого мостика. Кожаная одежда моряков, управлявших кормовым веслом, блестела от влаги. Ветер туго надувал паруса, трепал вымпелы и флаги, завывая в снастях, рвал плащи с людей, стоявших на палубе. Он нес холодную водяную пыль, которая секла кожу, словно песок.

Кулл наслаждался. Он устал от дворца, от вельмож, важных и завистливых, от этикета и тысяч писанных и неписанных правил, окружающих короля со всех сторон, подобно тому как загонщики обкладывают кабана. Свирепый ветер и палуба под ногами, брыкающаяся, словно норовистая лошадь, дарили ощущение свободы. Свободы и опасности, а их Кулл ценил в жизни больше всего.

Свинцовые водяные холмы несли его флот к берегам северных островов. Трехмачтовые валу-

зийские скаги, увенчанные башнями белых прямых парусов, казались на спинах «коней моря» утлыми суденышками. Но флот был огромен. До самого южного горизонта виднелись паруса валузийских кораблей. При хорошем ветре они достигнут архипелага за два дня.

Кулл посмотрел вправо. Горизонт на восходе зубрился треугольными парусами дромонов. Корабли Конхобара составляли правое крыло объединенного флота. На левом находились пикты. Их длинные ладьи были наполнены свирепыми смуглыми воинами. Отсюда было видно, как легко они взлетают на гребни волн. Их паруса, разрисованные синими узорами, с древних времен наводили ужас на обитателей прибрежных городов. Но ушли в прошлое безумные набеги пиктов. Теперь у них есть верховный вождь. Клань объединились вокруг него, оставаясь, впрочем, вполне самостоятельными. По-другому быть не могло: кровное родство превыше всего для таких, как они.

Темные тучи мчались над самой водой. Казалось, что мачты кораблей царапают их мягкие животы. Тучи несли снег.

«Валка! — подумал король. — Я уже и забыл, что в это время года может идти снег!» Он представил себе флот атлантов, внезапно возникающий из пелены снежного заряда. Черные корпуса кораблей, черные паруса. Чудовищные лики носовых фигур. Корабли Грайу уходили все дальше, держа курс между Полночью и Восходом. И Кулл надеялся, что они успеют уйти подальше,

прежде чем галеры лемурийцев выйдут навстречу объединенному флоту.

По палубе зазвучали шаги. Король обернулся, держась рукой за поручень. Палуба в очередной раз пыталась вырваться из-под ног. Вестник, направлявшийся к нему, едва сохранил равновесие. Его лицо, по контрасту с алыми доспехами, было пугающе бледным.

— Мой король! — Казалось, ветер пытается украсть слова воина, унеся их прочь. — Маг, наблюдающий за перемещениями врага, докладывает, что впереди, в нескольких десятках морских дакиле, большое скопление кораблей. Его помощник, ответственный за связь с кораблями флота, говорит, что маги с других кораблей также подтверждают это.

Рука короля легла на обух тяжелого топора. Он погладил древний металл, и ему вдруг привиделось, как сияют во тьме его каюты Мечи Стихий. А быть может, они сейчас приняли человеческий облик? Возможно...

Он посмотрел в глаза Алого. Тот держался молодцом, хотя морская болезнь всерьез донимала его.

— Пусть передадут по эскадрам боевую тревогу. Командующему правым крылом — выдвинуть огненосные корабли ближе к стыку наших флотов. Левому крылу — развернуть строй и готовить охват фланга. Центру — две боевые линии. Всем готовить баллисты к стрельбе. И еще. Пусть свяжутся с атлантами. Я хочу знать, далеко ли они успели уйти.

Алый отсалютовал и поспешил вниз. На «Покорителе» зазвенел боевой гонг. Команда высыпала на палубу — ставить паруса по-боевому. Воины окружили рамы тяжелых баллист. На носу появился отряд Алых — на случай абордажа.

Кулл смотрел на полуночный горизонт, над которым вскоре должны были запестреть паруса лемурийских галер.

Поселок Ястребов был на самом деле небольшим приморским портом, недалеко от устья реки Вэл. Название осталось с тех стародавних времен, когда его носил маленький рыбацкий поселок. Несколько раз городок разоряли набеги атлантов, но теперь наступило затишье. Атлант на троне Валузии заставил соплеменников перенести свой кровавый промысел в другое место.

Два дня назад все население города, высыпав на серебряный пляж за городскими стенами, с восторгом наблюдало, как огромный флот короля направляется на Полночь. В гавани города последнюю неделю стояло тридцать пиктских ладей, и горожане радовались, что смуглые варвары уходят вслед за королем. Радовались по разным причинам. Некоторые — потому что болели кости после драки со свирепыми смуглыми воинами в одной из таверн. Другие — потому что не надо больше держать взаперти дочерей, а то про пиктов всякое расскажут. И не всегда понапрасну. Правда, дочери были об этом иного мнения. Пикты казались им благородными дикарями, и не одна, сбежав из-под родительской опеки, оказы-

валась в жарких объятиях смуглого воителя. И через некоторое время плоды ночных походов иных девиц грозили стать явными...

Городок еще не остыл от сплетен по поводу Объединенного флота, когда по дороге на Нарег в него прибыла сотня Алых Стражей. Лучших воинов короля здесь видели в последний раз двадцать лет назад во время особо крупного набега атлантов. Их появление взбудоражило Поселок Ястребов. Еще бы — ведь король-то на войне! Значит, что-то происходит. Все с нетерпением ждали развития событий. Прошел слух, что с Алыми прибыл Глашатай Короля.

На следующий день на площади перед зданием королевского суда собралось все взрослое население городка. Вокруг специально выстроенного помоста стоял четкий квадрат всадников в алой броне.

Пики, упертые в стремяна, высились частоколом. Помост был пуст. Люди глазели на Стражей, раскрыв рты. Те казались им мифическими существами, сделанными из холодного металла. В толпе ползли шепотки.

— Привет, Мерама!

— Здорово, сосед! Что слышно?

— Разное болтают. Я слыхал, скоро будет говорить...

— Ну-ну, что-то не видать Глашатаю... А ты, сосед, дочку-то из подвала уже выпустил или как?

— Выпустил. А вот ты свою и не прятал. Смотри, как бы потом смугляков воспитывать не пришлось.

— Да ну тебя. Язык у тебя что жало змеиное. Столько рядом живем, и не знаешь, что посватана она за Атлу Оружейника? Они друг в друге души не чают, а Атлу ты знаешь. Он кому угодно ноги переломать может.

— Ладно, Мерама. Я же пошутил.

— Шутник... О! Смотри! Это не Глашатай слушаем?

На площади появился высокий сухощавый человек с седыми вьющимися волосами, одетый в толу королевского вестника. Его сопровождал десяток спешившихся Алых. Придворный прошел через расступившуюся толпу и поднялся на помост.

Воцарилась тишина. Глашатай молча осматривал людей. Все ждали речи, но он ничего не говорил. Тогда шепотки поползли вновь.

— Смотри, какой важный! Небось, настоящий царедворец. Интересно, что скажет? Я слыхал, в столице траур объявляли. Народу погибло много...

— Да... еще говорят, какие-то чудовища короля Кулла хотели убить, но он вместе с этими вот, в красных доспехах, их всех прикончил. Знаешь, Мерама, когда я сюда шел, то в боковой улице видел отряд Береговой Охраны. Они как будто оцепляли площадь...

— Да ну?! Значит, новости совсем паршивые будут.

— Вот-вот. У меня там племянник служит, так я его спросил — что это вы тут делаете, Скри? А он бледный какой-то, круги под глазами — слов-

но ночь не спал. Смотрит на меня странно так и говорит — иди, мол, дядя, на площадь, там все узнаешь.

— Странно это, сосед. Он же у тебя балагур — на весь Поселок такого весельчака не сыщешь.

— И я о том же...

— Смотри, смотри! Свиток достал, сейчас говорить будет!

— Да мне ничего не видать отсюда. В самый раз черепушка твоего будущего зятя обзор закрывает!

— О, говорит!

Голос у седовласого Глашатая оказался звонким и сильным. Вся площадь слышала его слова совершенно отчетливо.

— Слушай, Валузия! Послание короля! Вы на всю жизнь запомните слова, которые сейчас будут сказаны. Они принесут вам горе! Но они же дадут вам покой! Слушай, Валузия!

— Что он говорит? Ка... нама... На каком это языке, ты не знаешь, сосед?.. Сосед, ты не знаешь?

—

— Эй, ты что, оглох, со... Ты это... Ты кто это... Эй, люди, это же змея! Помогите! Люди!

Вся площадь взорвалась криками ужаса. Люди с воплями шарахались от чудовищных созданий, в которых вдруг превратились их знакомые и родичи. Змеи бросились наутек, но Алые уже мчались, расшвыривая толпу в стороны, и настигали тварей.

Кровь хлынула на мостовую. Люди хватали змей, те защищали свою жизнь. Воцарился насто-

ящий кошмар. Выходы с площади перекрыли отряды Береговой Охраны. Они прошли это испытание еще сегодня ночью, и лица многих ратников были бледны. Страшно, когда тот, с кем ты рядом ел и спал столько лет, вдруг оказывается не человеком, а уродливой тварью со змеиной головой.

Через несколько минут все было кончено. Змеелюди перебиты. Настоящие люди с ужасом взирали на их уродливые тела, сваленные у помоста. Их было около двадцати.

Глашатая покачал головой. Двадцать змееголовых на маленький провинциальный городок... Это очень много. Борьба, которую начал король, может оказаться гораздо более кровавой.

Гул толпы привлек его внимание.

— Люди Валузии! Теперь вы знаете, о чем хотел предупредить вас король. Отныне эти слова — *Ка Нама Каа Лайерама* — должны стать для вас утренним приветствием друг другу, иначе злобные твари, подобные тем, которых вы видите перед вами, снова смогут убивать ваших близких, чтобы занять их место. Помните об этом! Если есть среди вас те, кто хочет отомстить за погибших родичей и друзей, вы можете подать прошение о зачислении в новое войско, которое создает король для борьбы со змееголовыми. Войско Гнева!

После его слов наступила тишина, а потом несколько человек вышли из толпы, и один из них, огромный, ростом под стать Куллу, сказал:

— Я — Атла Оружейник. Мы хотим записаться.

По всей стране в этот день отряды Алых, возглавляемые Глашатаями, несли людям Слово Кулла. Страна встала на дыбы. Война Гнева началась.

Дом Первого Советника Ранаagri стоял на окраине Асматитарны, столицы Верулии. Огромный парк окружал величественное строение, когда-то бывшее загородным имением рода Ранаagri. Потом город разросся, и усадьба неожиданно превратилась в городской дом. У Первого Советника был еще один дворец — ближе к резиденции короля, но Ранаagri его не любил. Очень уж помпезным и вычурным было его убранство. Советник предпочитал более уютные помещения и теплую семейную обстановку.

Здесь же, в его Доме Среди Деревьев, до сих пор жили старые слуги, которые помнили Ранаagri еще ребенком, хотя Советнику перевалило уже за шестьдесят.

Несмотря на возраст, он сохранил подвижность и здоровье. Высокий и жилистый, Ри Ранаagri в молодости слыл одним из самых опасных фехтовальщиков королевского двора, и на дуэль с ним отваживались немногие. До сих пор он с удовольствием фехтовал перед обедом на лужайке за домом.

Партнерами ему были порой сын, статный сорокалетний мужчина, один из лучших полководцев королевства, а порой внук, такой же повеса, каким был в давние годы его дед. Упражнялись на прямых валузийских клинках, вошедших в мо-

ду еще при старом короле. Поединки иногда затягивались, и не раз случалось, что молодежь уставала быстрее, чем старый Ри.

Окружающие были от него без ума. Он всегда казался исполненным оптимизма и той бесшабашной уверенности, которая делает человека душой компании. В то же время Раналгри слыл опытным и осторожным политиком. Он распутывал заговоры и останавливал войны. О его влиянии на короля ходили легенды. Злые языки обвиняли его в злоупотреблении властью. Но Первый Советник оставался в милости у короля.

В свое время он уговорил верулийского монарха выйти из Тройственного Союза с Фарсуном и Комморийей. Армия валузийцев разгромила Союз вдребезги. Конечно, некоторые утверждали, что, не выйдя Верилия из Союза у него были бы шансы одержать победу.

Но Раналгри знал, что с тигром на троне, как он называл Кулла, Валузия перестала быть сонной, слабой страной, и шансов у Союза на самом деле не было никаких. Он успел открыть глаза королю, и тот принял верное решение. Верилия отделалась лишь небольшой контрибуцией, пограничные же районы Коммории и побережье Фарсуна армия Кулла сожгла дотла.

Политическое чутье не изменяло Советнику и теперь. Он всячески противился возникновению нового союза против Валузии, которая со времен войны стала только сильнее. Король прислушивался к нему и предпочитал заниматься делами южных колоний и вечными спорами с Фарсуном

относительно границы по реке Сатис. Но Раналгри чувствовал, что силы, стоящие за партией войны, пришли в движение. Он боялся, что дело дойдет до государственного переворота, и поэтому заручился поддержкой министра тайной охраны Ара Дарата. На последнем Совете они договорились, что министр прибудет в Дом Среди Деревьев сегодня вечером, чтобы обсудить с Раналгри создавшееся положение.

В назначенный час мрачный всадник на вороном коне въехал в аллею, ведущую к парадному крыльцу Дома Среди Деревьев. В это же самое время советник находился в своем кабинете. Он задумчиво прохаживался по мягкому ковру, устилавшему пол. Предчувствие надвигавшихся неотвратимых событий давило на сердце.

Раналгри посмотрел на забавные механические часы, изготовленные, по слухам, каким-то карликом. Странное нагромождение рычагов, дисков и зубчатых колес, изготовленных из бронзы, находилось в постоянном медленном движении. Диски и колеса бесшумно вращались, рычаги покачивались вверх-вниз, а балансир, движущийся вдоль рейки, на которой были обозначены часы дня, показывал время. И показывал гораздо точнее, чем обычные песочные и водяные часы. Сравниться с ним могли только солнечные, но ночью и в помещениях они не годились.

Советник поймал себя на том, что он гордится единственным в своем роде механизмом, и улыбнулся: «Ну чисто ребенок! Седьмой десяток, а никак не повзрослею». Он еще раз глянул на

часы и заметил что балансир находится у знака Пса. Солнце садится — пора бы Ару Дарату и прибыть.

В дверь постучали, и старый слуга величаво вступил в кабинет.

— Мой господин! — произнес он сухо. — Вы хотели лично встретить министра в гостиной.

— Спасибо, Эт Тино.

Раналгри последовал за слугой. Они прошли по кольцевой галерее, свернули налево и очутились у лестницы в гостиную. Но вместо Ара Дарата Советник увидел у подножия лестницы десяток вооруженных людей. Удивленный, он хотел обернуться к слуге, но тот с неожиданной для старика силой схватил Советника за горло. Вооруженные люди бросились вверх по лестнице, обнажая клинки, и Раналгри понял, что настал его смертный час.

Флот лемурийцев пылал. Кровавое зарево отражалось в черной воде. Но бой продолжался. Уже наступила ночь, но отдельные отряды галер продолжали вылетать из темноты, стремясь протаранить корабли валузийцев. Кулл несколько раз брался за топор, помогая Алым очищать палубу от свирепых пиратов. Их флот был разбит, но они сражались до последнего, даже терпя поражение. Пикты и гойделы зажали их в клещи, пока лемурийцы с отчаянным упорством атаковали центр флота.

Под градом каменных ядер их галеры снова и снова неслись в убийственные атаки. Неслись,

чтобы измочаленными в щепу исчезнуть под волнами. И они прорывались сквозь огонь баллист. Тогда яростные сражения кипели на палубах кораблей и все решали сталь и мужество. Если бы не огненосные дромоны, Объединенному флоту пришлось бы плохо. Лемурийских галер оказалось очень много — гораздо больше двухсот. Но теперь они отступали к островам, преследуемые по пятам быстрыми ладьями пиктов. Отступали организованно. Летучие отряды по две-три галеры продолжали тревожить флот, держа союзников в напряжении.

Кулл смотрел на гигантский костер, бывший недавно целым отрядом кораблей, и думал, что людям, вместо убийства друг друга, надо бы объединиться для дел более важных. Например, для войны со змееголовыми. Но человек так устроен, что пока он находится в сильной позиции, никакие разумные доводы не могут достичь его ушей. Мир с лемурийцами невозможен именно по этой причине.

Они не станут слушать короля, побережье страны которого считают своей охотничьей вотчиной. Значит, нужно заставить их прислушаться к его словам.

Зарево понемногу гасло — корабли тонули. Кулл снова подумал о флоте атлантов, прорывающемся сквозь туман и снег. Грайу почти завершил свой обходной маневр.

Утро выдалось на редкость туманным. Было такое впечатление, что облака устали лететь по

небу и легли на воду отдохнуть. Но туман не мешал высадке. Корабли атлантов тихо выскальзывали из дымки и, скрипя корпусами о прибрежный песок, замирали. Головы чудовищ и богов на их носах грозили земле. Атланты идут!..

Грайу первым прыгнул за борт и, по колено в ледяной воде, пошел к берегу. Волны с шипением бросались на пустынный пляж. Воины принялись вытаскивать на него корабли. Грайу приказал разослать во все стороны дозоры. Они должны были найти и уничтожить наблюдательные посты и устроить засады на тропах. Через некоторое время примчались вестники и сообщили, что постов нет и путь свободен. Грайу усмехнулся. Лемурийцы должны поплатиться за свою беспечность. Он скомандовал выступать.

Холодные скалы, поросшие мхом и лишайниками, напоминали северное побережье Атлантиды. Казалось, ни одно живое существо, кроме птиц и морских котиков, не селилось в этих местах. Но вид острова был обманчив.

За линией береговых скал начинался хвойный лес. В нем пахло жизнью, и множество звериных следов подтверждало — остров вовсе не пуст. Изредка попадались и следы людей. Кострище, в котором лежит обугленный олений череп, зарубка на стволе дерева, сломанная стрела без наконечника. Люди явно посещали эту часть острова, и войско шло осторожно, разослав дозоры далеко в стороны. Грайу спешил.

Вскоре пришло сообщение, что обнаружена старая валузийская дорога, мощенная камнем, идущая

с Восхода на Закат. По ней, похоже, ездили редко. Судя по карте, которую дал Грайу Кулл, она должна вскоре свернуть к Полудню. Отрядив фланговое охранение, войско свернуло на дорогу. Снова вернулись разведчики и сообщили, что впереди, там, где дорога выходит из леса, находится большой поселок. Домов сорок, рынок и небольшая крепость.

Грайу был верен своей стратегии — никто из врагов не должен спастись бегством и предупредить остальных. Разделившись на три отряда, атланты бросились в атаку. Фланги взяли поселок в кольцо, а центральный отряд в мгновение ока захватил укрепления. Жители отчаянно сопротивлялись, но их было слишком мало. В конце концов, они сдались.

Тщательно проследив, чтобы не было пожаров — дым мог выдать нападавших, — Грайу оставил гарнизон и помчался дальше.

Городок за городком падали к его ногам. Он захватил свое нынешнее королевство, имея меньше девяти сотен воинов. Сейчас с ним было три с половиной тысячи мечей.

С такой силой он мог бы покорить это остров, даже если бы его жители добрую луну готовились к бою. Но Грайу Победитель Шторма не любил понапрасну терять людей. Они были его братьями.

К полудню войско атлантов увидело стены Предела и с ходу ворвалось в город. Началась резня. Никто не успел организовать сопротивление, но лемурийцы защищались с неукротимой свире-

постью. Тысяча воинов с Кербаллом во главе захватила порт, отряд Морна занял саму крепость, но уличные бои не прекращались. Атлантами овладело боевое безумие, и они начали убивать всех подряд. Город охватило пламя.

Глава вторая

громный камень рухнул в воду в ста шагах перед носом «Покорителя». Столп воды, поднятый им, взлетел выше мачт.

— Откуда бьют? — спросил Кулл, глядя на темнеющие вдали стены Врат. Острые зубцы парапетов напоминали челюсти акул.

Командующий Маас, прищурясь, определил расстояние. Стальной шлем с пернатым гребнем делал его похожим на хищную птицу.

— Это тяжелая катапульта, мой король. Из крепости сюда им не достать. Значит, бьют с одного из фортов. Все подходы наверняка пристреляны.

Кулл задумчиво кивнул.

Серые стены Врат вздымались прямо из бушующих волн. Могучие контрфорсы дробили в пену свирепые валы. Крепость стояла на небольшом каменистом острове, занимая все его пространство. Не оставалось даже пяди земли для высадки.

Зато у крепости была гавань. Несмотря на прикрывающие ее мощные форты и каменный мол, она была уязвима. Отсюда был хорошо виден лес мачт внутри гавани — остатки лемурийского флота. Форты располагались на малых островках справа и слева от входа в гавань. Тяжелые цилиндрические башни, стены которых, словно оспой, были изрыты бойницами. Что-то мелькнуло над парпетом одного из фортов, и новая глыба взлетела в синеву.

Кулл спокойно наблюдал, как камень с обманчивой медлительностью ползет вверх, издавая неприятный воющий звук. Как видно, в нем были проточены специальные канавки — король слышал о подобных хитростях. Подождав, пока глыба рухнет на прежнем расстоянии от корабля, он повернулся к командирам, стоявшим на палубе.

Брул Копьебой в бронзовых доспехах опирался на ножны длинного изогнутого меча. Его лицо, покрытое синей боевой раскраской, было невозмутимо, и только взгляд, направленный на крепость за спиной короля, выдавал бурлящую в нем жажду битвы. Брул был недоволен, что пропустил недавние события во дворце.

Рядом с пиктом возвышался командир флота Соединенного Королевства Блатах Сигриайне. Светловолосый зеленоглазый гигант с иссеченным шрамами лицом, он, по слухам, выдвинулся из личных телохранителей Конхобара.

Куллу нравился этот могучий и надежный, словно скала, человек. Конхобар рекомендовал его весьма лестно, как героя битвы при Круах ан

Глер, Скалах Героев. Кулл сам был там и помнил, что из пятидесяти отборных воинов, охранявших короля Тула, в том бою остались в живых лишь четверо.

— Ваше мнение, друзья? — Кулл вопросительно смотрел на военачальников. Катапульта на одном из фортов снова метнула камень.

— Нужно поджечь их флот! — Глаза пикта хищно сверкнули. — Тогда под прикрытием дыма мы высадимся на молах и захватим ворота. Наши ладьи смогут войти прямо в гавань. Дурацкая цепь под водой — не помеха, сейчас прилив.

Блатах пожал плечами:

— Пара дромонов может пройти вдоль мола и перебросить через него огонь, но форты... Из нас сделают решето.

Командующий усмехнулся:

— Значит, надо захватить один из них или оба. Отсюда мне кажется, что у подножия одного есть небольшая площадка. Там можно высадиться.

— Если грести изо всех сил, можно успеть подойти к форту так, чтобы он закрывал нас от обстрела из крепости, до того как они пристреляются. — Кулл, прищурившись, рассматривал форт. — Но стрельба из самого форта... Там наверняка много копьеметов и других машин.

— Против этого у нас есть кое-что... — прогудел Блатах.

— Тогда вперед! — Кулл надел латные рукавицы.

Над горизонтом поднимались жирные клубы дыма.

— Похоже, мне сейчас сообщат, что Грайу захватил Предел. Надеюсь, он не сжег его дотла...

Лемурийцы вынырнули из дыма, как тени. Атланты еле успели перестроиться, чтобы принять их на щиты. Началась отчаянная схватка. Враги пытались прорвать окружение. Атланты встали стеной. Стрелы сыпались на них градом. Из боковой улочки появился новый отряд лемурийцев. Грайу скомандовал перестроение. Вторые и третьи ряды поднимали щиты над головами. Из-под этой крыши полетели короткие арбалетные стрелы. Лемурийцы продолжали напирать. Вдруг у них за спиной раздался лязг оружия и крики боли. Отряд Кербалла, совершив фланговый маневр, вышел лемурийцам в тыл. Они в беспорядке отступили к площади.

Уличные бои, разгоревшиеся в городе, постепенно смещались к центру. Крепость и гавань были захвачены. За молами догорали остатки лемурийских галер.

Атланты теснили противника все дальше, загоняя его на главную площадь. Когда-то на ней стоял храм Валки и дворец наместника. Но за пятьсот лет все изменилось. Храм лемурийцы снесли, построив на его месте жуткую ступенчатую пирамиду, а дворец облюбовали мыши и вороны.

Король атлантов изменил тактику. Он послал впереди легкую пехоту. Ловкие юноши и девушки забирались на крыши домов, проникали в подвалы и чердаки, отовсюду выкуривая затаивших-

ся «желтоглазых». Они опережали отряды тяжелой пехоты, прикрывая ее от обстрела из окон и предупреждая о засадах. Вскоре воины Грайу вышли на площадь.

Они увидели там наспех выстроенные укрепления из камней и вытащенной из домов мебели. За валом горели костры. Лемурийцы стояли вокруг костров. Их было не меньше двух тысяч — почти столько же, сколько атлантов. Грайу везде приходилось оставлять гарнизоны.

Он подозвал одного из воинов:

— Варн Ал вернулся?

— Да.— Воин указал куда-то назад.— Морн в крепости ждет сигнала.

— Отлично, тогда начинайте.

Воин кивнул и вернулся к своим. Несколько атлантов быстро сложили костер. Когда он разгорелся, они сунули в огонь стрелы, обмотанные просмоленной тканью. Грайу поднял руку. Лучники наложили стрелы на тетиву и замерли. Король атлантов взглянул на укрепления лемурийцев. Те готовились к обороне. Он опустил руку, и пять огненных дорожек прочертили небо. В этот же миг со стороны крепости раздался глухой звук. Раз и еще раз. Здоровенные каменные глыбы со свистом врезались в мостовую посреди площади. Осколки брызнули во все стороны. Наступила тишина.

Лемурийцы молча рассматривали воронки от попаданий. Их укрепление пока не пострадало. Грайу знаком остановил лучников, приготовивших новые стрелы, и вышел на площадь.

— Эй! — прокричал он. — Есть у вас вождь? Пусть выходит для переговоров.

— Проклятье темным богам! — Керн валь Ард стряхнул кровь с клинка. Алая полоса перечеркнула пыльную мостовую. Один из воинов, стоявший рядом с ним, пожал плечами.

— Мне сразу не понравился этот паршивый городишко, — сказал он. — Странно, когда на улицах совсем нет детей.

Керн валь Ард кивнул, осматривая место побоища. Тела змееголовых тварей валялись по всей площади. Среди них виднелось несколько алых плащей.

— Мы потеряли десять человек! Но кто бы мог подумать, что все до одного жители здесь окажутся нелюдьё.

— Могло быть хуже, Керн. Городок совсем маленький. Будь их на сотню-другую больше — твари растерзали бы нас в клочья. Тем более — они не воины...

— Как там Глашатай?

— Ранен. Когда они ринулись на нас всей толпой, он, видать, решил поучаствовать. Зарубил троих, а потом его стащили с седла...

— Смелый старик... Кто бы знал...

В это время еще один всадник в алых доспехах вихрем мчался в столицу. Нужно было срочно предупредить Келкора и канцлера Ту. Кто знает, сколько еще в Валузии таких городков.

По всей стране воцарилась атмосфера подозрения и страха. На улицах городов агрессивно на-

строенные группы молодежи устроили настоящую охоту на змеев. Обнаруженных убивали на месте. Все это грозило перейти в массовые беспорядки, и Охрана Спокойствия сбивалась с ног, стараясь отловить юных героев и заставить их вступить в ряды Войска Гнева.

Люди с ужасом обнаружили, что среди них многие годы таились призраки древних времен. Холодящий душу страх проникал в самое сердце. Но он заставлял людей бороться. Все предрассудки, связанные с происхождением и положением в обществе, были забыты. План Кулла сработал...

Советник сделал попытку освободиться от захвата, но старик держал крепко. «Проклятый предатель!» — прохрипел Ранаалгри... и внезапно ослабил ноги. Тело, ничем не поддерживаемое, осело вниз. Слуга, только что преодолевавший отчаянное сопротивление, потерял равновесие, и Ри перебросил его через себя. Грузный Эт Тино рухнул прямо на подбегавших убийц. Образовавшийся клубок из человеческих тел с грохотом покатился по лестнице, а Советник подобрал чей-то меч и занял позицию на верхней площадке. Он покачал клинок в руке, проверяя баланс, и остался доволен. Конечно, не его любимый меч, оставшийся в кабинете, но убийцы явно знали толк в оружии. Бой предстоял нешуточный.

Враги молча пошли в наступление. Они явно слышали о репутации Ранаалгри и действовали осторожно. Трое стали подниматься по лестнице — один впереди, двое чуть сзади. Еще трое заняли

позиции в зале, разойдясь по сторонам. «Ножи» — мелькнула быстрая мысль. Раналгри шагнул в сторону и сорвал со стены государственный флаг Верулии — золотой тигр на черном поле, терзающий белого слона. Взмахнув рукой, он накрутил на нее флаг и стал ждать.

Атакующими змеями взлетели руки стоящих внизу убийц. Смертоносные метательные диски молниями прорезали воздух. Одновременно с этим поднимавшийся первым человек скользнул в длинном выпаде, целясь Раналгри в пах.

Первый диск летел прямо в советника, второй — в то место, куда он должен был отступить, но Ри не оказалось ни там, ни здесь. Вместо того чтобы, парируя выпад, шагнуть назад, он слегка сдвинулся вперед, спустившись на одну ступеньку. Диск взвизгнул над самым ухом, рука, обмотанная флагом, отвела клинок убийцы. В тот же миг меч Раналгри вонзился в горло врага. Тот с жутким бульканьем опрокинулся назад. Его оружие зазвенело по ступеням. Двое, шедшие за ним, одновременно уклонились от падающего тела и вступили в бой.

Они здорово работали в паре, эти двое. Если один колот в грудь, то другой подсекал ноги, если один атаковал в голову, второй колот в живот. Раналгри слегка отступил, выманивая их на себя, одновременно прикрываясь противниками от метателей. А затем молниеносно контратаковал. Демонстративный выпад — противник поднял оружие для защиты. Движение телом к другому — отскакивает, и снова атака первого пониже под-

нятой руки, обходя клинок. Убийца рухнул. Второй на миг потерял темп и тут же покатился по лестнице, разбрызгивая кровь из глазницы. Оружие советника пронзило ему мозг.

Раналгри знал, как сражаться с убийцами. На его памяти не раз перетрусившие вельможи присылали на место поединка отряды головорезов.

Поднявшиеся до середины лестницы убийцы застыли. На их глазах в считанные мгновения было убито три опытных фехтовальщика. Эта заминка погубила их. Раналгри ринулся на них, как ураган. Один тут же умер с раной в сердце, второй, отступая под градом ударов, поскользнулся, и... третий убийца метнул нож. Он целился точно в лоб, но советник чуть уклонился, и отточенное лезвие вспороло кожу на скуле. Ри, не обращая внимания на кровь, вонзил меч в упавшего. И сбежал по ступеням в зал. Ему нельзя было подняться назад или остаться посреди лестницы — пятеро оставшихся прикончили бы его своими ножами и дисками. Он предпочел принять бой внизу. И здесь ему пришлось туго.

Они все время теснили его, обходя то справа, то слева, грамотно пользовались своим преимуществом в числе. Они постоянно срывали контратаки Советника: как только возникала опасная ситуация, один из задних метал нож, и Ри приходилось отвлекаться. Будь у него два меча, он бы справился с ними даже раненный. Но меч был один, и с кровью уходили силы. Ему приходилось вскакивать на столы, швырять во врагов стулья и подсвечники, но стало ясно — их не одолеть. Он

все-таки убил еще одного, но противники стали еще осторожнее. Они методично отжимали его к углам, стараясь атаковать наверняка. Раналгри устал. Все же шестьдесят лет не шутка... Флаг на руке пропитался кровью — неудачно принятый выпад, — и тигр на нем стал красным..

В этот миг выскочивший из-за портьеры Эт Тино ударил его по руке каминными щипцами. Меч со звоном упал на пол. Советник ножом, выхваченным у одного из убийц, ударил слугу в живот. Даже раненная, его рука была тверда — предатель, хрипя, повалился навзничь. В то же мгновение клинок убийцы вонзился Раналгри в грудь....

Как только очередной камень, пущенный катапультой из крепости, плюхнулся в воду, паруса валузийской эскадры с гулом наполнились ветром. Кулл вычислил время перезарядки машины и счел прорыв возможным. Если успеть подойти ближе — защитникам придется менять угол возвышения, а это еще немного времени. По его расчетам выходило, что на верхней площадке форта нельзя установить больше двух машин — станет слишком тесно. Оставалось надеяться, что вторая промажет...

Глыба весом с хорошего быка рухнула в воду у самого борта. «Покоритель» вздрогнул всем корпусом. Мощный толчок едва не положил его на борт. С мачты упал матрос и с криком исчез в волнах. Снасти отозвались хриплым стоном, но корабль, скрипя, выпрямился.

— Трави говорю! Трави! — надрывался палубный мастер. Матросы колдовали над снастями.

— Сигналь «поворот»! — скомандовал Кулл. Маг, стоявший рядом с ним, что-то забормотал.

Корабли повернули вправо.

— Бей! — взревел король.

Тяжкий вой пронесся над волнами. Машины, установленные на палубах, выстрелили все разом. Раздался грохот. Форт оделся каменной пылью. Зубцы на парапете срезало, будто ножом. В воздух взлетели обломки деревянной рамы.

— Накрыли! С первого залпа! — Капитан «Покорителя» сорвал свой берег. — Никогда бы не поверил, что это возможно!

— Молодцы! — Глаза Кулла сияли. — Командуй снова «поворот»!

Маг опять забормотал. Эскадра повернула влево, снова построившись фронтом. По палубе снова вали зарядные команды. Скрипели ворота машин. За кормой «Покорителя» в море рухнул новый валун.

— Это из крепости! Мы в их досягаемости! — Командующий указал на Врата. В небо над ними взлетело не менее десятка камней.

— Поворачиваем! Быстрее!

Эскадра начала разворот, когда глыбы обрушились вниз. Трехмачтовик, шедший сразу за «Покорителем», исчез в водяном смерче. Обломки полетели во все стороны, мачты рухнули в воду.

— Они попали в «Тигра»! И «Борец» вышел из строя! — В голосе капитана послышалась боль.

— Держать прямо! Бей!

Машины взвыли. Форт, казалось, вздрогнул, когда сотни камней ударили в его стены. В этот миг между ним и эскадрой вклинились три пиктских ладьи, переполненных завывающими воинами.

Длинные весла взлетали с невероятной скоростью. На ладьях грохотали барабаны. Они преодолели расстояние до форта в десяток гребков. Лемурийцы не успели опомниться после обстрела, а пикты были уже рядом.

То, как они высаживались, казалось чудом. Когда ладья пролетала вплотную к стене форта, гребцы мгновенно наполовину втягивали весла. Смуглые воины вскакивали на них и, сделав два-три шага, прыгали на стену. Некоторые ухитрились на ней зацепиться, другие, соскользнув к основанию, уже раскручивали крюки на веревках, чтобы забросить их наверх.

В считанные мгновения почти триста человек облепили подножие форта, а ладьи уже уходили из-под обстрела. Шедший за ними огненосный дромон плюнул огнем по верхним бойницам. Дикий вой, донесшийся изнутри, был слышен даже на эскадре. Он еще не затих, а пикты были уже на верхней площадке.

Кулл приказал эскадре отойти за пределы досягаемости крепостных машин. Еще три ладьи пиктов уже неслись к форту, чтобы повторить высадку. Через сотню ударов сердца над фортом заполоскался на ветру флаг Валузии — золотой царский венец, увенчивающий голову дракона, на синем фоне.

— Это Копьебой! — воскликнул Кулл. — Он там, клянусь Валкой, никто другой из их воющей своры не взял бы с собой флаг Страны Снов!

Вождь лемурийцев оказался высоченным жилистым воином в стальной кирасе и шлеме из кабаньих клыков. Шлем был явно очень древней работы, прочный и крепкий. Бронзовые накладки, скреплявшие клыки между собой, покрывала благородная патина. На верхушке шлема крепилась маленькая, искусно сделанная фигурка кабана. Лемуриец остановился в пяти шагах. Свой топор он заткнул за пояс, но круглый щит с шипом на умбоне держал наготове. Из-под насупленных бровей на Грайу смотрели странные желтые глаза.

— Чего ты хочешь? — послышался голос, как лязг стального засова.

Атлант усмехнулся:

— Того же, чего и ты, — победить! Но у меня это пока получается лучше.

— Ну-ну... — Желтоглазый зло прищурился. — Посмотрел бы я на вас, когда б наш флот стоял в гавани.

— Его здесь нет и не будет. Кулл сжег его вчера ночью на Полдень отсюда. А сейчас наверняка осадил Врата.

Лемуриец сверкнул глазами, но промолчал.

— Я предлагаю тебе договор...

— Нет! — Вождь выплюнул это слово, словно яд, обнаруженный в роге для вина.

Грайу, глядя ему в глаза, поднял руку.

— Ты — вождь, а значит, отец своих людей. Ты хочешь, чтобы они погибли?

— Мы будем драться...

— Вы не сможете... — Рука атланта опустилась. Взлетели огненные стрелы, и из крепости снова донесся глухой гул. Часть укрепления лемурийцев взлетела на воздух, осколки расшвыряли людей. Желтоглазый мгновенно выхватил топор, но, увидев вновь поднятую руку, замер, оскалившись в бессильной ярости.

Граю кивнул:

— Правильно. Ты не успеешь. Но я предлагаю тебе договор. Честный договор.

— Атланты лгут, еще не родившись!

— Ты сам знаешь, что это и есть ложь. Мы держим слово. Я дам тебе свое. Слово Граю Тысячеглазого, что, если ты победишь меня в поединке, твоих людей отпустят на все четыре стороны. Им даже оставят оружие. Если же я убью тебя — они обязаны сдаться без сопротивления и, клянусь, им не причинят вреда. Эти острова вернутся валузийцам, а твоим людям придется отправиться домой на Закат.

Желтоглазый мрачно кивнул.

— Я согласен. Твое слово имеет вес, Тысячеглазый. Я много слышал о тебе.

— Тогда иди и заставь своих воинов выполнить договор. Пусть поклянутся вашими богами. Я подожду тебя здесь.

Граю смотрел, как он идет к своим людям, стремительный и свирепый, точно барс. Что ж, хороший шанс испытать судьбу. Теперь он может

себе это позволить: у него есть брат, и если что — воины пойдут за ним.

— Ты слышал, что творится, Скартоб? Помнишь соседа моего, Вафниса? Представь себе — змей оказался!

— Так он же помощник казначея. Они, эти змеетвари, всегда до власти лезут.

— А то! Так вот, сижу я в своем заведении за стойкой, аккуратно в тот вечер, как Слово короля объявили. Только чуть суматоха улеглась, все это дело залить спешат, страсть такую. У меня, конечно, народу — не протолкнись. Денежки текут рекой. И тут смотрю — лезет он к стойке. И на вид какой-то смурной, словно только проснулся. «На-лей, говорит, мне, Грим, анкарнийского да расскажи: чего это вокруг все с ума посходили?» Я смекнул, что он и впрямь Слово проспал, и, не будь дурак, брякнул: «А это, Вафнис, Ка Нама Каа Лайерама называется!» Сказал и чуть в штаны не навалил. У него морда эдак рябью пошла, и, глядь, пялится на меня змеюка здоровенная. Ну, я не растерялся — дубинку из-под стойки хватить и ка-ак тресну его по башке, змея-то... Хлипкая тварь — сразу на пол. Тут уж народ подскочил и схватили его...

— Ну? Чего дальше-то было?

— А что — отволокли на площадь суда, привязали к столбу и подпалили. Ух, он выл. Прямо по-волчьи.

— Змей-то? По-волчьи? Ты чего-то привираешь, Грим. И к тому же я слышал, что всех из-

ловленных тварей в Охрану Спокойствия сдавать велено. Для выявления этой... сети шпионской, потому как у змеетварей среди людей друзья есть.

— И ничего я не вру! Когда тебе пятки поджарят — еще не так выть начнешь. А толпу мне было не удержать — у каждого они кого-то из родни погубили. Вот и сам же Вафнис — хороший был человек, а змеи его прикончили....

— Да уж, Грим, такие времена. Вот король с Полуночи вернется, и начнется большая война. Верь — я нюхом чую.

— А ну, плесни-ка мне еще в чашу. Да-да, этого. Люблю красное... А чего тут чуют — на всех углах болтают. Я вот подумаю и в Войско Гнева запишусь.

— Ты сдурел! А на кого заведение оставишь? У тебя же старший уже там, в войске этом.

— Жена с младшим управятся. А я не могу. Как лягу спать — так морда эта, вместо лица старины Вафниса проступающая, прямо мне в сон и лезет...

— Ну смотри — дело твое. А я пока подожду. Знаешь, мне войны и с Тройственным Союзом хватило.

— Это ж другое, Скартоб! Это или они, или мы! А с Фарсуном да Комморийей хотя бы договориться можно...

— Договаривался тигр с буйволом... Ну да ладно. Давай за короля, потому как его здоровье нам еще пригодится.

— Давай...

Советник сумел-таки повернуться вбок, и клинок убийцы, пронзив грудную мышцу, скользнул по ребрам и вышел через подмышку. В глазах потемнело от боли, но Ри схватился правой рукой за перекрестье вражеского меча, а ножом, зажатым в левой руке, ударил убийцу под челюсть. Тот как-то странно вскрикнул и выпустил руку. Раналгри шатнуло назад, однако он устоял. С мечом, торчащим в груди, и ножом в руке, обмотанной знаменем королевства, весь окровавленный, старый воин выглядел устрашающе. Убийцы нерешительно шагнули к нему, когда дверь в гостиную с грохотом распахнулась.

Спиной вперед в нее влетел еще один убийца. Его голова еще в падении отделилась от тела. Следом за ним в гостиной возник, подобно демону из темных миров, высокий человек в черной одежде с двумя камелийскими кривыми мечами в руках. Казалось, он двигался медленно, но быстрые убийцы не успевали за ним. Клинки сверкнули кровавыми плавниками акул, и три тела рухнули на ковер.

Начальник тайной службы Ар Дарат легким движением стряхнул с мечей кровь и вбросил их в запленные ножны. Он очень быстро очутился рядом с Раналгри и помог тому сесть. Легкие чуткие пальцы пробежались по ранам.

— Ничего страшного, Советник. Сейчас я вас перевяжу, и скоро вы сможете драться левой рукой. Вот только нужно вытащить меч.

— Вы очень вовремя, Ар Дарат... — Собственный голос показался Ри скрипом сухого песка.

— Я бы пришел раньше, но эти подонки подстерегли меня на аллее. Их было пятнадцать, двое с арбалетами.

— Уважают они вас.— Советник попытался улыбнуться.

— Вас тоже, Ри. Я вижу, их тут было десять, а вы, надо понимать, безоружны. Держитесь...

Он мгновенным и точным движением выдернул меч убийцы из раны и тут же зажал ее куском ткани.

— Подержите вот так. Сейчас я разорву что-нибудь для повязки...

— Оставьте это, Ар Дарат. Это же наш флаг.

— Он все равно в крови и порезан в десяти местах. Вы защитили его — он вас. Полно...

Советник покачал головой. Рана на виске заныла.

— Мне кажется, это еще не все. Надо срочно осмотреть тела — может, кто жив, и допросить. Я же говорил вам, что чую заговор.

— Вы были правы.— Ар Дарат мрачно огляделся.— Но, боюсь, здесь нет живых... О боги! — Голос начальника тайной службы сорвался. Его рука в черной перчатке указывала на пол, позади Советника. Раналгри обернулся и застыл.

На полу лежало тело его старого слуги, оказавшегося предателем. Но нет, это был не Эт Тино. Некто лежал здесь в его одежде, зажимая руками рану в животе, но у него была... змеиная голова. Бледная пленка, затянувшая глаз, подергивалась.

— Это, надо полагать, змеечеловек собственной персоной. Я ни разу не сталкивался с этими тва-

рями...— Ар Дарат присел рядом с телом.— Это змеечеловек, и он еще жив. Похоже, мы нашли вам для допроса, Ри, весьма необычного свидетеля.

Советник поднялся. Голова кружилась, но он твердо стоял на ногах. Подойдя к твари, он ткнул ее в ребра носком обуви.

— Эй! — сказал он. Змеиные глаза открылись.— Что все это значит? Отвечай немедленно, что должно было последовать за моим убийством? Вы хотите убрать короля и заменить змеей, как вы пытались проделать с атлантом в Валузии? Когда произойдет убийство? Каким образом?

Челюсти змеечеловека открылись, и он презрительно прошипел:

— Раб! Мне нет дела до твоих вопросов!

— Сейчас будет! — В руке Ара Дарата возник зловещего вида нож, и он неуловимым движением отсек твари пальцы на левой руке.

Змеечеловек захлебнулся воплем.

— Неужели больно? — удивился начальник тайной службы.— Я надеюсь, ты не захочешь, чтобы я проделал то же самое с твоей второй рукой или глазом? Нет? Тогда изволь ответить на вопросы Советника. Помни — ты еще жив, а живое всегда испытывает боль!

Когда через некоторое время они садились в седла, чтобы мчаться ко дворцу короля, Советник заметил:

— У вас весьма эффективные методы, Ар Дарат. Надеюсь, вы не часто к ним прибегаете...

Тот удивленно посмотрел на Раналгри:

— Ну что вы, Ри. Я очень шепетилен в этих вопросах, но в случаях, подобных нашему, все решает время. — Он хлестнул коня и крикнул уже на скаку: — Держитесь, мой друг, иначе ваша рана может открыться!

* * *

Лезвие топора сверкнуло перед самым лицом. Грайу парировал удар, укол, отпрыгнул. Желтоглазый оказался великолепным бойцом — самым лучшим из всех, с кем ему приходилось встречаться. Уже не раз с начала боя жизнь атланта висела на волоске. Он уворачивался, отходил и вновь бросался вперед, но противник, казалось, чувствовал каждое его движение, каждый маневр и атаковал, атаковал.

Грайу вновь парировал удар плоской стороной клинка, тут же ответил, уклонился от удара в голову. Ему показалось, топор отсек на лету несколько волосков. Шип на щите врага проскрежетал по панцирю. Удар отбросил атланта назад. Он тут же подставил лезвие под удар по ногам. Топор скользнул по клинку к гарде. Грайу крутанул оружие, надеясь защемить топор и обезоружить лемурийца, но тот успел высвободиться. Обух топора ударил атланта по запястью левой руки. Спасла латная перчатка. Грайу мгновенно перевернул меч рукоятью вверх и нанес сильнейший рубящий удар по внутренней стороне бедра желтоглазого. Тот подставил край щита, чуть подавшись назад. Его рука с топором на миг исчезла из виду, чтобы вдруг выскочить слева сверху и обрушиться

на наплечник Грайу. Последний еле успел сделать жесткую подставку клинком. Металл жалобно взвизгнул. Руки онемели.

Отскочив назад, Грайу взял клинок в положение «меч-копье». Лемуриец скользнул к нему — топор снова за щитом, глаза прищурены. Атлант встретил его двойным колющим и секущим по руке. Попал! Боевой браслет частично защитил желтоглазого, но тот стал осторожнее.

Войска смотрели, как вожди танцуют посреди площади пляску смерти. Ни один звук не нарушал тишины.

Грайу снова пошел вперед. Ему показалось, он нашупал брешь в обороне желтоглазого. Звон клинков. Топор снова сверкает у самых глаз. Грайу рубанул от левого плеча, противник ушел уклоном, снова подсекая ноги. Атлант высоко подпрыгнул, извернулся, и его меч вспыхнул в лучах солнца. Лемуриец снова уклонился, но атлант, приземляясь, крутанул оружие. Рукоять меча с треском обрушилась на шлем желтоглазого. В этот миг шип нашел наконец щель в его доспехе. Грайу почувствовал влажное тепло на боку, шагнул назад. Лемуриец, упавший на колено, вдруг кувыркнулся вперед. Его топор лязгнул о пластину поножей. Атлант инстинктивно выставил вперед колено. Желтоглазый, получив удар в челюсть, откатился в сторону, вскочил. Грайу ударил его в шею. Промаяхнулся. Парировал подряд три рубящих в голову, обозначил сам. Желтоглазый приподнял щит, и атлант тут же ударил в его нижний край ногой. Лемуриец крутанулся, пыта-

ясь удержать равновесие. Его топор метнулся к шее атланта, но тяжелый меч Грайу за миг до этого проломил стальной нагрудник вождя.

Топор выпал из руки и, высекая искру, загремел по мостовой. Атлант выдернул меч из раны, и лемуриец тяжело рухнул навзничь.

Грайу наклонился над ним и увидел, что из-под кабаньего шлема на него смотрят глаза змеи.

Его Королевское Величие Владыка Верулии, острова Баликан и устья Замгизи, государь и самодержец Пиртрагор Шестой изволили развлекаться. Пиршественные покои заливал свет тысяч свечей. Играла легкая музыка, и тени танцевали на стенах, расписанных прекрасными фресками. Вместе с тенями танцевали восемь обнаженных красавиц. Их безупречные тела отливали красным — девушки были родом с островов Каа-У. Они словно исполняли древний ритуальный танец, то сходясь к центру покоя, то разбегаясь в стороны. Четкий рисунок представления навевал на короля тоску по чему-то неизведанному или давно забытому.

Пиртрагор Шестой был молод. Тридцать шесть лет разве возраст для самодержца? И хотя он с ранних лет управлял могучей державой — что-то странное и далекое, словно голоса забытого детства, продолжало манить его. Королю грезились дальние страны, где растительность пышна, где таятся в джунглях неведомые звери, а песок на пляжах имеет странный золотой отблеск. Его манили просторы, мир напоминал о своей беспре-

дельности шорохом волн и пением ветра, бликами света на прекрасных телах танцовщиц и запахом неведомых благовоний...

Король возлежал на пиршественном ложе и, щурясь от удовольствия, наблюдал за танцовщицами. Их безупречность ставила его в тупик: Пиртрагор никак не мог выбрать какую-то одну. Ему нравились все.

Перед королем на низком столике стояли хрустальные сосуды с изысканными винами. Великолепные яства переполняли блюда. Но король не хотел есть. Он пил вино, пощипывал гроздь черного винограда и выбирал. Наконец, когда он уже решил, что оставит с собой одну из девушек, его избранница вдруг сделала неловкое движение. Бровь короля поползла вверх. Он удивился — эти красавицы были лучшими танцовщицами из всех, каких он когда-либо видел. Они не могли так ошибаться. Тотчас он заметил, что и другие девушки начали делать неуверенные движения, словно им было трудно устоять на ногах.

Он хотел приподняться на ложе, но почувствовал, что силы вдруг изменили ему. Все мышцы налились непонятной слабостью. Он упал обратно на подушки, с нарастающей паникой сознавая, что теряет сознание. Его взгляд скользнул по прекрасным телам девушек, бессильно распростертых на коврах. Они были похожи на сорванные цветы...

Напрягая все силы, Пиртрагор попытался позвать на помощь, но вдруг заметил, что у ложа кто-то стоит. «Эй!» — позвал он, и собственный го-

лос показался королю удивительно слабым и немощным. Человек, стоявший рядом, наклонился к самому ложу, и король с ужасом взглянул в свои собственные глаза...

Тени на стенах вдруг устроили безумную пляску. Как сквозь толстые пуховые подушки, король слышал далекие крики и звон оружия. В руках его двойника возник кинжал. Король попытался поднять руку для защиты... В этот миг раздался слабый хлопок, и ему вдруг стало очень тесно. Воины в стальных доспехах с сиреневыми шарфами на шлемах окружили его.

«Гвардия Трона,— подумал он,— но я же отравлен!». Он попытался что-то сказать, но лицо Первого Советника склонилось над ним. «Не волнуйтесь, Ваше Величие! Заговор раскрыт — вы вне опасности. Курения, которыми вы дышали, содержали сонный корень. Сейчас вам нужно отдохнуть — я прикажу отнести вас в Спальный Покой».

Король моргнул и с трудом произнес: «Девушек тоже... Всех...»

Советник улыбнулся и сказал кому-то через плечо: «Можно не волноваться — Его Величие думает о девушках, значит, его жизнь вне опасности». На его скуле король с удивлением увидел длинный кровоточающий порез. Потом глаза его сомкнулись, и он уснул.

Тяжелое бревно, окованное железом, пронеслось над самой головой Кулла и ударило в корму подходящего к молу корабля. Рыбий хвост, украшавший ее, взлетел высоко вверх, переворачива-

ясь и сверкая позолотой. Дромон накренился, но с него на мол уже прыгали воины. Король увидел большие прямоугольные щиты и штандарт — на черном поле серебряное копьё, пронзающее льва.

Гайбуаибтех — «Устрашающее копьё» — лучшая пехота Соединенного королевства Тула. Воины выволокли с постепенно погружающегося корабля легкий таран и присоединились к Алым. Король и его воины, пригнувшись, сидели за выступом мола. Град стрел и снарядов из метательных машин не давал поднять головы. Мол сильно вздрогнул — защитники крепости перенацелили на него тяжелую катапульту. Дальше по молу высадился еще один отряд. Валузийские ратники тащили с собой длинные шесты и сборные лестницы с крючьями.

Король обернулся, глядя на море. Один из фортов пылал. Его пришлось просто поджечь, так как даже пиктам там было негде высадиться. Эскадра подошла ближе и теперь обстреливала крепость. Трехмачтовые корабли постоянно маневрировали. То и дело между ними взлетали пенные фонтаны. Врата отчаянно защищались. Многие скаги уже лишились мачт, паруса висели клочьями. Кулл подумал, что эта победа недешево достанется Валузии.

Десяток дромонов полным ходом прошли вдоль мола. Короля обдало жаром. Огненные струи вырывались из портов в надстройках кораблей Конхобара. Лемурийские галеры, стоявшие за молотом, занялись пламенем. Экипажи спешно покидали палубы. Густой дым закрыл небо. Обстрел ослаб.

Король поднял топор и, прикрывшись щитом, пошел сквозь черные клубы к воротам крепости, воины двинулись за ним. Все новые отряды высаживались на мол.

Внезапно бронзовые створки ворот распахнулись, и лемурийцы бросились в отчаянную контратаку. Ширина мола позволяла сражаться только десяти воинам, построенным в ряд. Обстрел из крепости прекратился совсем — стрелки боялись задеть своих в кромешном дыму.

Это сражение вошло в историю как «Бой в Клубах Дыма». Пираты сражались с яростью обреченных. Даже то, что пикты с подошедших ладей начали расстреливать их из луков, не заставило их отступить.

Кулл дрался в первых рядах. Его топор нес смерть. Глаза из-под шлема дико сверкали. Желтоглазые воины, одетые в сталь и бронзу, яростно крича, наседали на него из последних сил. Щит превратился в щепы. Нагрудник короля гремел от ударов. Алые защищали его с боков. Копье ранило Кулла в ногу. Воин, державший его, тут же свалился с разрубленным черепом. Король не чувствовал боли. Шаг за шагом он и его воины теснили лемурийцев к воротам. Еще немного...

Отряд Черных латников высадился с подошедшего корабля у самых ворот. Невысокий сотник повел своих в атаку. Только что стойко державшиеся лемурийцы дрогнули. Воины в черных доспехах стремились отрезать их от ворот. Пираты побежали. Алые ворвались в крепость. Отважные мечники уже лезли на стены, втискивались в бой-

ницы, карабкались по острым зубцам и вступали в бой.

Кулл мимоходом хлопнул крепыша-сотника по плечу.

— Ты, как всегда, вовремя, Гериобар! — Тот в ответ салютовал мечом.

Врата были захвачены полностью только через сутки. Лемурийцы защищались везде, где только можно. Запирались в помещениях, нападали из засад. Сдаваться они не хотели, и Кулл, чтобы не истреблять их полностью, приказал воинам на время прекратить сражение.

Он решил вызвать вождя лемурийцев на поединок, не зная, что Грайу в Пределе поступил точно так же. Но пираты, защищавшие Врата, ответили, что их вождь убит на молу. И что они не сдадутся, а валузийцам предложили убираться прочь, обозвав при этом Кулла грязными словами.

Король рассвирепел и отдал приказ атаковать. Вскоре все было кончено.

Врата вновь, как и пятьсот лет назад, стали валузийской крепостью.

Кулл приказал собрать тела всех защитников крепости, погрузить на оставшиеся галеры и, выведя в море, поджечь. Лемурийцы оказались стойкими воинами, и королю было жаль, что они вынудили его перебить их всех. Он предпочел бы иметь их в своем войске. Кулл еще не знал, что крепость Полночь сдастся со всем гарнизоном, а Грайу приведет на его сторону целый лемурийский клан.

— Ты удивлен...— Голос лемурийца звучал хрипло.— Ты наверняка думал, что настоящими воинами могут быть только люди. Это не так...

— Теперь я знаю...— Грайу почему-то не испытывал отвращения, глядя в эти нечеловеческие глаза.

— Ты великий воитель... Я рад, что именно ты привел меня к Порогу... Выполни мою просьбу... Сделай так, чтобы они, мои воины, никогда не узнали — кто на самом деле был их вождем...

— Зачем?

— Обещай!.. Ты не поверишь... но я не потому стал править ими, что так велели Жрецы темных богов. Нет... Я... Изгой... Урод, которого изгнали из страны Змея... Никогда мое сердце не могло мириться со всем этим... шевелением во тьме... Сплошь заговоры... мои сородичи любят дергать за ниточки, но я всегда считал, что если этот мир нужен нам... так почему не взять его открыто, как вы... люди. Я за честный бой, но моя раса вырождается. Это наш мир... но время уходит. Вы молоды... Сотни тысячелетий вам идти до вершины... А мы проходим, как проходит лето... Оно еще вернется, но уже не то... что раньше. Пойми... я не вор. Я не крал ничьего облика тот, что ты видел, я выдумал сам... Когда я, скитаясь, оказался здесь — случилось, что их вождь погиб на охоте. По закону — кто убьет зверя, погубившего вождя,— тот займет его место. Я убил... вепря... и... стал вождем... и я действительно любил этих людей... здесь был мой дом. Поэтому не отнимай у них веры... Обещай...

Грайу, пораженный услышанным, кивнул.

— Клянусь, Змей-Воин, что они не узнают. Я похороню тебя посреди моря, как вождя, в полном доспехе, на горящей ладье. А их я отпущу...

— Спасибо... Тысячеглазый...— Голос змея ослабел.— Если они решат идти за тобой, как я им приказал... то не гони их... они точно дети... и еще передай Куллу из Валузии, что есть люди... которые умирают, как змеи, а есть змеи, которые хотят умереть, как люди... Пусть помнит... И еще скажи, что темные боги Ктулху, Пришедшие-Из-Тьмы, Повелители Черной Крови, рано или поздно явятся за ним. Он опасен... и они придут... Если же он умрет... Ваш мир погаснет... нет, не сразу... но надежды не будет. Никто из вас не имеет ныне такой Силы, как он... Даже ты, Грайу.

— Имя. Скажи свое имя. Я хочу знать.

— Ты не сможешь его произнести... Но по-вашему оно означает «Шелест»... Прощай...

Грайу смотрел в его уже мертвые глаза, такие же желтые, как и у большинства лемурийцев, и вдруг поймал себя на том, что по-настоящему скорбит. Из мира ушел Великий Воин. Атлант снял с мертвой руки щит с шипом на умбоне и, прикрыв им лицо Змея, поднялся с колен. Ноги предательски подгибались, раненый бок болел немилосердно. Грайу не замечал этого. Он смотрел, как лемурийцы выходят из-за вала, с грохотом бросая наземь свое оружие.

— Мой король! Поздравляю с великой победой! Валузия, вновь вернувшая себе заморские земли,

теперь по праву может считаться империей, как и пятьсот лет назад! — Голос канцлера, однако, не выражал всего того ликования, что заключалось в его словах.

— Ну что еще, Ту? — Кулл устало опустил голову. — Я же вижу, что у тебя есть плохие новости, а король я или император — не все ли равно?

Кулл опустил глаза:

— Э... Видите ли, государь, дело в том, что ваш план сработал...

— И чем это плохо?

— Слишком хорошо сработал. Уничтожен почти весь государственный аппарат. Змеелюди, оказалось, занимали почти все важные должности. Потери среди простого населения гораздо меньше, но народ в гневе. Всюду ищут новых тварей, хотя те, что выжили, уже наверняка давно покинули страну...

Кулл усмехнулся:

— Чтобы эта страна вышла из спячки, мне пришлось ткнуть ее носом в дерьмо! — Канцлер при этих словах поморщился. — Теперь они не смогут отрицать существование змееголовых!

— Но государь! Пострадали невинные!

— Каким образом? Тебе не кажется, что ошибка в данном случае исключена?

— Конечно, но при объявлении Слова во многих местах возникли беспорядки. Несколько человек были затоптаны толпой насмерть. Сразу начались грабежи и разбой, и пришлось принимать жесткие меры...

Кулл нахмурился:

— Ту! Мне это нравится не более чем тебе, но ты понимаешь — это неизбежное зло. Никак нельзя предусмотреть всего.

— Понимаю... — Канцлер снова опустил голову.

Кулл с подозрением уставился на него:

— Я вижу, у тебя есть кое-что еще. И эти новости похуже предыдущих.

— Да, мой король, жрецы Змея...

Хохот короля прервал его. Король со смехом указывал в сторону окна. Ту подошел и выглянул наружу. В центре столицы поднимались клубы дыма. Он посмотрел на Кулла. Тот, еще улыбаясь, кивнул.

— Первое, что я сделал, войдя с войсками в город, — это послал Гериобара с Черными отрядами напрямик к храму Змея. Народ с удовольствием присоединился — теперь они уже далеко не столь набожны и пугливы, как раньше... Что, неужели и это не последние новости?

— Да, государь. Фарсун и Коммория объявили нам войну. К ним присоединились пять Малых княжеств.

— Та-ак... Час от часу не легче! — Кулл ударил кулаком в серебряный гонг, висевший рядом с тронном. Дверь распахнулась, и на пороге возник вестник.

— Немедленно собрать Военный совет. Своей властью объявляю чрезвычайное положение. Всем войскам — боевая тревога! Ту! — Он обернулся к канцлеру. — Что ж ты сразу не говоришь самого главного?! Это же война, а ты о десятке горожан, потоптанных лошадьми...

— Все необходимые распоряжения уже отданы, войска стянуты к южным пределам, отряд наемников стоит на границе с Комморийей. Береговая Стража усилена. Я взял на себя смелость разместить на верфях заказы на постройку десяти новых кораблей. Оружейники также предупреждены... а для гонга, мой король, есть серебряный молоток...

— Ну ладно, Ту, извини. Ты хорошо поработал. А насчет молотка — я его выбросил в сад еще до похода. Попался, понимаешь, под руку... Да! А что же Верулия? Неужели они никак не замешаны в этих событиях?

— Это еще одна новость, государь. Посол Верулии ожидает в соседнем покое.

— Проси. Надеюсь, его новости лучше твоих.

Посол Верулии оказался высоким широкоплечим мужчиной. Осанка выдавала в нем опытного воина. На вид ему было лет сорок, но седина уже тронула на висках его коротко стриженные черные волосы. Посол вежливо поклонился и подал королю верительные грамоты. Кулл, соблюдая этикет, развернул их и бегло просмотрел. Кивнув, он разрешил послу говорить.

— Владыка Кулл, император Валузии, и остров севера. — Посол проявил похвальную осведомленность. — Мой государь, Его Королевское Величие Пиртрагор Шестой, владыка Верулии, острова Баликан и устья Замгизи, шлет вам привет и просит Вашего соизволения предложить Вам Союз против вероломства Фарсуна и Коммории, а

также Вечный Союз против Змея, знающего человеческую речь.

Официальная часть обращения посла закончилась, и он перевел дух. Было видно, что он явно больше привык отдавать распоряжения войскам, нежели произносить придворные речи.

— Государь! — сказал он менее официальным тоном. — Не ранее как два дня назад в Асматии произошла попытка государственного переворота. Были совершены дерзкие покушения на Его Королевское Величие, а также на Первого Советника и Министра Тайной охраны. Их совершили змеелюди при помощи наемных убийц. Они надеялись занять ключевые государственные посты. Его Величие и Министр не пострадали, а Первый Советник получил легкие раны. В свете вышеизложенного можно сделать вывод, что в Фарсуне и Коммории, а также в нескольких Малых княжествах подобные перевороты имели успех. Я, будучи командующим Южной Тысячей войска Верулии, имею все полномочия, чтобы совместно с вашим Военным Советом планировать военные походы, в случае если Союз будет заключен.

— Они нанесли ответный удар. — Кулл усмехнулся. — Я ожидал чего-то подобного. Ну что же, господин Рэм Раналгри! Я много слышал о вас и вашем отце, который, я подозреваю, сыграл не последнюю роль в разрушении планов заговорщиков. Для заключения Союза у меня лишь одно условие. Он должен быть многосторонним. Под этим документом кроме Валузии поставят свои знаки ее союзники — король Соединенного Коро-

левства Тула Конхобар Кетаках, король нового государства атлантов Грайу Победитель Шторма и верховный вождь пиктов Асмарул Коготь Рух. Теперь это и ваши союзники!

— Я рад, что ты убил его...— Кулл мрачно смотрел на полыхающий на воде корабль. Грайу, стоявший рядом, не пошевелился.

— И ты не должен испытывать вины. Смотри на это по-другому. Твой меч освободил его из тела змеи. Теперь, быть может, он снова родится, но уже человеком... Но то, что ты рассказал мне о его последних словах... это беспокоит меня.— Глаза атлантов встретились.— Теперь я не смогу, убивая тварей, не думать о том, что они, быть может, подобны этому воину. Но я не смогу и прекратить войну. Ты сам знаешь, и твой враг, что горит сейчас в этой ладье, сам сказал тебе, что остальные змеи хотят завладеть миром и что они не остановятся. Что же до темных богов — пусть приходят. Их слуги пролили под моим топором немало черной крови. Пусть...— Руки короля легли на рукояти двух мечей, висевших у него на поясе.— У меня есть чем их встретить!

Грайу удивленно взглянул на него.

— Ты хочешь сразиться с богами? — Он пожал плечами. — Впрочем, не мне судить тебя, Кулл. Твой путь теряется в бездне времен. Я вижу это. Быть может, тебе по силам даже победить...— Он помолчал.— Спасибо, что принял моих лемурийцев. Я поклялся, что их не тронут.— Он снова посмотрел на горящий корабль.

— Сейчас мне нужны все воины, которые есть под рукой, а они не из худших. Обстановка накаляется. За комморийской границей видны тысячи костров. Враги собрали огромную армию. Флот Фарсуна проводит набеги. Они держат нас в напряжении. Скоро начнутся боевые действия.— Кулл сплюнул под ноги.— Я разобью их, но будут потери. Это задержит меня, как раз когда я готов повести войска на Города Змея, за Стагос.

— Что ж... — Грайу улыбнулся.— Неужели два атланта, пикт, хитрый верулиец и мудрый король гойделов не смогут чего-нибудь придумать?

— Ты забыл еще пройдоху-киммерийца и его свирепую подружку. Эта парочка точно может поставить на дыбы весь мир.

Черные скалы плачут, призывая ветер. Океан грызет их подножия, как голодный пес. Ветер приходит вслед за волнами. Его заунывная песня вырывает из сердца надежду. Ей нет здесь места — это край мира.

Скалы плачут. Их тела источены бороздками, по которым струится призрачное пламя. Мертвый огонь пульсирует в пересечениях линий, образующих странные фигуры. Черный камень вздымается до самого неба. Скалы высоки. Исполинской крепостной стеной, опутанной сиянием неведомых сил, встают они из ревущих волн. И это действительно крепость...

Она очень стара. Ее бастионы пустынные, и кажется, что крепость покинута. Но горит в желобках призрачный огонь, и вечерами, когда крова-

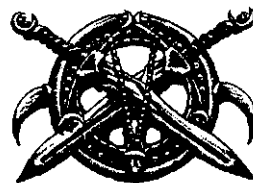

вое око солнца тонет в океане, бесчисленные шорохи населяют крепость. Неясные тени заполняют коридоры, и эхо гуляет по ним. Странные очертания появляются в тумане. Далекий гул, подобный рокоту вулкана, доносится из неведомых сфер. Когда это случается, тени начинают неистовый танец на стенах крепости. Жуткие формы являются тогда из тьмы, и тени, страшась, пресмыкаются перед ними...

Время покинуло эти стены, отчаявшись сокрушить твердыню. Лишь волны продолжают грызть подножия башен. И скалы плачут, призывая ветер.

Эпилог

овесть эта была переведена лично моим учителем Алкемидом с валузийского языка. Ее полный текст был найден несколько лет назад в пещерном храме, обнаруженном пастухами в горах Пуантена.

К сожалению, сам философ не дожил до обнародования своего последнего труда. В возрасте пятидесяти пяти лет, командуя отрядом ратников во время печально известной битвы при Валькии, он прикрывал отступление основных сил нашего войска.

Паника, поднявшаяся после воображаемой гибели короля, не позволила должным образом организовать оборону. В последний раз воина и философа Алкемида видели стоящим с горсткой воинов на пути наступающей тяжелой конницы немедийцев. Последующие поиски ничего не дали — тело не было обнаружено. Но со дня битвы до момента начала поисков прошло довольно много времени. Тела погибших не были захоронены,

поэтому птицы и хищники успели сделать их неузнаваемыми.

Король, высоко ценивший моего учителя, приказал поставить на месте битвы его бронзовую статую. Скульптор изобразил Алкемида в тот момент, когда он смотрел в глаза своей смерти. Воин в гандерских доспехах стоит, подняв круглый щит, и, выставив вперед пику, смотрит на восток — туда, откуда пришли на нашу землю вражеские полчища. Они с позором изгнаны с аквилонской земли, но мудреца Алкемида уже нет с нами.

Несмотря на это, беру на себя смелость продолжить дело его жизни. Составление Хроник Алкемида будет продолжено. В них будет и дальше рассказываться о двух великих королях. Материалов, собранных нами, хватит не на один том, а история, которую вы дочитали сегодня, является всего лишь одной стороной каменной стелы у пещерного храма. Всего у стелы четыре стороны, украшенных древними символами стихий. Мое знание валузийского далеко от того совершенства, с которым им владел мой Учитель, но я надеюсь все же, что расшифровка не займет слишком много времени.

Никий, хронист Конана Аквилонского

БОГИ ПЕЩЕР

удьба воина, как непоседливая верткая птица — всегда там, где свистят стрелы и звенят мечи. Однако как бы не благоволила божественная фортуна к своему избраннику, даже ей порой нелегко помочь ему, ибо нелегок удел тех, кто владеет острым клинком проворнее, чем словом, и слишком часто жизнь его зависит от случайных обстоятельств. Редкий ратник доживает до преклонных лет и встречает старость на пороге собственного дома. Куда как чаще беспощадная смерть пожинает их жизни в кровавой сече, где нет различий между богатыми и бедными, молодыми и старыми.

Двое молчаливых всадников, ехавших в скалистых горах к востоку от Талунии, целиком и полностью разделяли это мнение, что, впрочем, не мешало им смотреть на свое будущее с надеждой на лучшую долю.

И тот и другой, несмотря на туманные покровы судьбы, были преисполнены решимости про-

жить как можно дольше и по возможности в достатке. Оба были добротны одеты и хорошо вооружены. Один опирался на длинное древко копья, закрепленное в специальную петлю возле стремени, из-за левого плеча выглядывала резная рукоять острого фарсунского клинка. На кожаном поясе другого висел большой широкий меч в ножнах, а за спиной — круглый верулийский щит, перекрещенный булавой и боевым топором. Судя по зазубренному лезвию топора и помятому набалдашнику булавы, грозному оружию не приходилось ржаветь без дела.

Мерная поступь лошадей укачивала всадников. Чтобы прогнать дремоту и взбодрить себя разговором, один из всадников, — тот, что был ниже ростом и опирался на копье, — повернул голову в сторону могучего приятеля и холодно спросил:

— Зачем мы поехали этой дорогой, Кулл?

— Так короче, — сухо донеслось в ответ.

— Ты что, торопишься?

— Я — нет, — мрачно изрек Кулл, — но вот мой тощий кошелёк иного мнения.

Его собеседник добродушно ухмыльнулся.

— Да, когда говорит кошелёк, то разуму лучше помалкивать.

Атлант согласно кивнул и, слегка прищипорив коня, добавил:

— Если он есть, разумеется.

При каждом слове легкие клубы пара поднимались над головами людей. Выслушав мнение Кулла, пикт плотнее запахнулся в теплую меховую куртку и недовольно посмотрел по сторонам.

Неделю назад они решили перебраться из городка Мессанин, на севере Грандара, в Талунию. По слухам, там неплохо платили каждому, кто готов оберегать чужое имущество в обмен на золотые монеты. Друзья собрались в дорогу и, не мешкая, отправились в путь. Уже на самой границе, возле реки Тел, каменная стрела горца пропела им прощальную песню, с тупым звуком вонзившись в щит на спине атланта, и вот уже вторые сутки они петляют в этих проклятых богами горах. Брул вспомнил мерзкую рожу разбойника, пустившего стрелу, и передернул плечами. Одно утешение: мерзавец болтается на веревке возле того самого места, где задумал свое злое дело. Впрочем, прохвоста повесили не они, а пограничная стража, которая выслеживала молодчика не один день. Это были рослые крепкие воины с суровыми лицами, обветренными злыми ветрами. В их обязанности входило патрулирование приграничных областей между пустошами Грандара и зажиточным Зарфхааном. Без лишней спешки они вздернули горца на сук. И хотя ни Куллу, ни Брулу, это зрелище было не по душе, их быстро уверили в том, что одинокий грабитель получил по заслугам, убив не менее десятка странников. Отбросив невеселые воспоминания, пикт вновь передернул плечами и, сжав коленями бока лошади, поскакал вперед.

Полуденное солнце стояло высоко над головой. Ветры, обычные в этих гиблых местах, стихли. В морозном воздухе стояла удивительная тишина, нарушаемая только глухим стуком копыт по

снежному насту. Изломанные вершины гор, покрытые шапками ледников, ослепительно сверкали вдали. Едва заметная дорога, запорошенная снегом, все время петляла, норовя совсем потеряться из виду.

Всадники забирались все выше в горы. Дорога сузилась и превратилась в тропинку. Теперь они двигались гуськом. Приходилось быть вдвойне осторожными, так как тропа почти полностью исчезла под каменистой осыпью. Скользкий склон, слегка присыпанный свежим снежком, то и дело норовил осыпаться и увлечь путников за собой. Только опыт и чутье подсказывали обоим воинам, в каком направлении лучше всего двигаться, чтобы ненароком не вызвать обвал. Первым ехал атлант, за ним пикт. При каждом шаге мелкие камешки скатывались вниз, оглашая застывшие от холода окрестности предательским шорохом камнепада. Спустя полчаса они очутились в ущелье Красной Зари, о котором в долине ходили недобрые слухи. Местные жители говорили, что здесь живет сам дьявол, пожирающий души одиноких путников.

Внезапно вороной жеребец Кулла встал как вкопанный и тревожно повел ушами. Откуда-то издали послышался тяжелый нарастающий гул, и земля задрожала. Гул перерос в сильный грохот, который стремительно приближался. Оглушительное эхо, подхваченное снежными вершинами, мешало угадать, откуда шел звук. Пегая лошадь Брула испуганно заржала и попятилась. Копьебой с трудом удержался в седле, вовремя

вцепившись в поводья. Спустя мгновение все звуки перекрыл чудовищный рев, и совершенно неожиданно справа от путников на склоне горы показался катящийся снежный вал.

— Лавина! — закричал Брул.

Времени на раздумья не оставалось. Всадники бешено погнали лошадей к спасительному скальному навесу над поворотом горной тропы. Сумасшедшая скачка продолжалась недолго. На каменистой заснеженной осыпи вороного жеребца Кулла потащило вниз, вслед за ним потянуло и лошадь Брула.

В следующий миг громадный поток снега смел путешественников с тропы.

Очнулся Кулл от звенящей боли в голове. Кровь неторопливыми толчками пульсировала в висках. Атлант открыл глаза и медленно приподнялся. Боевой топор мешал двигаться, но именно благодаря оружию, его хребет остался целым и невредимым, поскольку широкое плоское лезвие защитило его от скального выступа, торчащего из развороченного сугроба. Взяв топор в руки, Кулл оперся рукоятью на выступ и, кряхтя, поднялся на ноги.

Спина невыносимо болела. Ни меховой шапки, ни круглого щита, ни палицы, как не бывало — их сорвала и унесла лавина. Обронив злое проклятие в адрес ледяных небес, атлант с хрустом расправил широкие плечи. Возле него, наполовину засыпанный снегом, лежал бездыханный жеребец, его голова была неестественно вывернута на бок. Пегая лошадка пикта бесследно исчез-

ла. Кулл торопливо огляделся в поисках Брула. Копьебой неподвижно лежал неподалеку, подогнув под себя правую руку. Лицо его было разбито в кровь.

— Брул,— тихо позвал атлант.

Пикт медленно зашевелился:

— Да живой я, живой...

Кулл, шатаясь будто пьяный, подошел к приятелю и помог ему подняться. Брул болезненно поморщился.

— Теперь, надеюсь, наш путь будет совсем коротким,— мрачно заметил он и зашелся в сильном кашле.

— Что ты имеешь в виду?

— Все что угодно, но только не старушку смерть,— с кривой усмешкой ответил пикт.

Кулл облегченно улыбнулся. Незлобивая шутка друга, вселяла надежду на лучшее, лишь бы молодая кровь в жилах не прокисала от уныния и отчаяния. Тем более, что удача, похоже, была на стороне друзей, ибо лавина, вместо того чтобы переломать им все кости, протащила их добрую сотню сажений и сбросила в узкую расщелину, щедро засыпанную многовековым снегом. Задрав голову, Брул прикинул расстояние до верхней кромки скалы и слегка присвистнул от удивления. Похоже, путь наверх придется поискать в другом месте.

Какое-то время Кулл бродил в поисках разбросанных вещей. Ему удалось обнаружить тощий тюк с одеялами и часть провизии, прихваченной в дорогу. Копье Брула он нашел только по счаст-

ливой случайности, наступив на скрытое под снегом древко. Седельная сумка пикта пропала вместе с его лошадей и другими вещами. Кулл без лишних слов передал Брулу найденное копье.

Тот молча принял оружие и сильным ударом вонзил его в ледяной сугроб. Затем, как ни в чем не бывало принялся отряхивать с себя снег.

— Приятно чувствовать себя в компании благодарного человека,— пробурчал Кулл.

— Тем более, если он предупреждал тебя о том, что в эти горы лучше не соваться,— немедленно ответил Брул.

Оба воина посмотрели друг на друга и неожиданно звонко рассмеялись.

Приведя себя в порядок, они отправились в путь. Напоследок Брул еще раз осмотрел высокую, совершенно отвесную поверхность скалы и поспешил вслед за Куллом.

Расщелина, в которую они угодили, являла собой длинный скальный разлом, сделанный в горах не иначе как разгневанными богами. Его ширина все время менялась, но нигде не превышала пятидесяти локтей. Снежный наст, устилающий проход, был достаточно прочным, и воины двигались довольно быстро. Проход постоянно извивался, уводя двух заблудших странников куда-то на восток. Чем дальше продвигались друзья, тем выше и неприступнее становились стены, тем холоднее и неприветливее казалось внизу. Только один раз они задержались. Их остановила огромная груда камней, загромождавшая проход, словно плотина. Запорошенная снегом и покрытая

ледяной коркой преграда выглядела достаточно серьезной.

— Похоже, ее сделали люди,— медленно, произнес Брул, остановившись у самого подножия грандиозной кучи огромных глыб.

— Интересно, зачем? — тихо проронил Кулл.

Брул задумчиво поскреб подбородок:

— Если бы я знал, для чего вообще живут люди, то, пожалуй, ответил бы. Но я простой человек, а не плешивый мудрец из изнеженной Валузии, поэтому поступки людей меня давно перестали удивлять.

— Мой друг, не знаю, какой бы из тебя вышел мудрец, но сказано достаточно умно даже для бродяги...

Некоторое время оба молчали, взвешивая про себя, что лучше: быть штатным мудрецом при дворе богатого вельможи или свободным воином, положившимся на милость судьбы?

Вскарабкавшись на каменную преграду, воины осмотрелись, однако перед ними лежал все тот же узкий безрадостный коридор, уходящий в неизвестность.

Между застывших скал кружилась снежная поземка. Брул проворчал что-то насчет вечной мерзлоты и, не дожидаясь ответа, ловко заскользил вниз. Порыв ветра подхватил его слова и унес вдаль.

Где-то там наверху светило маленькое колющее солнце. Морозный зимний день был в самом разгаре. Причудливые тени скал отвесно падали вниз, на снежную поверхность, делая мир черно-

белым. Внезапно пошел снег. Он падал невесомо и тихо — большими пушистыми хлопьями.

— Славная погода, — бодро сообщил Брул. — Морозец так и лезет в душу.

Кулл машинально пожал плечами.

— Лучше побереги дыхание, иначе от твоей души скоро останется одна сосулька.

Вместо ответа пикт беззлобно хохотнул и шутливо заявил:

— Если не замерзну в этой дыре, непременно вздам должное горячему зарвхаанскому вину с гвоздикой и перцем. Надеюсь, оно действительно так приятно на вкус, как о нем говорят.

— Поживем — увидим, — философски обронил атлант.

Снежный наст резко и неприятно хрустел под ногами. Примерно через час проход расступился, и воины очутились возле громадной пещеры. Ее непомерный зев был гостеприимно распахнут. Брул взобрался на вершину ближайшего валуна и замер. Довольно долго путники прислушивались к обманчивой тишине ущелья. Потом где-то далеко-далеко в горах тревожно загрохотало, и вновь наступила тишина.

Неподалеку от входа в пещеру Кулл разглядел громадные обломки скал. Их покрывали большие шапки снега, придавая картине сказочный вид.

Не сговариваясь, оба воина двинулись вперед, но, сделав не более пятнадцати шагов, вновь остановились. Их привлекли загадочные рисунки на стенах прохода. Золотистые краски давным-давно потускнели и стерлись от времени. Разоб-

рать можно было лишь слабо различимые символы, начертанные руками неизвестных художников. Брул рукавом куртки очистил участок стены от льда и снега и задумчиво отступил. Ни пикту, ни атланту эти странные письмена или рисунки ни о чем не говорили. Оба никогда не видели ничего подобного.

Снег повалил сплошной стеной, и стало совсем ничего не видно. Высоченные причудливые сугробы перед входом в пещеру ненадолго задержали их продвижение. Перевалив через препятствие, воины ступили на широкий и совершенно плоский пол пещеры. Они прошли дальше, настороженно озираясь по сторонам. Довольно скоро воины уткнулись в стену. Направо уходил коридор. Атлант разглядел цепочку выщербленных ступенек, убегающих в непроглядную темноту. Из глубины коридора шел тяжелый сернистый запах. Сколько друзья ни вглядывались, больше ничего не было видно.

Кулл поудобнее перехватил секиру и шагнул вперед. Пикт немного постоял, прислушиваясь, и молча двинулся за атлантом.

Откуда-то издали прозвучал тревожный крик птицы и сразу же оборвался, как будто кто-то аодстрелил птаху из арбалета. Осторожно ощупывая стены, атлант шаг за шагом продвигался в глубину горы, за ним шел Брул. Вскоре, буквально через три поворота, коридор привел их в широкий просторный грот. Всю его правую сторону заполнял ряд каменных истуканов. Между ними в стене, зияла большая дыра. Из нее

лился мягкий приглушенный свет. Выщербленные ступеньки вели круто вверх. Уродливые лица идолов, обезображенные чьими-то безжалостными ударами, с тупой безнадежностью взирали на каменную лестницу. Подле них лежали останки людей, их руки все еще сжимали оружие, которым они крушили истуканов. Сохраняя осторожность, Кулл сделал несколько шагов и остановился напротив мерзких божков. Прямо за ними, на стенах грота, в неясном сумеречном свете виднелись смутные рисунки.

Брул гулко кашлянул, проворчав что-то насчет глотка свежего воздуха. Атлант только хмуро кивнул, и оба незамедлительно двинулись дальше.

Тяжелые сернистые испарения настойчиво заполняли легкие. Из глубины подземелья доносились негромкие звуки, будто грозный великан беспрестанно ворочался во сне, надсадно выдыхая отравленный воздух. Путники чувствовали непонятную тревогу. Каменные сосульки, свисавшие с потолка грота или поднимающиеся из пола, то и дело задерживали их продвижение.

Шум, идущий из глубины горы, постепенно нарастал. Вход в пещеру оказался длинной наклонной шахтой. Ее разбитые ступени, покрытые толстым слоем льда, скопившимся здесь за многие сотни лет, то и дело норовили выскользнуть из-под ног, заставляя проявлять чрезвычайную осторожность. Довольно быстро шахта сузилась, и друзьям пришлось идти друг за другом, помогая себе секирой и копьем. Из глубины горы беспре-

станно доносились шипящие звуки. Шум нарастал с каждым шагом. Вдруг совершенно неожиданно стены расступились. Воины оказались под куполом гигантского зала. Звук тут же пропал. Кулл положил секиру на плечо и внимательно осмотрелся.

Сквозь трещину в потолке внутрь пещеры падало достаточно света. И хотя свет был сумеречным, его хватало для того, чтобы понять все величие и красоту этого места. Дальний конец зала скрывался в полумраке. Сверху, с небольшой площадки, куда поднялись атлант и пикт, доломитовая поверхность пещеры выглядела ровной как стол, отшлифованная бесчисленными прикосновениями воды и ветра. Только весь ее правый край был обильно покрыт сетью выбоин и трещин. В центре зала находилась внушительная крепость. Ее опоясывал широкий ров с водой. Над ним клубились пушистые клочья тумана. Огибая крепость, ров превращался в поток, пересекающий пещеру прямой, как стрела, линией. Высокие зубчатые стены крепости вздымались не менее чем на шестьдесят локтей. Часть стен была варварски разрушена, от них остались только груды щебня и камней. Подле покоились останки каких-то древних механизмов — возможно, стенобитных машин. Кое-где в проломах виднелись куполообразные крыши строений. Створки ворот поддерживали две мощные сторожевые башни. Верхушка одной из них была безжалостно разворочена, словно от удара гигантского кулака. Подъемный мост, перекинутый через широкий

ров, наполовину погрузился в черные воды. Все пространство вокруг крепости было заставлено статуями людей. Особенно много их было возле подъемного моста. Некоторые лежали на земле — разбитые и поломанные. Причудливые позы других вызывали странные навязчивые мысли: казалось, неизвестный скульптор задумал поразить зрителей непревзойденным искусством, ибо каждая из фигур выглядела как живая, готовая в любой момент сдвинуться с места. Чем больше Кулл приглядывался к этим застывшим изваяниям, тем больше убеждался в том, что в них есть какая-то странность.

Воздух в пещере был наполнен холодом и смертью. Над расщелиной завыв ледяной пронизывающий ветер. В сумраке кружились одинокие снежинки. Они падали сквозь трещину в куполе и медленно опускались на застывшие лица людей.

— Интересная картина,— задумчиво проговорил Кулл.

— Надо бы поискать веревку,— спокойно предложил Брул.— Надеюсь, в этих развалинах,— он кивнул на крепость,— найдется что-нибудь стоящее. Ты как думаешь?

— Что толку гадать,— Кулл пожал плечами,— если можно пойти и посмотреть.

— Спорить не буду,— угрюмо заметил пикт.— Надеюсь только, раз здесь имеется крепость, то, значит, есть и путь наружу. Ведь должен же был как-то сюда попасть творец этого чуда.

Вниз с уступа вели широкие ступени. Чутко прислушиваясь к малейшим звукам, друзья дви-

нулись к цитадели. Пол пещеры, сверху казавшийся плоским и ровным, устилали мелкие обломки известняка. Пробираясь через живописные скопления статуй, Кулл все больше убеждался в том, что каменные изваяния некогда были живыми людьми. В их неподвижных фигурах, в поднятых руках и остановившихся взглядах замерло неподдельное движение, неподвластное резцу скульптора. Все без исключения были одеты в доспехи и превосходно вооружены. Лица большинства из них, искаженные гневом и яростью, в едином порыве смотрели на крепостные стены. Казалось, они вот-вот очнутся и с победными криками бросятся на приступ.

— Похоже, здесь не обошлось без колдовства,— тихо сказал Брул и сильнее сжал древко копья.

Внезапно в дальнем конце пещеры раздался громкий шипящий звук, и громадный фонтан воды с шумом взметнулся вверх. Его сопровождали густые клубы пара и сердитое кипенье подземных вод. Воины в нерешительности замерли.

— Я видел нечто подобное на вулканических островах Лемурии,— сказал Брул, всматриваясь в полумрак пещеры.— Местные жители называли такие извержения воды дыханием подземного дьявола.

— У нас их называют просто гейзерами,— с улыбкой заметил Кулл.

— По правде сказать, мне плевать, как их называют, лишь бы они мне не мешали,— проворчал Брул.

Атлант взглянул в глаза ближайшие статуи. Окаменевший воин с лютой злобой уставился ему в лицо.

— Нужно поторапливаться,— пробурчал пикт.— Пока совсем не стемнело.

Кулл еще раз хмуро поглядел на статую и широким размеренным шагом направился к подъемному мосту.

Застывший воин, не мигая, смотрел ему в спину, будто готовясь в любой момент сорваться с места и напасть на него сзади. Наконечник его копья был угрожающе нацелен в затылок атланта.

Чем ближе друзья подходили к разрушенной цитадели, тем плотнее и гуще становилось скопление каменных изваяний. От их обилия рябило в глазах. Большая часть из них была безжалостно повергнута на землю — раздробленные и поломанные, они являли собой жалкое зрелище. Приглядываясь к застывшим лицам, Кулл обратил внимание на то, что некоторые статуи, больше всего походили на змеелюдей, которых он не раз встречал в своих странствиях. Особенно много этих отвратительных созданий было на стенах и возле ворот. В одном месте друзья наткнулись на двух противников, намертво вцепившихся друг другу в глотки. В змеиных глазах одного из них затаилась такая свирепая и всепоглощающая ненависть, что Кулл передернул плечами. Похоже, прежде чем раз и навсегда замереть на месте, змеелюди с беспощадной решимостью защищали крепость от вторжения вражеской армии.

— Не знаю, чего они не поделили, — осторожно промолвил Брул. — Но это наверняка представляет интерес...

Глядя на двух окаменевших истуканов, навечно сцепившихся в объятиях, Кулл подумал о том, что жизнь намного дороже такого памятника.

Будто угадав мысли атланта, холодный ветер осыпал застывшую армию статуй снегом, словно норовя поскорее укрыть ее от чужих взоров.

Шаткий подъемный мост гулко отозвался, когда сапоги заблудших путников коснулись его разбитой поверхности. Белесое море укутывало ров влажными парами. Туман кружился над водой призрачной мгlistой вуалью. У самых ворот груды щебня и каменного крошева усыпали подножие высоких стен. Одна из створок отсутствовала. Другая, выполненная из массивной бронзовой плиты, едва держалась на одной петле. Украшенная причудливыми барельефами, изображающими кошмарных тварей, дверь ненадолго задержала внимание атланта. Налетел порыв ветра, и она с жалобным скрипом закачалась, готовая вот-вот рухнуть. Кулл ударом ноги отшвырнул подвернувшийся обломок камня — разбитую голову статуи — и вошел внутрь крепости. За ним неслышной тенью проскользнул Брул.

Их взорам открылся большой двор, мощный известняковыми плитами. Угловатые приземистые здания стояли справа от входа — вероятно, там когда-то находились казармы гарнизона. По левую сторону шло длинное невысокое ограждение

из известняковых плит. За ними возвышались какие-то сложные конструкции непонятного назначения. Возле них валялись полустгнившие бревна, каменные блоки и другая створка ворот, покореженная до неузнаваемости. Ветер гнал по замерзшим мостовым легкую поземку, тоскливо завывая на разные лады.

— Хорошее местечко для тех, кто пожелал бы поселиться здесь навечно, — мрачно пошутил Брул.

Атлант с видимым безразличием пожал плечами.

— Надеюсь, мой друг, в твои планы это не входит?

Брул взмахнул рукой.

— Во имя светлых богов! О чем ты?

С каждым словом и с каждым шагом оба воина продвигались в глубину неизвестных улиц. Повсюду бросались в глаза пустота и разорение. Двери и оконные переплеты были уничтожены или разбиты. Полукруглые крыши многих домов давным-давно обрушились. Плутая по лабиринтам улиц, воины зашли в какой-то красивый двухэтажный особняк из белого камня. От его былого величия не осталось и следа, но полуразвалившееся здание все еще сохранило неуловимый налет древнего могущества.

При их появлении с крытой галереи дома, поддерживаемой мраморными колоннами, свалилась большая статуя, изображающая какое-то крылатое чудовище. Брул едва успел отскочить в сторону и выругался. В одной просторной комнате Кулл обнаружил большую грудку человеческих

костей, сложенную в виде аккуратной пирамиды. Вершину ужасной пирамиды украшал выбеленный череп неизвестного животного. Какой-то злой насмешник увенчал его золотым туранским шлемом. Оскалившийся в ухмылке жутковатый череп недобро взирал на пришельцев. В пустых и темных глазницах навечно застыло безмолвие смерти.

— Прости дружок.— Брул взял золотой шлем и, недолго думая, напялил себе на голову. Хорошо сохранившиеся застёжки сухо защелкнулись у него под подбородком. Пикт никогда не страдал суеверием, и поэтому такие мелочи, как высохшие кости, его мало трогали. Тем более, что бывалому воину смерть была не в диковинку.

— Знаешь, Кулл,— заметил он спустя мгновение.— Все-таки, что ни говори, но золото обладает одной удивительной особенностью...

— Какой же?

— Оно порой действительно согревает.

Атлант угрюмо посмотрел на пикта и мрачно сообщил:

— Меня бы сейчас больше устроило пламя домашнего очага и добрый кусок жареного мяса.

Выйдя наружу, оба направились к центру крепости. Несмотря на путаницу пустынных улиц, они ухитрились выбрать нужное направление. Вскоре разбитые плиты мостовой привели их на центральную площадь. Прямо посреди нее находился древний колодец. Заглянув в бездонное жерло, Брул передернул плечами, поправил на голове шлем и холодно произнес:

— Не знаю, кто и как доставал отсюда воду, но, похоже, ее выпили всю без остатка.

— Как и жизнь,— веско бормотал Кулл.

Порыв холодного ветра подхватил его слова и унес куда-то наверх, к самому своду гигантской пещеры, расколотому трещиной.

Смеркалось. Внушительные здания по сторонам площади молча и зловеще смотрели на двух незваных гостей. Ошлядевшись по сторонам, Кулл наткнулся взглядом на фасад роскошного дворца, дверной проем которого был варварски изуродован сильными ударами стенобитной машины. Часть правого крыла отсутствовала, от него осталась только груда камней. Другая половина, несмотря на старания тех, кто пытался превратить ее в обломки, все еще выглядела грандиозной. Ее украшали сотни изображений людей и фантастических животных. В сумеречном свете пещеры сооружение казалось особенно мрачным и зловещим. Огромный шар, установленный на крыше, возможно, когда-то символизировал солнце или луну. Его инкрустированная драгоценными камнями поверхность искрилась тусклыми огнями, и чем дольше смотрел на здание атлант, тем меньше оно ему нравилось. В темных недрах дворца таилось нечто злобное и жестокое, аура демонического зла продолжала витать над ним. Впрочем, и другие строения крепости не вызывали желания в них поселиться.

Кулл прислушался.

По-прежнему стояла мертвая тишина. Холодом и пустотой веяло отовсюду.

— Не нравится мне эта крепость, — негромко произнес Брул. Ему, жителю лесов и теплого солнца, было особенно не по душе это зловещее место.

— Ты что, читаешь мои мысли, дружище? — нарушил тишину Кулл.

Пикт упрямо встряхнул головой.

— Думай, как хочешь, но я повторю тебе: не нравится мне этот дворец, будь он проклят! Не нравится, и все тут!

Кулл хладнокровно пожал плечами.

— В конце концов, не мы придумали этот мир, так что выбирать не приходится...

Брул хмуро посмотрел на атланта и промолчал.

Хорошо сохранившаяся лестница вела внутрь чудом уцелевших дворцовых покоев. Поднимаясь по ступеням, Кулл то и дело останавливался, разглядывая высокий фасад. Переплетение резных фигур на нем просто завораживало. Тысячи обнаженных людей и жутких чудовищ в обрамлении запутанных лиан — все они занимались только тем, что поедали друг друга.

Изучив изощренный барельеф, пикт со смешком заметил:

— Думаю, нам бы тоже не мешало подкрепиться.

Кулл переложил тяжелую секиру на другое плечо и шутливо обронил:

— Полагаешь, мы придемся друг другу по вкусу?

Брул немедленно подхватил:

— Только один из нас.

— В таком случае я угощаю, — ухмыльнулся Кулл.

Оба негромко рассмеялись. Под сводами гигантской пещеры их смех прозвучал как удар грома. Когда смех отзвучал, зловещая тишина придвинулась вплотную. Из дверного проема ветер вынес горсть снега и бросил им в лицо.

Переступив через разбитый порог, воины очутились в большом парадном зале. Толстый слой пыли покрывал каменный пол. В противоположном конце зала виднелась еще одна широкая лестница, ведущая наверх. Сумрак помещения рассеивал одинокий луч света, падающий сквозь проломленную крышу.

Оставляя за собой цепочку следов, атлант и пикт медленно пошли вперед. Проходя из комнаты в комнату, они видели все ту же картину запустения и разорения. Повсюду валялись разбитые каменные статуи, обломки мебели, истлевшие картины и множество ветхой утвари. В одной из комнат Брул обнаружил целый ворох военного снаряжения: тут были длинные туранские кольчуги, надежные валузийские кирасы, стальные наколенники, нагрудники и множество заржавленных мечей. Между ними белели человеческие кости и оскаленные черепа. Слева от входа отдельной грудой лежало замысловатое оружие змеелюдей. Уродливая пика с тремя рядами узких лезвий торчала из ее вершины.

Вытащив из железной кучи кривой грандарский клинок, Брул взмахнул им несколько раз в

воздухе и пренебрежительно отбросил в грудку негодного лома.

— Что, подбираешь замену для копья? — беззлочно полюбопытствовал Кулл.

— Да нет, — задумчиво раздалось в ответ. — Хочу поручить эту кучу лома своему оруженосцу. Пускай на досуге займется делом и приведет его в порядок.

— Прежде пошли его за кувшином горячего вина, — ухмыльнулся Кулл. — Сдается мне, сейчас оно бы нам не помешало, я весь продрог...

В соседней комнате они наткнулись на внушительные тюки с одеждой и коврами. Полусгнившее тряпье рассыпалось в прах при каждом прикосновении. Тут же среди каких-то ящиков и сундуков валялись разбитые амфоры из-под вина и оливкового масла. Часть пролитого масла разлилась по полу. В дальнем углу Брул нашел с десяток целых глиняных кувшинов, прикрытых ветхими козьими шкурами.

— Масло и вино, — проворчал пикт, раскупорив несколько кувшинов. — Все давным-давно замерзло, как душа последнего грешника.

— Неплохой улов для голодного следопыта, — с преувеличенной любезностью заметил Кулл.

— Если не считать туранского золота, — с наигранный важностью сообщил Брул, касаясь шлема на голове.

Куча негодных факелов, сваленных в нише возле окна, вызвала в обоих скорейшее желание разжечь костер. Пока Брул возился с трупом и кредалом, Кулл натаскал обломки мебели, во множе-

стве находившиеся в здании, и сложил их в главном зале.

Ругаясь, как последний бродяга, пикт, наконец, раздул небольшой огонек и бережно окружил его сухими щепками, заботливо наструганными ножом. Уже через минуту в зале весело затрещало пламя. Протянув к нему руки, оба воина некоторое время молчали, согреваясь теплом живого огня. Затем Кулл достал из кармана кожаный сверток с остатками провизии и без лишних слов разделил еду поровну.

Почти мгновенно сумерки сменились непроглядной тьмой. Пламя костра только усиливало темноту, играя на стенах зала таинственными тенями. Где-то за стенами вновь раздалось дьявольское шипение гейзера. Ему ответило многократно усиленное эхо, как будто по пещере прошелся издевательский смех гигантской гиены. Отдаленный грохот вскоре стих и снова наступила мрачная тишина. Ночь безраздельно и полновластно вошла в свои права.

Расположившись в разбитом кресле с оторванным подлокотником Брул спокойно заметил:

— Не знаю, кто построил эту странную крепость, но, сдается мне, кем бы он ни был, бедолага не слишком стремился к обществу.

Кулл вспомнил повешенного горца и твердо произнес:

— Его можно понять.

— Еще бы, — подхватил Брул. — Познакомившись с повадками людей, только круглый дурак не поспешит уединиться в какой-нибудь уютной

дыре. Даже если это всего лишь маленький домик на краю мира.

Атлант только кивнул. В его суровых глазах дрожали отсветы прошлых битв. Кому, как не ему, было знать, что такое человек, алчущий чужого богатства и власти.

Внезапно откуда-то с верхних этажей дворца послышалось странное заунывное пение. Постепенно нарастая, оно перешло в жуткий нечеловеческий вой. Оба воина живо вскочили на ноги. В руках одного сверкнуло широкое лезвие секиры, руки другого подняли копье. Так же внезапно, как и возник, вой стих. Невероятное удушающее безмолвие обрушилось на плечи застывших людей.

Лицо пикта побелело, губы едва заметно шевельнулись.

— Валка, что это было?

— Не знаю, — так же тихо ответил атлант.

Спустя мгновение пение раздалось снова. Теперь в нем слышались просьба, призыв и страстная мольба. Оцепенев, оба воина слушали звуки таинственного пения. Вновь, постепенно нарастая, оно перешло в угрожающий вой и резко оборвалось.

Не сказав ни слова, Кулл вытащил из костра головню покрупнее и неслышным шагом двинулся к лестнице, ведущей наверх. Брул сделал тоже самое и, крадучись, поспешил за другом. В трещину на потолке пещеры заглянула луна, озарив крепость мертвенным бледным сиянием. В призрачном свете все казалось загадочным и нереальным.

Ступая по шатким ступеням, они довольно быстро оказались на площадке второго этажа. Осторожно обогнув разрушенные остатки лестницы, перекрывающие дверной проем, Кулл быстро проник внутрь обширной комнаты, за ним неслышно проскользнул Брул. Очутившись внутри, оба замерли, настороженно прислушиваясь к малейшим шорохам. Однако кругом стояла мертвая тишина. Тогда они медленно двинулись вперед, скрываясь за длинным рядом алебастровых колонн. Под ногами хрустело каменное крошево. Передняя часть комнаты была достаточно освещена луной, дальняя часть, отделенная грандиозной аркой, выглядела темной и зловещей. Обломки опрокинутой мебели, проломленные стены, остатки картин и ковров — все находилось в полном беспорядке, безжалостно поломанное и разбросанное.

Вновь раздалось таинственное пение. Теперь оно звучало совсем близко. В нем слышались лютая злоба и жестокость. Пение раздавалось все громче, приобретая оттенок мучительного страдания. Постепенно оно начало стихать и вскоре совсем прекратилось.

Внезапно комната озарилась ослепительным светом. От неожиданности оба воина буквально ослепли.

Атланта тотчас охватило странное ощущение, будто что-то мгновенно сковало его тело железными тисками холода, не давая не то что шевельнуться, но даже дышать. Только глаза еще способны были отмечать происходящее. Заворо-

женный Брул замер подле него, тоже не в силах двинуть и пальцем.

Помещение неузнаваемо изменилось, по нему как будто пробежала едва уловимая рябь, туманящая сознание. Теперь вместо запустения войны находились в роскошной комнате, убранной дорогими коврами. Комната была хорошо освещена десятками факелов, воткнутых в специальные ниши на стенах, и полна изящных предметов. В противоположном конце от входа, в широком просторном алькове, находился высокий резной трон из нефрита. По обе стороны его лежали две огромные черные кошки, их желтые глаза немигающе смотрели на людей. В них таились предвкушение желанной добычи и спокойная уверенность в собственных силах.

На троне сидела обнаженная женщина. Ее лицо казалось бы прекрасным, если бы не красные глаза и жестокое выражение резко очерченных губ. В руках у нее находился странный музыкальный инструмент. Женщина поднесла его к губам, и таинственная мелодия раздалась снова. Взяв жуткий аккорд смерти, женщина с холодным безразличием посмотрела на людей и шипящим голосом произнесла.

— Стойте и не двигайтесь...

Гулкое эхо подхватило ее негромкие слова и понесло их сквозь бесконечные анфилады дворцовых комнат. Пламя факелов слегка качнулось и замерло.

— Стойте и не двигайтесь,— повторили мертвые стены спустя мгновение.

При отзвуках этого голоса две огромные кошки, сидящие по бокам трона, резко поднялись. Их длинные хвосты нервно задергались из стороны в сторону. Одна из них обнажила длинные белые клыки и злобно зарычала.

Обнаженная женщина что-то еле слышно произнесла, положив ладони на головы демонических созданий. Огромные хищные твари тут же успокоились, нехотя вернувшись на свои места. В их широко открытых глазах отразился безумный огонь ада. Только далекий отголосок ветра нарушал тишину в комнате. Причудливые предметы, люди и пара гигантских кошек — всё замерло в полном покое.

Спустя минуту мелодия прозвучала снова, но теперь в ней слышались спокойствие и расслабленность. Музыка обволакивала тело и погружала в сон. Не в силах сопротивляться чарам оба воина медленно впадали в сонное оцепенение. Мелодия звучала все тише, пока не умолкла. Свет постепенно померк, и стало темно, как прежде. Снаружи донесся далекий нечеловеческий крик, и пламя факелов вспыхнуло с новой силой.

Неожиданно тяжелая секира атланта с громким стуком упала на пол из ослабшей руки, и Кулл тут же вскинул голову, выйдя из оцепенения. Воин мгновенно оценил ситуацию.

— Брул! Очнись, приятель! — яростно взревел он, подхватывая секиру.

Пикт шевельнул плечом, и его глаза приняли осмысленное выражение. Женщина на троне зашипела, как раненая змея. Ее красные глаз пре-

вратились в раскаленные угли. Две кошки вновь встали, готовые броситься вперед. Колдунья указала на людей пальцем. Ее алые губы произнесли какое-то злобное проклятие. В следующее мгновение обе гигантские кошки бесшумно двинулись на людей. Каждая из них размерами превосходила взрослого человека. Обе скользили как привидения, вызывая суеверный ужас.

Сохраняя выдержку, воины медленно отступали. Одна из гигантских тварей стремительно прыгнула. Кулл мгновенно присел, вскинув секиру над головой. Огромное животное пролетело над атлантом, и лезвие топора проделало в ее брюхе страшный разрез. Через вспоротую плоть на пол хлынул поток крови. Раненая зверюга жалобно взывала. Прежде чем сдохнуть, она протаскала собственные внутренности по залу и рухнула у ног своей хозяйки.

Брул не стал дожидаться развязки. Выставив перед собой копье, он сам ринулся на вторую бестию. Мощным ударом лапы кошка отбила копье и, оскалив клыки, бросилась на человека. Пикт ловко откатился к окну, едва не угодив под острые кинжалы когтей. С верхнего этажа дождем посыпались камни, покореженные перекрытия и труха прогнившего дерева. Оттуда же с грохотом упала здоровенная дверь, накрыв Брула спасительным щитом.

Развернувшись на месте, кошка одним скачком оказалась на двери, придавив ее своей тяжестью. Все произошло в долю секунды. Кулл вновь поднял секиру над головой, громким криком при-

влекая к себе внимание демона. Кошка злобно взревела, поворачиваясь в его сторону. Памятуя о том, что стало с ее напарницей, она не торопилась. По спине атланта пробежали мурашки. Тварь двигалась с невероятной грацией. В ее крадущейся поступи угадывалась беспощадная решимость покончить с ничтожным человеком, дерзнувшим войти в темные пределы ее повелительницы.

Брул, оглушенный падающими обломками, с трудом выбрался из-под завала и, качаясь из стороны в сторону, искал глазами копье. Кошка, не обращая на него внимания, метнулась к атланту. Кулл, пытаясь, отступил за колонны, прикрываясь секирой как щитом. Между колонн было достаточно пространства, чтобы там свободно прошел человек, но для громадной туши чудовища его было явно маловато. Зверюга яростно взревела, пытаясь достать ускользающую жертву длинными когтями. В следующий миг копье пикта, пущенное твердой рукой, пробило ее шкуру возле самого сердца. Полный немыслимой ярости рев потряс зал, чудовище закружилось на месте, пытаясь вырвать острую занозу, причиняющую ей невыносимую боль. Брула, задетого раненой тварью, отбросило в сторону, будто сухую щепку, и в этот момент Кулл обрушил ей на голову боевой топор. Зазубренное лезвие с хрустом вошло между глаз бестии, повергая ее на окровавленный пол. Следующим ударом атлант размозжил ее череп, словно гнилой орех. Глухое клочкотание в горле демона медленно затихло. Струя черной

крови, толчками вытекая из страшной раны, неторопливо зазмеилась в сторону каменного трона, где сидела обнаженная колдунья. Наступила зловещая тишина.

Брул с сожалением глянул на обломок копья, торчащий из мерзкой туши чудовища, затем вытащил из-за плеча длинный фарсунский клинок и медленным шагом направился в сторону колдуньи. Ее глаза превратились в два раскаленных луча, из горла вырывалось змеиное шипение. Она очертила себя каким-то таинственным знаком. В ту же секунду кольцо пламени окружило ее со всех сторон, создавая непреодолимую преграду между нею и пиктом. Брул отшатнулся назад, не в силах пройти через огненное препятствие. Оба воина застыли, не зная, что предпринять. Стена пламени поднялась к самому потолку, но в нем не было слышно ни треска сгораемых дров, ни шипения воздуха. Оно светило ровно и беззвучно. Колдунья поднесла к губам свой музыкальный инструмент, и по залу вновь пронеслась волна усыпляющей мелодии. Обедохлые кошки дернулись, по их телам пробежала резкая судорога, и на глазах пораженных людей страшные раны стали быстро затягиваться.

Вдруг чуткий слух атланта уловил какой-то подозрительный звук, идущий с улицы. В нем различалось странное постукивание, которому вторило тихое шипение и негромкое лязганье железа. Постепенно звуки становились все отчетливей и громче. На холодном лице колдуньи появилось выражение злобного торжества. Брул, стоявший

возле окна, выглянул наружу и обомлел: на площадь перед дворцом стекались сотни оживших змеелюдей. В лунном свете на лица человекоподобных созданий ложился мертвенный отпечаток древнего зла, отчего казалось, будто к зданию из густого мрака стекается жуткая безликая масса, наполненная серебристыми бликами от стальных лезвий сабель и мечей. Легкие клубы тумана, льющегося из колодца, обволакивали змеелюдей призрачными волнами. Эти волны наполнялись густыми лиловыми оттенками. Туман становился все гуще и плотнее, подбираясь к самому дворцу.

Со стороны лестницы донеслись негромкие шаги бесчисленных ног. Пути назад не было. Кулл выглянул наружу и, не обращая внимания на тысячи темных фигур внизу, вскочил на подоконник. Под окнами дворца тянулась узкая полоска лепного карниза. Шанс был не велик, но все же это лучше, чем ничего. Не мешкая, оба перебрались на карниз. Тот огибал все здание, минуя ряды темных окон. Два раза Кулл чуть было не сорвался, так как старая кладка то и дело осыпалась. К тому же мешала секира, засунутая за пояс, но атлант ни за что не желал с нею расставаться. Шагов через двадцать путь им преградила большая статуя крылатого демона. Пользуясь обилием лепных украшений, Кулл взобрался по ней на пологую крышу дворца. За ним бесшумно вскарабкался пикт. Сквозь зияющую дыру в потолке оба разглядели обнаженную колдунью на каменном троне. По бокам как ни в чем не бывало сидели две черные кошки. Все помещение

буквально кишело змеелюдьми. Их головы были подняты, налитые желтым светом глаза со злобой смотрели на людей.

Огромный каменный шар на крыше подал атланту отличную мысль. Он сделал Брулу знак, и оба навалились на него, что было сил. Некогда надежная опора, не выдержав натиска двух сильных воинов, хрустнула. Шар покачнулся и, подняв тучу пыли, обрушился вниз. Не долго думая, оба воина перепрыгнули на соседнюю крышу. С жутким грохотом шар упал на трон. Грандиозный дворец содрогнулся до самого основания. По обветшалой кровле протянулась сеть трещин, колонны накренились, и все сооружение обвалилось как жалкая лачуга, похоронив под собой армию отвратительных созданий.

— Пой свои песни в другом месте, красotka, — облегченно проворчал Брул.

На площади взвыли тысячи разгневанных глоток. Змеиное шипение поднялось к самому своду пещеры. Несколько увесистых камней пробарабанили по крыше. В призрачном лунном свете, льющемся сквозь разлом в потолке пещеры, Кулл разглядел очертания крепостных башен. Не мешкая, оба ринулись к спасительным зубчатым стенам.

Атлант перепрыгивал с крыши на крышу, словно не замечая темных провалов под ногами. Пикт ни в чем не уступал ему. Их бег сопровождался топотом тысяч ног по улицам заброшенной крепости. Змеиный народ не желал просто так расстаться со своей добычей. Сотни демоничес-

ких созданий карабкались на разбитые фасады домов, часть из них появилась на крепостных стенах, ожидая беглецов. Ворвавшись в самую гущу толпы, Кулл разметал противников, как ураган. Его боевой топор заработал со страшной силой, громоздя груды трупов. Брул защищал спину атланта, ловко орудуя фарсунским клинком. Несколько рассеченных тел рухнули к его ногам. Прорубив себе дорогу к краю стены, Кулл, не задумываясь, прыгнул вниз, прямоком в темные воды рва. За ним, раскроив напоследок череп одного из противников, бросился пикт. Течение тут же подхватило их. Вынырнув, оба посмотрели на стены. На мгновение пелена тумана, устилающая поверхность воды, расступилась. Сверху на них взирали тысячи жутких лиц. Град камней и дротиков полетел со стен. Фонтаны пенящихся брызг со всех сторон вспороли черные воды. Безумный рев и крики ярости сопровождали сумятицу в древней цитадели, упустившей из своих каменных объятий желанную добычу. В следующий миг туман вновь сомкнулся, отгородив противников непроницаемой клубящейся завесой.

Не сговариваясь, оба воина поплыли в сторону спасительного берега. Вскоре обнаружилось, что высокий крутой откос не позволяет выбраться наверх. Несколько раз Кулл пытался дотянуться до верхней кромки рва, но вновь и вновь безнадежно срывался вниз. Но вскоре течение вынесло людей в канал. Крики и рев змеелюдей стихли позади. Боевой топор остался где-то на дне рва, выпущенный из рук при падении со стены.

Чем дальше уносило друзей от мрачной змеиной цитадели, тем сильнее становилось течение. Из-за густых клочьев тумана ни пикт, ни атлант не видели, куда их несет. Неожиданно туман над головами воинов рассеялся, и их вынесло в огромную каменную чашу, наполненную клокочущей водой. Одна сторона чаши была словно обгрызана клыками гигантского чудовища. Через ее развороченный край вода устремлялась под низкие своды темного тоннеля, ведущего в неизвестность. В сумеречном свете атлант успел разглядеть каменные сосульки, свисающие с влажного потолка. Словно острые зубы демона тьмы они готовы были сомкнуться на шеех ничтожных существ, осмелившихся заглянуть в его пасть. Возле самой кромки вода пенилась и клочкотала. От шума и грохота заложило уши, казалось, само мироздание готово обрушиться на головы людей. Атланта ударило о скальный выступ, торчащий из воды. Он тут же ухватился за него, сопротивляясь бурлящему потоку. Пикта чуть было не пронесло мимо, но в последний момент Кулл схватил его за руку и подтянул к себе. Брул что-то прокричал, но за шумом воды ничего нельзя было разобрать. Завал из бревен, нанесенных сюда течением, создавал между пологим берегом и выступом небольшую плотину.

Вглядываясь в сумерки, атлант заметил, что противоположный конец плотины упирается в небольшую скальную площадку, достаточную для двоих человек. Но как только Кулл коснулся скользких бревен, шаткая плотина сдвинулась с

места и, подгоняемая бурлящим потоком, медленно поплыла ко входу в темный тоннель. Будто на радостях вода в чаше забурлила, заклокотала, людей подбросило вверх и со страшной силой потянуло в темную горловину тоннеля.

Падение в бездну продолжалось долго. Кулла било и мотало из стороны в сторону. Бешеный поток увлекал его все дальше в мрачные чертоги подземелий. Течение беспрестанно меняло направление, то закручиваясь в гигантские водовороты, то накрывая атланта огромными волнами. В какой-то момент ему показалось, что он сейчас захлебнется, но в следующий миг вода с ревом вынесла его на свежий воздух. Огромный водопад, низвергающийся роскошным пенящимся потоком сквозь зияющую дыру в горе, буквально выплюнул его с огромной высоты. Краем глаза Кулл успел заметить широкое пространство горного озера, залитое светом полной луны. Пролетев по воздуху, атлант рухнул в воду. Вынырнув, он немедленно поплыл к берегу. Когда ноги коснулись илистого дна, Кулл, тяжело дыша, выбрался на холодный скользкий берег. Легкий снежок припокрошил побережье тонким искристым покрывалом. На нем явственно отпечатались цепочки чьих-то следов. Их было много. По видимому, здесь совсем недавно прошел отряд или караван. Крохотные огоньки окон, виднеющиеся вдали, недвусмысленно указывали цель, к которой вели следы. После пережитого в гигантской пещере, маленькая деревушка у подножия гор казалась миром, готовым растаять в любую минуту.

Откуда-то справа слышались ругань и шумные всплески воды. Атлант побрел на звуки знакомого голоса и вскоре наткнулся на Брула. Копьебой с большим трудом выбрался на берег и пытался подняться на ноги. Грудь пикта ходила ходуном. Уткнувшись помятым золотым шлемом в мокрый снег, он громко отплеывался и страшно сквернословил.

— Жив, бродяга... — хрипло произнес Кулл, радуясь тому, что оба остались целы и невредимы. Хвала небесам, мощный поток протасил их под сводами темного тоннеля, наградив всего лишь массой синяков и ссадин.

Пикт привстал на колени, затем, не торопясь, оглядел мощную фигуру атланта и зашелся в надсадном кашле:

— Если это жизнь, дружище, то я предпочитаю находиться на том свете... По крайней мере, там спокойнее...

Кожаные штаны и куртки обоих воинов насквозь промокли. Атлант помог пикту встать на ноги, и оба воина посмотрели друг на друга. На губах коренастого пикта мелькнула едва уловимая ухмылка.

— Я же говорил тебе, Кулл, зачем мы сюда поехали?..

В ответ раздался долгий вой одинокого волка, вышедшего на ночную охоту.

Уже много позже краснощекий владелец постоялого двора, где они задержались на пару дней, поведал им легенду об этих безлюдных местах.

Тысячелетия назад на берегу озера стоял красивый и богатый город Талум. Десятки храмов и множество высоких светлых домов украшали его широкие просторные улицы. Кварталы вольных гончаров и плотников, скорняков и ювелиров, жестянщиков и оружейников, поставляли на рынки города тысячи полезных предметов: от изящной посуды до конских подков. Богатство и слава Талума день ото дня приумножались, ибо единственный торговый путь, соединяющий Грандар и Зарвхаан, проходил как раз через него. С раннего утра до поздней ночи шумные базары города наполнял неумолчный говор купцов, ремесленников и торговцев. Торговые ряды ломились от роскошных тканей из жаркого Турана, драгоценностей из далекой Лемурии, замысловатой керамики из таинственной страны Каа-у. Праздный и деловой люд шатался от одной лавки к другой, выбирая себе товар по вкусу. Словом, жизнь в Талуме была привольной и радостной.

Городом правили два брата. Одного звали Раммин, что на языке тех далеких дней значило светлый, другого — Сомман, что означало поклонник прекрасного.

Раммин занимался математикой, градостроительством и военным искусством, он издавал новые законы, стремясь сделать счастливой жизнь и труд своих подданных. В характере же Соммана более всего проявлялась любовь к старым книгам, чьи пожухлые листы испещряли загадочные руны на древних языках давно исчезнувших народов. Однако разница в характерах и пристрасти-

ях братьев не мешали им править мудро и справедливо. Спокойствие и рассудительность старшего брата с лихвой окупались восторженностью и поэтичностью младшего. Оба любили друг друга, делаясь советами и самыми потаенными мыслями.

Так дни шли за днями. Ни нужда, ни голод, ни тяжелая рука завоевателя не угрожали свободолюбивым жителям славного Талума. Гостям всегда были рады, а порядок и безопасность обеспечивали сильная стража и мощная армия.

Но вот однажды младший брат уехал на охоту. Его сопровождали друзья и небольшой отряд личной охраны. Преследуя горного барана, веселая компания наткнулась на молодую женщину, красота которой была столь поразительна, что правитель, не задумываясь, тут же предложил ей руку и сердце. Выслушав юношу, молодая женщина согласилась на его предложение, но прежде предложила ему отужинать в ее доме. Ничего не подозревая, младший брат вместе со своими друзьями отправился в жилище радушной красавицы. Больше о них никто никогда не слышал.

Много дней искал правитель Талума своего брата, но все было напрасно. Прошел не один год, прежде чем отряд разведчиков совершенно случайно обнаружил одного из тех, кто находился в свите сгинувшего без следа правителя. Глаза его были безжалостно выколоты, ужасные раны по всему телу свидетельствовали о мучительных пытках и издевательствах, которым подвергся несчастный. Перед смертью он успел сообщить, что молодая женщина, повстречавшаяся им на пути,

оказалась колдуньей змеелюдей. Она привела их в огромную пещеру, где стояла мрачная цитадель. Вначале все шло хорошо, гостей угощали дорогими винами и изысканными яствами. Ослепленный любовью к прекрасной хозяйке, Сомман ничего не видел и не слышал. Глаза молодой женщины манили его, звали куда-то, обещая сказочное наслаждение и море неизведанных ласк. Завораживающая музыка лилась со всех сторон, дополняя это чувство удивительными ощущениями покоя и неги.

Потом пришел Тот, Кто Обитает В Тумане. Им довелось узреть его. Он пришел поздней ночью из бездонного колодца, сооруженного на площади подземной крепости. Оказалось, что народ змеелюдей поклоняется ему. Кто он был или что, им уже не довелось узнать. Порождение темных глубин мироздания приблизилось к Сомману, обволокло его клубящимися клочьями лиловых испарений, и юноша тотчас окаменел, застыв с поднятым кубком в руках. Отобрав у своей жертвы душу и жизнь, туман отступил. Дикая орава змеелюдей, восторженно завывая, бросилась на замерших от ужаса людей. Молодая женщина обернулась демонической ведьмой, ее глаза метали красные молнии. По мановению ее руки, несколько кошмарных слуг ударами тяжелых молотов разбили статую Соммана на мелкие осколки...

Услышав печальный рассказ, Раммин собрал большую армию и ринулся на поиски подземной цитадели. Никто не знает, что с ними приключилось. Все они сгинули бесследно, будто их и не бы-

ло никогда. Горы поглотили тысячи закованных в латы воинов, отборных коней и множество стенобитных машин. Оставшись без мудрого правителя, город Талум постепенно пришел в упадок. Десятки караванов, исчезнувших также бесследно, как и армия Раммина, отбили у богатых купцов желание посещать эти края.

Ныне от бывшего величия осталось два десятка ветхих лачуг, в которых живут те, кому нет никакого дела до остальной части мира,— закончил свою невеселую повесть хозяин постоялого двора.

СОДЕРЖАНИЕ

Джеймс Пейдж
ПУТЬ МРАКА

5

Дэн Ферринг
ВОЙНА ГНЕВА

255 (177)

Энтони Белл
БОГИ ПЕЩЕР

365 (238)

Литературно-художественное издание

КУЛЛ И ПУТЬ МРАКА

Руководитель проекта: Дмитрий Ивахнов. Составитель: Наталья Баулина. Художник: Владислав Асадуллин. Художественный редактор: Игорь Богданов. Серийное оформление: Дмитрий Вяземский. Верстка: Владимир Сергеев. Технический редактор Валентин Успенский. Корректор: Светлана Митина.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.12.99. Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Палатина». Печать офсетная. Бумага типографская. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 5000 экз. Заказ 531.

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999. Санкт-Петербург, ул. Казначейская д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125.

sz-press@peterlink.ru

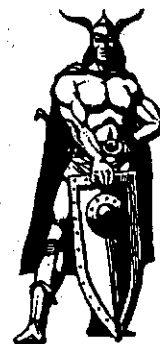
При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в типографии издательства «Белорусский Дом печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

"САГА О КУЛЛЕ"

КУЛЛ
И ТЕНИ
АТЛАНТИДЫ

РЫЖАЯ СОНЯ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
**"САГА О РЫЖЕЙ
СОНЕ"**

**РЫЖАЯ
СОНЯ
И
МЕЧ
СЕВЕРА**

КОНАН

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
"САГА О КОНАНЕ"

**КОНАН
И ЗВЕЗДЫ
ШАДИЗОРА**

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ

КОНАН
КЛУБ

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

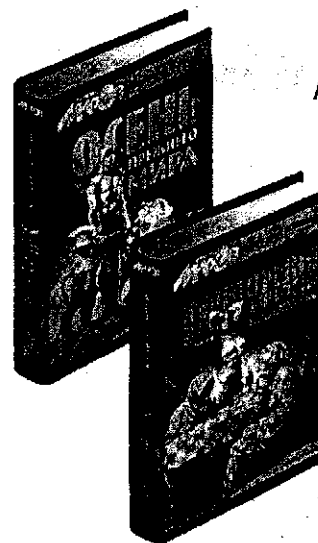
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЁСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

**А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
Д. СКИРЮК**

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Дмитрий Скирюк

ОСЕННИЙ ЛИС

Причудливый и противоречивый мир.
Здесь Лес говорит с человеком. Здесь
Гаммельнский крысолов под звуки дудочки
заманивает детей-колдунов.
Здесь радушный граф Дракула встречает
гостей в своем замке.
Здесь все переставлено с ног на голову - или
с головы на ноги? Кто знает...
Все может случиться в мире, где под осенней
луной танцуют рыжие лисы...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Марина и Сергей
Дяченко**

СКИТАЛЬЦЫ

Впервые знаменитая эпопея фэнтези
публикуется в полностью!
Наконец вы сможете прочитать
долгожданный роман

"Авантюрист"

завершающий блистательную
трилогию:

"Привратник"

"Ифрам"

"Преемник"

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

ПОСЛЕДНИЙ АВАТАР

Если вы расстались со всеми иллюзиями -
самое время обзавестись
новыми!

Роман культового автора
Александра Зорича "Последний аватар"
научит вас получать
удовольствие от виртуальной реальности,
реальности столь же подлинной,
сколь и опасной.

Русские умеют писать романы
о виртуальном мире. И
они делают это лучше
американцев!

"Последний аватар" - роман 2000 года!

Читайте - поспорим!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:
«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАННИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА X

«ПАЛОМНИК»
НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САГА О КУЛЛЕ

КУЛЛ
И ТРОН
БАЛУЗИИ

1

КУЛЛ
И ЗМЕИНОЕ
КОРОЛЕВСТВО

2

КУЛЛ
И КЛИНКИ
ЛЕМУРИИ

3

КУЛЛ
И БРАТСТВО
МЕЧА

4

КУЛЛ
И ДЫХАНИЕ
СМЕРТИ

5

КУЛЛ
И ВОИНЫ
ВЕЧНОСТИ

6

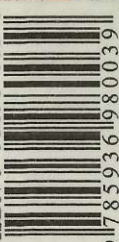

КУЛЛ
И ПУТЬ
МРАКА

7

ISBN 5-93698-003-0

9 785936 198003

